

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

4

2022

Цифровые технологии: выгоды и риски

Удаленная работа для малых и средних предприятий

Цифровые компетенции магистрантов

Трудности цифровизации музеев

Риски использования робототехнических транспортных средств

Проактивный подход в предоставлении государственных услуг

Последствия аутопойезиса современных электронных массмедиа

Консенсус в сетевой полемике

Подход РФ и КНР к защите информационного пространства

№ 4
2022

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

УЧРЕДИТЕЛИ:

ОСНОВАН В 1989 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
РОССИЙСКАЯ ИНЖЕНЕРНАЯ АКАДЕМИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ЕРШОВА Татьяна
Викторовна — канд.
экон. наук

ХОХЛОВ Юрий Евгеньевич (председатель) — канд. физ. — мат. наук, доц., акад. РИА
ОРЛОВ Степан Владимирович (зам. председателя) — канд. экон. наук
АЛЕКСЕЕВА Ирина Юрьевна — д-р филос. наук, доц.
БОГДАНОВ Александр Владимирович — д-р физ. — мат. наук, проф.
ВАРТАНОВА Елена Леонидовна — д-р фил. наук, проф.
ВОЙСКУНСКИЙ Александр Евгеньевич — д-р психол. наук
ДЕЖИНА Ирина Геннадьевна — д-р экон. наук, проф.
ЕЛИЗАРОВ Александр Михайлович — д-р физ. — мат. наук, проф.
ИВАНОВ Алексей Дмитриевич — д-р экон. наук, чл.-кор. РАЕН
ИВАХНЕНКО Евгений Николаевич — д-р филос. наук, проф.
КОГАЛОВСКИЙ Михаил Рувимович — канд. техн. наук, доц.
КОЛИН Константин Константинович — д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ
КУЗНЕЦОВА Наталия Ивановна — д-р филос. наук, проф.
МЕНДКОВИЧ Андрей Семенович — д-р химических наук, ст. науч. сотрудник
ОЛЕЙНИК Андрей Владимирович — д-р техн. наук, проф.
РАЙКОВ Александр Николаевич — д-р техн. наук, проф.
РУСАКОВ Александр Ильич — д-р хим. наук, проф.
СЕМЕНОВ Алексей Львович — д-р физ. — мат. наук, акад. РАН, действ. член РАО
СЕМЕНОВ Евгений Васильевич — д-р филос. наук, проф.
СЕРДЮК Владимир Александрович — канд. техн. наук, доц.
СЛАВИН Борис Борисович — д-р экон. наук
СМОЛЯН Георгий Львович — д-р филос. наук, проф.
СТРЕЛЬЦОВ Анатолий Александрович — д-р техн. наук, д-р юрид. наук, проф., засл. деятель науки РФ
ТАТАРОВА Галина Галеевна — д-р социол. наук, проф.
ШАПОШНИК Сергей Борисович
ЩУР Лев Николаевич — д-р физ. — мат. наук, проф.
ЯКУШЕВ Михаил Владимирович

Журнал зарегистрирован в Роспечати
(Per № 015 766 от 01.07.1999)
ISSN 1605-9921 (эл.)

Адрес редакции: Москва, Армянский переулок,
д. 9, офис 310-1
Тел.: +7 (495) 912-22-29
Электронная почта: info@infosoc.iis.ru
Веб-сайт: www.infosoc.iis.ru

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Авторы несут ответственность за патентную чистоту, достоверность и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за разглашение данных, не подлежащих открытой публикации. При любом использовании оригинальных материалов ссылка на журнал обязательна.

ЛЕГАЛЬНЫЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ
Пара(-)Тайп
IN LEGAL USE

В макете журнала использованы шрифты
ООО НП «ПараТайп»

**ПУБЛИКУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПРОШЛИ ПРОЦЕДУРУ
РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ЭКСПЕРТНОГО ОТБОРА**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ, РЕКОМЕНДОВАННЫХ **ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ РФ** ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ КАНДИДАТСКИХ И ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ЖУРНАЛ ВХОДИТ В ДАННЫЙ СПИСОК С 26 ФЕВРАЛЯ 2010 ГОДА.
С 2015 ГОДА ЖУРНАЛ ВХОДИТ В РОССИЙСКУЮ ПОЛКУ ЖУРНАЛОВ (RUSSIAN SCIENCE CITATION INDEX) НА ПЛАТФОРМЕ WEB OF SCIENCE.

© Институт развития информационного общества, 2022

Публикации в журнале «Информационное общество» доступны в открытом доступе по международной лицензии Creative Commons «С указанием авторства - Некоммерческая - С сохранением условий» версии 4.0 Международная

СОДЕРЖАНИЕ № 4 2022

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- 1 ЕРШОВА Татьяна Викторовна **Тот август, как желтое пламя...**

Социально-экономические аспекты информационного общества

- 2 ПАНОВА Екатерина Андреевна **Особенности внедрения удаленной работы в деятельность малых и средних предприятий**

ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- 9 БЕЛОЛОБОВА Анна Александровна **Развитие информационно-коммуникационных компетенций будущих экономистов в условиях электронного и смешанного обучения**
- 26 ВОЕВОДИНА Екатерина Владимировна, ГАРМОНОВА Анна Владимировна, ОПФЕР Евгения Анатольевна, ЩЕГЛОВА Дарья Владимировна **География неоднородности в цифровых компетенциях российских магистрантов**

Культура в информационном обществе

- 35 СИЗОВА Ирина Алексеевна, ГОРДИН Валерий Эрнстович **Цифровизация музеев: трудности, успехи, перспективы**

Информационное общество и право

- 45 БЕГИШЕВ Ильдар Рустамович **Высокоавтоматизированные транспортные средства: криминальные риски и правовые последствия**
- 55 МАНОХИН Виталий Сергеевич **Смарт-контракты: особенности правового регулирования и перспективы применения в комплаенс-системах**
- 61 ТАЛАПИНА Эльвира Владимировна, ДВИНСКИХ Дарья Юрьевна, ЧЕРЕШНЕВА Ирина Анатольевна **Государственные услуги в проактивном режиме (правовые перспективы)**

Информационное общество и СМИ

- 70 ИВАХНЕНКО Евгений Николаевич **Аутопойезис массмедийного конструирования будущего**
- 76 КАМИНЧЕНКО Дмитрий Игоревич **Новостная повестка дня интернет-СМИ и социальных медиа**
- 88 МА Кэ **Конфликт формирования консенсуса в условиях полемики о традиционной медицине в сетевом сообществе Китая**

Зарубежный опыт. Международной сотрудничество

- 96 МАЛЧИНОВА Айсура Эжеровна **Специфика сотрудничества РФ и КНР в области ИКТ**

Слово главного редактора

ТОТ АВГУСТ, КАК ЖЕЛТОЕ ПЛАМЯ...

Ершова Татьяна Викторовна

Кандидат экономических наук

Научно-аналитический журнал «Информационное общество», главный редактор

Член Союза журналистов России

Член Международной федерации журналистов

Москва, Российская Федерация

info@infosoc.iis.ru

Августовская жара 2022 года заставила вспомнить любимых поэтов:

Август – астры, Август – звезды... (Марина Цветаева).

Есть что-то прекрасное в лете, а с летом прекрасное в нас (Сергей Есенин).

Август. Персики и цукаты, и в медовой росе покос (Федерико Гарсия Лорка).

Тот август, как желтое пламя, Пробившееся сквозь дым, Тот август поднялся над нами,
Как огненный серафим (Анна Ахматова).

Последнее оказалось очень актуальным: в этом году, спустя 12 лет, август снова принес нам не только тепло и красоту, но и пожары. Этот номер верстался как раз в дыму от горящих рязанских лесов. К вечеру задул ветер и унес дым вдаль от Москвы. Столицу на этот раз не сильно задело, но из сводок последних дней стало известно, что горело не только в Рязанской области, но и в других российских регионах: Якутии, Республике Коми, Ханты-Мансийском автономном округе, Нижегородской, Ивановской и других областях. К концу августа площадь лесных пожаров в России составила более 120 тысяч гектаров. По данным Рослесхоза, одной из основных причин возгораний было нарушение правил пожарной безопасности.

Эффективной борьбе с пожарами могут помочь цифровые технологии, конкретно – беспилотные летательные аппараты. «Российская газета» пишет: «Эксперты считают использование дронов по-настоящему инновационным способом мониторинга и анализа леса, драйвером цифровизации лесной отрасли». Если в 2020 году таких устройств было не более двухсот, то к 2024 году только в охране лесов от пожаров будут использоваться более двух тысяч БПЛА. Мы надеемся, что производство беспилотников, востребованных в разных сферах российской экономики, скоро достигнет нужных масштабов. А наша редакция уже сейчас задумывается о новой тематической рубрике под условным названием «Цифровые технологии для безопасности жизнедеятельности» и ее наполнении научным и аналитическим контентом. Всячески приветствуем материалы на эту тему.

В нынешнем же номере у нас преобладают публикации в рубриках «Информационное общество и право» и «Информационное общество и СМИ» (по 3 статьи в каждой), а также «Образование в информационном обществе» (2 статьи). Отрадно, что заполненными оказались такие важные разделы, как «Социально-экономические аспекты информационного общества», «Культура в информационном обществе» и «Зарубежный опыт. Международное сотрудничество». Среди наших авторов есть представители Владимира (1), Казани (1), Москвы (11), Нижнего Новгорода (1), Омска (1) и Санкт-Петербурга (2). Из них 8 имеют ученые степени кандидата наук, 4 – доктора наук, двое из которых носят ученое звание профессора. Мы также включили в номер статьи одного аспиранта, одного магистранта и четырех авторов без степени, прошедшие рецензирование и необходимую доработку.

С марта этого года наблюдается заметное увеличение потока материалов, направляемых в журнал «Информационное общество». В связи с этим мы будем предъявлять еще более строгие требования к научному содержанию, литературному качеству и оформлению статей.

© Ершова Т.В., 2022.

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial – ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2022_04_1

Социально-экономические аспекты информационного общества**ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ В
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ**

Статья рекомендована к публикации главным редактором Т.В. Ершовой 10.05.2022.

Панова Екатерина Андреевна

Кандидат экономических наук

Государственный университет управления, кафедра финансов и кредита, доцент

Москва, Российская Федерация

k79@yandex.ru

Аннотация

Информационные технологии и удаленная работа стали неотъемлемой частью офисной среды, и фактическое расположение рабочего места во многих профессиях постепенно теряет свою значимость. Исследование направлено на выявление факторов, влияющих на внедрение удаленной работы в деятельность малых и средних предприятий, с учетом ее преимуществ и недостатков.

Ключевые слова

удаленная работа; дистанционная работа; производительность труда; оптимизация расходов; малые и средние предприятия; МСП; технологические инновации

Введение

2020 год принес беспрецедентные изменения в мировую экономику и рынок труда. Невозможность полноценного обслуживания клиентов и ограничения, наложенные на производственную и торговую деятельность, привели к резкому сокращению объемов выручки и массовому переходу на удаленную работу с целью минимизации убытков. Предприятия, как уже использовавшие на практике дистанционные методы работы, так и ранее их не применявшие, были вынужденно вовлечены в масштабный массовый эксперимент по ускоренному внедрению инновационных технологий. Конференцсвязь, онлайн-маркетинг, дистанционное координирование действий сотрудников и работа с использованием «облачных» сервисов сыграли огромную роль в решении проблем, возникших в результате пандемии. Малые и средние предприятия (далее – МСП), не по собственной воле открыв для себя возможности, связанные с удаленным ведением бизнеса, смогут получать выгоды от его использования и в дальнейшем. И если поначалу удаленная работа была вынужденной мерой, позволяющей обеспечить непрерывность функционирования бизнеса, то после смягчения ограничений многие предприятия полностью или частично перевели офисных сотрудников в дистанционный режим на добровольной основе. Основными причинами этого стали возможность снижения затрат, связанных с арендой и оборудованием помещений, а также профилактика распространения инфекционных заболеваний.

Аналогичный масштабный опыт использования удаленной работы пока отсутствует, а культура онлайн-взаимодействия сотрудников еще находится в стадии формирования. Очевидно, что в одночасье построить налаженную систему цифровых бизнес-процессов не получится и изменения займут не один год. Для снижения затрат и роста эффективности деятельности МСП должны сосредоточиться на изучении нетрадиционных бизнес-моделей и создании оптимальных схем дистанционного управления. Это позволит небольшим предприятиям стать менее уязвимыми к глобальным вызовам, а также в полной мере воспользоваться ситуацией, превратив кризис в возможности для роста.

© Панова Е.А., 2022

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2022_04_02

Цель исследования состоит в систематизации преимуществ и недостатков удаленной работы, а также выявлении факторов, влияющих на ее внедрение в деятельность МСП.

1 Сущность и виды удаленной работы

Удаленная (дистанционная) работа законодательно регулируется главой 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации. Под удаленной работой понимается выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя с использованием информационно-телекоммуникационных сетей как для ее выполнения, так и для взаимодействия между работодателем и работником. Наличие трудового договора, подтверждающего наличие постоянных трудовых отношений, отличает удаленную работу от фриланса, который регулируется гражданско-правовыми соглашениями, а использование информационно-телекоммуникационных сетей – от надомной работы, имеющей результаты материального характера и регулируемой главой 49 ТК РФ.

Переход на удаленную работу осуществляется по добровольному соглашению между работодателем и работником. При согласовании деталей удаленной работы необходимо уточнить график работы и режим рабочего времени, используемые телекоммуникационные средства, объемы выполняемой работы, механизмы контроля и порядок отчетности о проделанной работе.

Удаленная работа может быть классифицирована в соответствии со следующими параметрами:

- интенсивностью (в зависимости от доли времени, в течение которого сотрудник работает в месте, отличном от традиционного офисного помещения);
- режимом (осуществляются ли трудовые функции в рабочее время основной массы сотрудников или по его окончании);
- характером отношений между работником и работодателем (является ли сотрудник штатным или внештатным).

Эти параметры оказывают непосредственное влияние на результаты удаленной работы.

Интенсивность удаленной работы различается в зависимости от ее доли в общем рабочем времени. Сотрудник может работать удаленно полностью или частично (в гибридном формате). При гибридной удаленной работе сотрудник выполняет свои функции частично из дома или любого удобного для него места, частично из офиса. При этом телекоммуникационные технологии могут использоваться постоянно – например, в случае если в компании нет практики закреплять за сотрудником рабочее пространство и при выходе в офис он может использовать любое свободное место. Также возможен вариант, когда сотрудник использует удаленную работу только в случае необходимости – например, в случае недомогания или необходимости ухода за больным ребенком.

Что касается режима удаленной работы, то она может осуществляться в обычное рабочее время, либо вечером или в выходные дни. Кроме того, может использоваться комбинированный вариант, когда сотрудник в рабочее время выполняет срочные поручения, а в удобное для него время – остальную работу.

Если место работы является для сотрудника основным, то он считается штатной единицей. Если у сотрудника оформлено основное трудовое соглашение с другим работодателем, речь идет о внешнем совместительстве.

2 Преимущества и недостатки удаленной работы

Доля работы предприятия, которая может выполняться удаленно, прежде всего зависит от специфики его деятельности, которая определяет структуру рабочей силы. Существует четыре основных типа работников:

- работник физического труда, который должен присутствовать на стационарном рабочем месте для выполнения своей работы (например, оператор станка, продавец или уборщица);
- креативный сотрудник, развивающий инициативы и совершенствующий процессы, чаще всего работающий в команде (например, специалист отдела маркетинга, разрабатывающий рекламные кампании или менеджер по продажам);
- узкий специалист, чья работа основана на индивидуальном подходе (например, бухгалтер или экономист);

- сотрудник, не связанный с материальным производством, действующий по определенным алгоритмам, которым необходимо четко следовать, и не влияющий на улучшение процессов работы (например, работник колл-центра) [4].

Работники, занятые физическим трудом, не могут работать удаленно либо их удаленная занятость минимальна, в частности, если в обязанности входит формирование отчетов по смене. Доля удаленного рабочего времени креативных сотрудников зависит от того, насколько важно их личное присутствие при проведении собраний и совещаний, как часто требуются встречи с клиентами, узких специалистов – в каком объеме им необходим доступ к документам и т.п. Сотрудники, действующие по установленным алгоритмам, могут полностью работать из дома.

Основными факторами, делающими внедрение удаленной работы экономически обоснованным, являются:

- снижение расходов предприятий на аренду, коммунальные услуги, техническое обслуживание, оборудование, компьютеры, телефоны, интернет, оплата парковки для автомобилей сотрудников, уборка и обеспечение безопасности;
- повышение производительности труда за счет сокращения времени на дорогу;
- возможность увеличения непрерывных периодов времени для концентрации на рабочих задачах за счет отсутствия отвлекающих факторов офиса;
- повышенная мотивация, удовлетворенность и самоотдача сотрудников за счет достижения баланса между работой и личной жизнью;
- возможность экономии на заработной плате и страховых взносах за счет трудоустройства людей, которые не имеют возможности работать в офисе, в дневное время или без перерывов, таких как женщины с маленькими детьми, инвалиды, жители удаленных населенных пунктов, студенты;
- возможность нивелирования семейных обстоятельств и отлучек с работы, связанных с недомоганиями, необходимостью ухода за больными детьми или пожилыми родственниками;
- сокращение распространения инфекционных заболеваний среди сотрудников, нарушающего рабочие процессы;
- снижение уровня стресса сотрудников, приводящего к снижению производительности труда и проявляющегося в нарушении концентрации, ошибках;
- возможность использования гибкого графика;
- экономия времени за счет уменьшения количества поездок на работу;
- формирование более здорового кадрового состава;
- минимизация количества прогулов и текучести кадров.

К недостаткам удаленной работы относятся:

- сложности с обеспечением пригодного, грамотно организованного рабочего места, лежащего в основе производительности, поскольку в жилых помещениях не всегда есть возможность выделить тихое, отдельное пространство;
- сокращение личного общения, являющегося важным источником социального взаимодействия, возникновение у сотрудников чувства изоляции на рабочем месте и потеря контакта с коллегами по работе из-за того, что коммуникации в основном осуществляются посредством e-mail, конференцсвязи и текстовых сообщений;
- снижение эффективности обмена информацией при электронном общении в связи с недостаточной внимательностью и возможностью неправильного толкования контекста;
- сложности с координацией действий удаленных работников и организацией их мониторинга;
- высокие затраты, связанные с выявлением злоупотреблений со стороны сотрудников и контролем за соблюдением режима рабочего времени;
- отсутствие у персонала мотивации за счет ограниченных возможностей карьерного роста;
- негативное влияние совмещения рабочих и семейных обязанностей на эффективность работы вследствие необходимости отвлекаться на членов семьи, особенно детей;

- снижение вовлеченности в работу за счет отсутствия контроля;
- отсутствие или ограничение доступа к рабочей документации из дома;
- нарушение установленных сроков выполнения работы в случае неисправности телекоммуникационных средств;
- сложности с ИТ-поддержкой и обеспечением безопасности данных при организации удаленного доступа.

3 Специфика использования удаленной работы МСП

МСП оптимально подходят для удовлетворения колеблющихся потребностей рынка за счет инновационности, инициативности, творческого подхода и более низкой доли постоянных затрат, делающей их более гибкими по сравнению с крупными предприятиями. В то же время ввиду ограниченных масштабов деятельности МСП вынуждены экономить в том числе и на персонале, который чаще всего отличается многозадачностью и, помимо своих непосредственных должностных обязанностей, выполняет дополнительные, порой не предусмотренные трудовым договором функции. МСП может быть невыгодно держать на полную ставку ту или иную штатную единицу, и наем сотрудника, работающего в удаленном режиме при неполной занятости, является выходом из сложившейся ситуации. Исследования подтверждают влияние удаленной работы на улучшение показателей и повышение эффективности малого и среднего бизнеса [10, 8].

Важнейшей предпосылкой для успешной удаленной работы является техническое оснащение предприятия, в котором решающую роль играют работодатели [7]. Даже при наличии у сотрудников собственных компьютерных средств в большинстве случаев им потребуются настройка удаленного доступа и обучение навыкам удаленной работы. Поэтому МСП важно обеспечить хотя бы минимальную ИТ-поддержку, которая с появлением программ типа TeamViewer не требует больших затрат и по большей части может также осуществляться удаленно.

Нехватка ресурсов, как финансовых, так и технологических отрицательно сказывается на эффективности удаленной работы, поскольку влечет за собой сложности с контролем за ее выполнением. Помимо отчетов о проделанной работе основными методами контроля являются установка веб-камер и специальных программ, отслеживающих время занятости сотрудника. Видеослежение подразумевает наличие персонала, который будет заниматься просмотром отснятого материала, что может быть экономически невыгодно. Что касается специальных программ, то их несложно обмануть, поскольку они не в состоянии проанализировать результаты проделанной работы, а настроены механически. Например, движение оптической компьютерной мыши воспроизводится за счет ее установки на компакт-диск, а подсчет времени, проведенного сотрудником в интернете за просмотром посторонних сайтов, не учитывает использование для этих целей других устройств. Поэтому для МСП оптимально подходит использование удаленной работы с конкретными результатами в виде сданных отчетов, макетов рекламных материалов, сформированных заказов и т.д.

При принятии решения о приеме или переводе сотрудников на удаленную работу необходимо понимать, что подходит она далеко не всем. Результаты удаленной работы во многом зависят от навыков планирования времени [6]. Другим важным фактором является мотивация. Для одних возможность сэкономить на одежде, необходимой для соблюдения офисного дресс-кода, является преимуществом, в то время как для других посещение работы – это весомый повод обновить свой гардероб. Кто-то обладает способностью к самоорганизации в домашних условиях, а кого-то они расхолаживают. Если не брать в расчет случаи, когда работа из дома является единственным возможным вариантом, то предрасположенность к удаленной работе во многом зависит от склада характера и темперамента человека. Исследования показывают, что наилучшими потенциальными удаленными работниками являются меланхолики [1] и интроверты [2], на которых положительно влияет сокращение повседневных социальных взаимодействий, в отличие от экстравертов, на которых оно влияет отрицательно [3].

Следует отметить, что при использовании удаленной работы так или иначе возникает проблема разобщенности коллектива. В связи с этим, субъектам малого бизнеса и предприятиям, находящимся на ранней стадии развития, будет полезно использование общих рабочих пространств для сотрудников, работающих в смешанном режиме – это поможет сформировать и в

дальнейшем поддерживать корпоративную культуру¹. Для сотрудников, полностью работающих в удаленном режиме, важно организовывать личные встречи с определенной периодичностью – они положительно сказываются на эффективности работы [5].

Существенным барьером на пути внедрения удаленной работы в деятельность МСП является направленность мышления руководителей МСП, которые часто не осознают возможности, открывающиеся за счет применения удаленной работы, и придерживаются мнения, что она не может быть результативной. Имея представление о том, что движет сотрудниками, готовыми работать удаленно, предприятия могут сократить издержки без потери производительности.

На государственном уровне для дальнейшего продвижения и внедрения удаленной работы в деятельность МСП должны быть разработаны более эффективные законодательные принципы, учитывающие интересы людей с ограниченными возможностями и лиц, вынужденных ухаживать за другими членами семьи, а также нанимающих их предприятий.

В настоящий момент политика удаленной работы является неотъемлемой частью плана по обеспечению непрерывности бизнеса в случае наступления непредвиденных событий, не позволяющих сотрудникам выполнять свои функции на привычном рабочем месте. Действенность этой политики будет заметна скорее всего уже по окончании пандемии, когда удаленная работа станет не принудительной мерой, а добровольной альтернативой [9]. Однако уже сейчас адаптация условий работы под изменяющиеся условия позволяет МСП превратить временные сложности в конкурентные преимущества перед другими субъектами экономической деятельности, избегающими инновационной перестройки.

Заключение

Вспышка коронавируса повлияла на деятельность предприятий во всем мире и дала четкое понимание того, насколько ценны в современных условиях информационные технологии. COVID-19 вызвал всплеск инноваций, поддерживающих видеоконференции, удаленный доступ и цифровые решения, направленные на минимизацию контактов сотрудников и клиентов. Экономическое обоснование этому явлению простое: необходимость удаленной работы стимулирует развитие поддерживающих ее технологий. Удаленная работа дает преимущества предприятиям и их сотрудникам, позволяет поддерживать работоспособность бизнеса, когда он не имеет возможности функционировать в обычном режиме, а также приносит значительные выгоды обществу в целом, косвенно предотвращая разрушение дорожных покрытий и загрязнение воздуха благодаря снижению дорожного трафика.

Внедрению удаленной работы на МСП препятствуют финансовые и технологические ограничения, недостаток знаний и интереса со стороны руководства, проблемы со связью, трудности с поиском сотрудников и сомнения в их надежности.

Во многих сферах сейчас наблюдается снижение уровня потребления. Особенно сильный удар это наносит по малому и среднему бизнесу, для которого как никогда стала важна скорость реакции на форс-мажорные обстоятельства и способность подстраиваться под них. Практика внедрения удаленной работы имеет значение для МСП не только во время пандемии COVID-19, но и в долгосрочной перспективе. Вероятность полной замены офисной работы удаленной представляется весьма небольшой. Но предпосылки для того, что офисы станут местом для инноваций, развития сотрудничества, обучения и общения, а механическая работа будет выполняться удаленно, явно имеются.

Литература

1. В. Б. Орлов, Е. И. Бураншина Удаленная работа как новая реальность трудовых отношений: анализ факторов предрасположенности к удаленной работе // Вестник югорского государственного университета. 2014. № 4 (35). С. 40–46.
2. Evans A.M., Meyers M.C., Van De Calseyde P., Stavrova O. Extroversion and Conscientiousness Predict Deteriorating Job Outcomes During the COVID-19 Transition to Enforced Remote Work // Social Psychological and Personality Science. 2021. Pp. 1-11. DOI: 10.1177/19485506211039092

¹ The revolution of work. A survey on the world of work post-COVID-19. CBI Economics. 2021. https://www.cbi.org.uk/media/7029/12680_cbi-economics_nexus_report_web.pdf (дата обращения: 07.12.2021).

3. Iqbal S., Suh J., Czerwinski M., Mark G., Teevan J. Remote Work and Well-being // NFORW. 2020. № 3–5, August. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/research/uploads/prod/2020/07/NFW-Iqbal-et-al.pdf> (дата обращения: 02.12.2021).
4. Jacobs E. The new frontiers of hybrid work take shape // Financial Times. 2021. 21st, April. URL: <https://www.ft.com/content/f568997c-513c-48b0-8422-fabacda46418> (дата обращения: 05.12.2021).
5. Mulki J., Bardhi F., Lask F., Nanavaty-Dahl J. Set Up Remote Workers to Thrive // MIT Sloan Management Review. 2009. September, № 51(1).
6. Nakrošienė A., Bučiūnienė I., Goštautaitė B. Working from home: characteristics and outcomes of telework // International Journal of Manpower. 2019. Vol. 40, № 1. Pp. 87-101. <https://doi.org/10.1108/IJM-07-2017-0172>
7. Siegl A. Remote Working Skills: Empirical Evidence on the Relevance and Needs from Six EU Countries // Research report within the framework of the project «REMSKA – Remote Working Skills for All». 2021. May. URL: https://www.haw-hamburg.de/fileadmin/Arbeitsstelle_Migration/PDF/REMSKA-Research_Report_2021_LearningOutcomesRemoteWorkingSkills_Web.pdf (дата обращения: 02.12.2021).
8. Vrchota J., Maříková M., Rehor P. Teleworking In Small And Medium Enterprises (Smes) Before The Onset Of Coronavirus Crisis In The Czech Republic // Journal of Contemporary Management. 2020. Issues Vol. 25, № 2. Pp. 151-164. DOI: <https://doi.org/10.30924/mjcmi.25.2.8>
9. Vyas L., Butakhieo N. The Impact Of Working From Home During COVID-19 On Work And Life Domains: An Exploratory Study On Hong Kong // Policy Design And Practice. 2021. Vol. 4, № 1. Pp. 59-76. <https://doi.org/10.1080/25741292.2020.1863560>
10. Zhang T., Gerlowski D., Acs Z. Working From Home: Small Business Performance And The COVID-19 Pandemic // Small Business Economics. 2021. <https://doi.org/10.1007/s11187-021-00493-6>

FEATURES OF THE REMOTE WORK IMPLEMENTATION IN THE ACTIVITIES OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES

Panova, Ekaterina Andreevna

Candidate of economic sciences

State University of Management, Department of finances and credit, associate professor

"Multi-Plast 2000", financial director

Moscow, Russian Federation

k79@yandex.ru

Abstract

Information technology and remote work have become an integral part of the office environment, and the actual location of the workplace is gradually losing its importance in many occupations. The research is aimed at identifying the advantages and disadvantages of remote work, as well as factors affecting its implementation in the activities of small and medium-sized enterprises.

Keywords

remote work; remote work; labor productivity; cost optimization; small and medium-sized enterprises; SME; technological innovations

References

1. Orlov V.B., Buranshina E.I. Udalennaya rabota kak novaya realiya trudovih otnosheniy: analiz faktorov predispolozhennosti k udalenoj rabote // Vestnik yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No 4(35). S. 40-46.
2. Evans A.M., Meyers M.C., Van De Calseyde P., Stavrova O. Extroversion and Conscientiousness Predict Deteriorating Job Outcomes During the COVID-19 Transition to Enforced Remote Work // Social Psychological and Personality Science. 2021. Pp. 1-11. DOI: 10.1177/19485506211039092
3. Iqbal S., Suh J., Czerwinski M., Mark G., Teevan J. Remote Work and Well-being // NFWO. 2020. № 3-5, August. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/research/uploads/prod/2020/07/NFW-Iqbal-et-al.pdf> (дата обращения: 02.12.2021).
4. Jacobs E. The new frontiers of hybrid work take shape // Financial Times. 2021. 21st, April. URL: <https://www.ft.com/content/f568997c-513c-48b0-8422-fabacda46418> (дата обращения: 05.12.2021).
5. Mulki J., Bardhi F., Lassk F., Nanavaty-Dahl J. Set Up Remote Workers to Thrive // MIT Sloan Management Review. 2009. September, No 51(1).
6. Nakrošienė A., Bučiūnienė I., Goštautaitė B. Working from home: characteristics and outcomes of telework // International Journal of Manpower. 2019. Vol. 40, No 1. Pp. 87-101. <https://doi.org/10.1108/IJM-07-2017-0172>
7. Siegl A. Remote Working Skills: Empirical Evidence on the Relevance and Needs from Six EU Countries // Research report within the framework of the project «REMSKA – Remote Working Skills for All». 2021. May. URL: https://www.haw-hamburg.de/fileadmin/Arbeitsstelle_Migration/PDF/REMSKA-Research_Report_2021_LearningOutcomesRemoteWorkingSkills_Web.pdf (дата обращения: 02.12.2021).
8. Vrchota J., Maříková M., Rehor P. Teleworking In Small And Medium Enterprises (Smes) Before The Onset Of Coronavirus Crisis In The Czech Republic // Journal of Contemporary Management. 2020. Issues Vol. 25, No 2. Pp. 151-164. DOI: <https://doi.org/10.30924/mjcmi.25.2.8>
9. Vyas L., Butakhieo N. The Impact Of Working From Home During COVID-19 On Work And Life Domains: An Exploratory Study On Hong Kong // Policy Design And Practice. 2021. Vol. 4, No 1. Pp. 59-76. <https://doi.org/10.1080/25741292.2020.1863560>
10. Zhang T., Gerlowski D., Acs Z. Working from Home: Small Business Performance and the COVID-19 Pandemic // Small Business Economics. 2021. <https://doi.org/10.1007/s11187-021-00493-6>

Образование в информационном обществе**РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОМУНИКАЦИОННЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ ЭКОНОМИСТОВ В УСЛОВИЯХ
ЭЛЕКТРОННОГО И СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ**

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета А.М. Елизаровым 16.05.2022.

Белолобова Анна Александровна

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный технический университет», кафедра «Менеджмент и сервис», ассистент
Омск, Российская Федерация
belolobova@gmail.com*

Аннотация

В статье предложена, обоснована и апробирована методика развития ИКТ-компетентности средствами электронного и смешанного обучения. Описана методика переноса образовательной деятельности в цифровую среду. В ходе проведения эксперимента подтверждена результативность методики. Автор приходит к выводу о том, что применение цифровых инструментов и e-learning в процессе обучения информационным технологиям обеспечивает развитие мотивации к изучению информационных технологий, а процесс развития ИКТ-компетенций совершенствуется в условиях использования потенциала цифровых инструментов и e-learning.

Ключевые слова

развитие ИКТ-компетентности; компьютерная грамотность; электронное обучение; цифровизация образования

Введение

В современном мире при повсеместном внедрении информационных технологий во все сферы деятельности человека, применение современных цифровых инструментов становится вынужденной необходимостью, меняя условия труда, в которых современному выпускнику придётся работать. Кроме того, цифровизация, идущая усиленными темпами в условиях пандемии, затрагивает и образование, благодаря чему получают распространение технологии электронного и смешанного обучения.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения влияния современных образовательных условий на цифровую грамотность и компетентность в области информационно-коммуникационных технологий (далее - ИКТ-компетентность) будущих выпускников.

Развитие ИКТ-компетенций является важной задачей для будущих специалистов в условиях становления цифровой экономики [18]. Так, для профессиональной деятельности будущих экономистов в условиях информационного общества им необходимо развить устойчивые навыки работы в электронной среде.

Цель исследования: разработка методики развития ИКТ-компетенций в рамках курса «Информационные технологии в профессиональной деятельности», учитывающей реалии электронного обучения и экспериментальная проверка ее эффективности.

Для достижения поставленной цели исследования были поставлены следующие задачи:

1. Сформулировать условия для развития ИКТ-компетенций, необходимых будущему экономисту-выпускнику колледжа.

© Белолобова А. А., 2022.

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>
https://doi.org/10.52605/16059921_2022_04_09

2. Провести анализ современных цифровых инструментов обучения, используемых в условиях электронного и смешанного обучения, составить их классификацию.
3. Разработать методику развития ИКТ-компетенций, учитывающую специфику современного смешанного обучения в рамках изучения дисциплины «Информационные технологии в профессиональной деятельности».
4. Осуществить экспериментальную проверку действенности данной методики.

1 Материалы и методы

Методологической и теоретической базой исследования послужили:

- научные труды в сфере информатизации образования (А.П. Ершов, М.П. Лапчик, И.В. Роберт, Е.С. Полат и др.);
- работы по проблеме развития компьютерной грамотности, информационной культуры и ИКТ-компетентности (М. П. Лапчик, А. П. Ершов, Е. К. Хеннер, Л. Л. Босова и др.).

Работы, посвященные теоретическим основам развития информационно-коммуникационной компетентности экономистов: Л. С. Галкина, Ю.А. Горохова, Н.Г. Сабитова, И.Л. Савостьянова, Е.М. Шевченко, С. А. Чеверева и др.

Развитие цифровой грамотности уже давно стало важной задачей для государства, что подтверждается наличием соответствующих национальных проектов, таких как: федеральный проект «Цифровая образовательная среда» (действует с 01.11.2018 по 30.12.2024), национальный проект «Образование» (действует с 01.11.2018 по 30.12.2024), программа «Цифровая экономика» (2017 - 2030) и др. [7, 19, 18]. В данных всероссийских проектах и программах обозначена необходимость работы в области развития ИКТ-компетентности населения РФ. Кроме того, в них обозначается необходимость развития цифровых навыков не только у представителей ИТ-индустрии, но и повышение цифровой грамотности у всех специалистов, независимо от специализации.

К исследованиям, посвящённым формированию ИКТ-компетентности педагогов можно отнести работы М.П. Лапчика, В.В. Гриншкун Л. С. Галкиной, И. Л. Савостьяновой и др. [15, 23, 6, 9], а развитие ИКТ-компетентности более детально рассматриваются работах Л. С. Галкиной, Ю.А. Гороховой, Н.Г. Сабитовой, И.Л. Савостьяновой, Е.М. Шевченко, С. А. Чеверева [6, 8, 22, 23, 29].

На сегодняшний день ИКТ-компетентность трактуется неоднозначно, как отмечают в своих трудах В.Р. Имакаев, А.А. Кузнецов, О.Н. Новикова, Е.К. Хеннер. [14, 12, с. 19]. Если обратиться к описанию цифровой грамотности в актуальных на сегодняшний день национальных программах, то в тексте проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» в перечень ключевых компетенций цифрового мира вошли: коммуникация и кооперация в цифровой среде, саморазвитие в условиях неопределенности, креативное мышление, управление информацией и данными, критическое мышление в цифровой среде и др. [21]. Таким образом, мы можем говорить о том, что ИКТ-компетентность обретает особую значимость, а также ИКТ-компетентность претерпевает некоторые изменения, и на сегодняшний день в структуре ИКТ-компетентности присутствует достаточно большое количество «мягких навыков».

Если говорить об ИКТ-компетентности на примере выпускников колледжей экономических специальностей, то большинство исследователей данного вопроса отмечают, что изучения лишь программных продуктов, обозначенных в рабочей программе недостаточно для того, чтобы сформировать компетенции, позволяющие ориентироваться в постоянно меняющемся современном цифровом мире, а ведь данные навыки входят в число общекультурных компетенций (ОК) Федерального государственного образовательного стандарта СПО по специальности 38.02.07 Банковское дело Так, к компетенциям, необходимым в цифровом обществе можно отнести: ОК 2-ОК 5, ОК 8, ОК 9. [20] Все эти компетенции так или иначе отражают необходимость быть готовым к частой смене технологий и к использованию цифровых инструментов как помощников специалисту в повседневной работе.

Для последующего развития ИКТ-компетентности экономиста определим это понятие.

Структура информационной компетентности будущего экономиста была более подробно описана мною в статьях, посвященных изучению ИКТ-компетентности экономистов в современных условиях цифровизации. [3, 4].

В программе «Цифровая экономика» цифровые компетенции определены как доказанная способность использовать знания, умения, навыки, личные качества, ценности и установки для эффективного решения определенного круга задач, а ключевые компетенции цифровой экономики определены как компетенции, обеспечивающие успешность в профессиональной и социальной жизни и конкурентные преимущества в специфичных условиях цифровой экономики [1]. Стоит отметить, что в данном контексте ИКТ-компетенции рассматриваются не как «цифровая грамотность», а как навыки, необходимые именно для работы. Схожие навыки выделяют и Ахметзянова И. С., Садриева Л. М., занимающиеся вопросами развития ИКТ-компетентности экономистов [2].

За определение ИКТ-компетентности будущего экономиста в данной статье возьмем следующее: совокупность личностных качеств, позволяющих специалисту самостоятельно использовать современные технологические решения в своей жизни и профессиональной деятельности в условиях цифрового общества [4, с. 7].

Если говорить о взаимосвязи ИКТ-компетенций с дисциплиной «Информатика», то в работе И. Л. Савостьяновой приведены результаты исследования, в котором представители профессионального сообщества оценивали необходимость знаний будущим экономистам различных разделов информатики в профессиональной деятельности и пришли к выводу о том, что большее внимание стоит уделять практическим навыкам. [23, с. 116].

Таким образом, развивая ИКТ-компетентность будущего экономиста на сегодня нам необходимо уделить внимание не только успехам студентов по освоению программы дисциплины «Информационные технологии в профессиональной деятельности», но и практическим навыкам работы с цифровыми данными, а также готовности к работе в цифровой среде.

В настоящее время существует огромное количество цифровых инструментов, пригодных для использования в образовании. И под влиянием пандемии эти инструменты и сервисы все активнее начинают применяться, а рынок образовательных сервисов и приложений настолько велик, что практически под каждый вид деятельности можно подобрать цифровой инструмент, способный перенести образование онлайн. Кроме того, существуют модели, говорящие о том, что данные инструменты способны менять образование и помогать в развитии новых навыков у обучающихся. Так, например, модель SAMR описывает изменения в педагогической практике, обусловленные применением цифровых технологий [28].

На основе анализа опыта применения различных цифровых инструментов и их влияния на различные аспекты ИКТ-компетентности будущего экономиста российскими исследователями была составлена таблица 1, демонстрирующая влияние применения цифровых инструментов на ИКТ-компетентность.

Таблица 1. Опыт применения цифровых инструментов с целью развития ИКТ-компетентности

Класс цифровых инструментов. Его описание	Пример инструмента	Результаты исследований
Социальные сети	Социальные сети ВКонтакте, YouTube	Социальные сети рассматриваются сегодня как образовательный ресурс, способный активизировать различные формы и методы обучения с целью формирования ИКТ-компетентности [26, с. 167].
Сетевые социальные сервисы и сервисы веб 2.0. Сетевые сервисы для совместной работы и совместного размещения материалов, в том числе документов и медиафайлов [27]	Различные карты с совместной работой, таймлайны, виртуальные доски. Карты с совместным редактированием (Google) Free Timeline, TimeRime	Опыт использования сервисов Веб 2.0 в учебном процессе показал их перспективность для формирования ключевых компетенций студентов, умения ориентироваться в постоянно изменяющихся условиях, выбирать из постоянно нарастающего потока информации необходимое [13, с. 21].

Класс цифровых инструментов. Его описание	Пример инструмента	Результаты исследований
	JamBoard от Google, Miro, IDroo	
Электронная почта	Почтовые сервисы от Mail, Yandex, Google и т.п.	В структуре ИКТ-компетенций важны компетенции, позволяющие коммуницировать и взаимодействовать, а именно: отправка писем и сообщений, ответ на письмо, формулирование темы письма, обращение, подпись [25, с. 31].
Мессенджеры и чаты	ВКонтакте, WhatsApp, Viber, Telegram и т. п.	В ИКТ-компетентность входит использование ИКТ (электронная почта, социальные сети и мессенджеры) для осуществления коммуникации и обмена информацией [11, с. 83].
Облачные документы и облачные хранилища.	Облачные документы, таблицы, презентации с возможностью совместной работы от Google	Опытно-экспериментальная работа позволила на формирующем этапе эксперимента по исследованию возможностей облачных технологий выявить значимое повышение уровня развития ИКТ-компетентности студентов экспериментальных групп [6, с. 144].
QR-коды	Plickers	Использование сканера QR-кодов может применяться как демонстрация работы алгоритма распознавания образов, а также объяснения практического применения двоичного кодирования в жизни [17, с.74].
Вебинары и видеохостинги	Zoom, Skype, Мираполис, YouTube	К информационно-коммуникационным технологиям некоторые авторы относят среды телекоммуникаций, включающие, в том числе, возможности голосовой и видеосвязи; цифрового телевидения и потокового вещания для поиска, получения, хранения, обработки и передачи информации [16, с. 78].
Электронные учебники и электронная литература	E-library, Академия Google, IPRbooks, ЯКласс	ЯКласс позволяет организовать образовательный процесс с применением инновационных технологий и повысить ИКТ-компетентность учащихся.
Интерактивные рабочие листы, виртуальные тетради.	Google Sites Wizer.me. Core.ai	Виртуальная тетрадь позволяет достичь определенных предметных образовательных результатов, а также помогает развивать ИКТ-компетенции [7, с. 45].
Веб-квесты	Квесты от Learnis	Развитие навыков работы с мобильными приложениями и веб-сервисами [17. с. 38].
Интерактивные видео, интерактивные игры и задания	Ispring, EdPuzzle, eТреники, LearningApps, StudyStack	Интерактивная электронная информационно-образовательная среда является средством формирования ИКТ-компетенций студентов. Интерактивные организационно-педагогические мероприятия позволяют передавать опыт использования ИКТ в обучении. Дидактические интерактивные средства ведут к развитию информационной компетентности студентов [25, с. 58].

Класс цифровых инструментов. Его описание	Пример инструмента	Результаты исследований
Технология дополненной реальности	Aurasma	Позволяет дать представление о наиболее прогрессивных технологиях, повысить наглядность и интерактивность обучения [9, с. 22].
Электронное тестирование	Google-опросы, Яндекс-формы, Google формы, Wizer.me. Core.ai	Электронное тестирование обеспечивает мотивацию работы студентов [5, с. 9]/ Применение компьютерного тестирования знаний способствует повышению уровня информационной и коммуникативной грамотности обучающихся [24, с. 20]/

Ввиду недостаточного объема данных о результативности применения конкретных классов программных продуктов на ИКТ-компетентность будущих экономистов для анализа использовались данные о результативности влияния различного программного обеспечения и сервисов на ИКТ-, ИТ- и информационную компетентность специалистов из различных областей.

Кроме того, многие авторы отмечают положительное влияние мобильных технологий на ИКТ-компетентность. Так, например в работе М. Ю. Новикова говорится о том, что использование методов мобильного обучения позволяет реализовать расширение содержания курса информатики в части освоения современных облачных и мобильных технологий. [17, с. 73]. А в работе Л. С. Галкиной приведены основные факторы развития ИКТ-компетентности будущих экономистов и менеджеров, к которым можно отнести: сочетание дистанционной и традиционной форм обучения и взаимодействие участников образовательного процесса в электронной информационно-образовательной среде, что позволяет развивать навык коммуникации в сети. [6, с. 72].

Таким образом, опыт исследователей говорит о том, что применение цифровых сервисов в образовании целесообразно для развития различных аспектов ИКТ-компетентности, но большинство исследователей в своих работах описывает влияние на ИКТ-компетентность одного конкретного инструмента или приложения, тогда как современное понимание ИКТ-компетентности требует от будущего выпускника своеобразного «цифрового кругозора» и готовности работать в постоянно меняющихся условиях, а значит и в любой предложенной цифровой среде.

Все это говорит о целесообразности применения комплекса различных инструментов с целью помощи в развитии ИКТ-компетентности будущего выпускника, а сервисы и инструменты, применяемые в условиях электронного и смешанного обучения, могут иметь положительное влияние на развитие ИКТ-компетентности будущего специалиста.

Применение современных технологий в процессе обучения может позволить обучающимся привыкнуть к применению сервисов и приложений в своей профессиональной деятельности и показать многообразие форм использования современных инструментов в повседневной жизни. Данный подход позволит избежать «заикленности» обучения на самих сервисах и способен помочь в будущем самостоятельно развивать навыки в области ИТ.

Влияние технологий и различных сервисов пытались осмыслить и ранее, но большинство наиболее распространенных моделей, описывающих влияние использования технологий на образование англоязычны и содержат большое количество сервисов и приложений, которые не адаптированы под использование в России и не учитывают сервисы российских разработчиков. Более того, данные модели не могут ответить на вопрос: «Какой инструмент выбрать, если необходимо организовать какой-то конкретный вид работ (например: провести лекцию, организовать тестирование, создать телекоммуникационный проект и т.д.). Напротив, большинство классификаций основывается на долгосрочных педагогических целях, таких как развитие аналитических навыков, развитие знания и т. п. Глобальные эффекты от цифровизации образования, безусловно, важны, но преподаватели чаще всего начинают подбор инструмента исходя из конкретной задачи, которую нужно решить для перехода занятия в цифровой формат. И

если мы говорим об органичном переносе образовательной деятельности в цифровой формат, то для более комфортного переноса следует ответить на более практичные вопросы, например: какие инструменты можно использовать, если необходимо провести фронтальный опрос или лекцию?

Анализ литературы, посвященной проблемам внедрения электронного обучения, показал, что на практике при попытке ответить на вопрос «зачем нужны цифровые инструменты?» авторы чаще приводят практичные, очень приближенные к реальности прикладные ответы и едва ли говорят о развитии компетенций и навыков глобально. А это значит, что для педагога это в первую очередь решение прикладной задачи, автоматизация традиционного вида деятельности.

В сложившейся ситуации комплексное описание того, что один инструмент можно использовать для онлайн-урока, а другой – для составления интерактивных заданий, может сделать процесс внедрения цифровых инструментов в образовательную деятельность проще и понятней, а развитие навыков – это то, что мы получаем дополнительно. Инструмент, объясняющий педагогу, какой инструмент стоит применить в конкретной педагогической ситуации, позволит сделать переход к «цифре» более комфортным и очевидным для всех участников образовательного процесса, а это значит, что цифровые инструменты смогут чаще появляться в образовательном процессе и, вероятно, повышать ИКТ-компетентность.

Таким образом, стоит классифицировать различные сервисы, исходя из видов традиционных работ, возможных в аудитории, учитывая современные возможности электронного обучения. Данная классификация позволит легко подобрать инструмент исходя из задач, стоящих перед педагогом.

Для начала работы над классификацией цифровых инструментов стоит обозначить то, какие формы и методы работы в аудитории существуют в традиционном оффлайн-обучении, чтобы впоследствии подобрать к ним цифровые аналоги, которые смогут максимально комфортно перевести работу в онлайн.

Традиционно по форме организации учебной деятельности в дидактике выделяют 3 основных формы: фронтальная, групповая, индивидуальная.

При переносе работы в цифровую среду важную помнить о том, что существует два основных вида коммуникации при работе в электронной среде: синхронная и асинхронная.

Таким образом, стоит разделить сервисы на две крупных категории по типу коммуникации:

- синхронная коммуникация, которая предполагает взаимодействие в режиме реального времени;
- асинхронная коммуникация, которая предполагает работу с некоторой задержкой.

В двух этих категориях можно выделить 3 основных формы работы со студентами:

- фронтальная.
- групповая.
- индивидуальная.

На основании данного деления можно разработать классификацию, позволяющую подобрать цифровой инструмент, основываясь на конкретной ситуации.

Для того, чтобы эта классификация имела практическую значимость, необходимо предложить приложения и сервисы, способные позволить работать в цифровой среде в каждой конкретной ситуации.

Для решения поставленной цели было проанализировано более 50 различных сервисов и приложений, которые встречаются в различных русскоязычных источниках и классифицируются как сервисы для образования. Данные сервисы имеют различный функционал, но они (или их сочетание) способны перевести в e-learning практически любую педагогическую ситуацию. Особое внимание было уделено российским разработкам, что актуально на данный момент. Рассмотренные приложения перечислены в таблице 2.

Таблица 2. Инструменты для цифровизации образовательной деятельности

Вид коммуникации	Форма работы	Виды работ	Описание функционала инструментов	Пример инструмента, решающего данную задачу
Синхронная коммуникация	Фронтальная работа	Беседы	Инструменты для работы в режиме прямой трансляции в формате конференции, с включенными микрофонами у слушателей.	Zoom. Skype, Мираполис, Яндекс-телемост, видеозвонки ВКонтакте
		Устные опросы		
		Обсуждения		
		Доклады		
		Диктанты	Для работы в режиме прямой трансляции с включенными комментариями.	Zoom. Skype, Мираполис, YouTube и ВКонтакте, Яндекс-телемост
		Лекции		
	Быстрые фронтальные опросы для обратной связи	В форме теста	Plickers, Kahoot!	
		Сервисы для сбора быстрой обратной связи	Menti.com	
	Индивидуальная	Консультация	В формате видео. Видеозвонки.	Zoom. Видеозвонки в мессенджерах и соцсетях. ВКонтакте. WhatsApp. Viber
			Текстовый формат. Мессенджеры, соц. Сети, электронная почта	Любая электронная почта или мессенджер, например, ВКонтакте.
Синхронная, асинхронная коммуникация (в данных видах работ этот критерий не особо выражен, инструмент может применяться в обоих случаях)	Групповая работа	Работа в парах Выполнение проекта, сетевые проекты	Обсуждение	Чаты от Google. Группы, обсуждения, диалоги в социальных сетях и мессенджерах (Телеграм, ВКонтакте, WhatsApp, Viber)
			Групповая работа над документом (в любом его виде)	Облачные документы, таблицы, презентации с возможностью совместной работы от Google . Сервисы от Яндекс
		Совместная работа с картой	Карты с совместным редактированием (Google, Яндекс)	

Вид коммуникации	Форма работы	Виды работ	Описание функционала инструментов	Пример инструмента, решающего данную задачу	
Асинхронная коммуникация			Совместная работа над лентой времени. Таймлайны с совместным редактированием.	Free Timeline, TimeRime	
			Виртуальные доски с совместным редактированием. Можно размещать заметки, изображения, файлы в одном месте.	JamBoard от Google Miro IDroo, Eldoska, Sboard	
	Индивидуальная работа	Работа с литературными источниками, интернетом и учебником	Аналоги традиционных литературных источников. Интернет-библиотеки	Elibrary, Академия Google, IPRbooks, Якласс	
			Выполнение лабораторных работ	Лабораторная работа может создана с пошаговой инструкцией, с поэтапным ответом на вопросы/загрузкой фото ответов и решений (Электронные рабочие листы)	Wizer.me. Core.ai, Яндекс-опросы
				Или размещены на сайте через внедрение в него видео и опросов.	Google -сайты, Тильда
				Результаты работы в форме отчета могут быть высланы через электронную почту	Почтовые сервисы от Mail. Yandex. Google и т.п.
			Решение задач	Могут быть задействованы тестирующие системы с разнообразными типами ответов, в том числе с развернутым ответом, с прикреплением фото. Интерактивные рабочие листы	Wizer.me. Core.ai, Яндекс-опросы
			Решение тестов	Традиционные тесты	Яндекс форма, Google -опрос,
				Тесты с мультимедийными вставками	Wizer.me, Core.ai Kahoot!
			Заучивание терминов и правил	Различные игры-тренажеры.	eТреники, LearningApps, StudyStack Квесты от Learnis
	Лекция	Инструменты для самостоятельного ознакомления с видеолекцией.	Видеохостинги Ютуб, ВКонтакте Облачные хранилища для размещения материалов Mail-облако, Яндекс-облако, Google-облако		

Вид коммуникации	Форма работы	Виды работ	Описание функционала инструментов	Пример инструмента, решающего данную задачу
			Лекция с интерактивными элементами	Ispring EdPuzzle
			Конспект лекции с интерактивными вставками в том числе в формате дополненной реальности	Aurasma, QR-коды

Практическое применение предложенной классификации может заключаться в том, что данная таблица способна помочь преподавателю подобрать инструмент исходя из привычных видов работ, возможных в аудитории. Разработка способна помочь преподавателям перенести очное обучение в онлайн, используя современные возможности электронного обучения, легко подобрав инструмент исходя из практических задач, стоящих перед педагогом.

Данная модель учитывает привычные педагогам и классические формы работы в аудитории, которые существуют в офлайн-обучении. Классификация позволяет преподавателю самостоятельно подобрать цифровые аналоги традиционным заданиям, которые смогут максимально комфортно перевести работу в онлайн.

На данном этапе следует отразить методику целостного педагогического процесса, направленного на развитие ИКТ-компетенций будущего выпускника.

Целью методической разработки является развитие ИКТ-компетенций, обозначенных в перечне ключевых компетенций для специалиста в условиях цифровой экономики. Для этих целей целесообразно использовать систему взаимосвязанных педагогических условий, способных положительно влиять на развитие ИКТ-компетентности современного специалиста.

На основании анализа педагогических условий и описанных ранее возможностей цифровых инструментов можно выделить основные особенности предлагаемой методики, способствующие повышению ИКТ-компетентности:

- смешанная форма обучения, сочетающая в себе элементы очного обучения с применением электронных средств, а также самостоятельная работа с применением дистанционных технологий;
- тесная связь между теорией и практикой - развитие практических навыков предполагается через информационную деятельность в цифровой среде, что приближает информационную деятельность в условиях обучения к профессиональной деятельности;
- индивидуализация обучения - большая часть сервисов, предполагающих индивидуальное обучение, подразумевает возможность работы в темпе, необходимом обучающемуся. В некоторых сервисах возможна разработка адаптивных заданий.

Рассмотрим графическое представление методики развития ИКТ-компетентности будущих экономистов-выпускников колледжа посредством применения электронных средств обучения.

Данная схема отражает последовательность действий, направленных на формирование ИКТ-компетентности студентов. Составленная схема отображена на рис. 1.

Рис. 1. Методика развития ИКТ-компетентности будущих экономистов-выпускников колледжа в условиях e-learning

Предложенная методика предполагает коррекцию образовательной деятельности, если запланированные результаты не будут достигнуты. Данная ситуация может потребовать коррекции методики.

2 Результаты

Предложенная методика развития ИКТ-компетентности будущего экономиста-выпускника СПО требует экспериментальной проверки.

Площадкой для исследования по апробации методики обучения выступил колледж ОмГТУ в 2018-2020 учебных годах. В колледже на 1-м курсе на базе полного среднего образования и на 2-м курсе на базе среднего общего образования. Дисциплина «Информационные технологии в профессиональной деятельности» студентами изучается в потоке, что позволит поработать с обучающимися с различными образовательными потребностями для получения более полной картины.

На подготовительном этапе производилась апробация и тестирование образовательных сервисов и приложений, подбирались оптимальные варианты представления учебного материала по дисциплине «Информационные технологии в профессиональной деятельности» в цифровой среде, тестировались различные средства для осуществления коммуникации и получения обратной связи от студентов, дополнительно изучался педагогический опыт применения цифровых инструментов в образовании.

На основании анализа критериев сформированности ИКТ-компетентности, отношения профессионального сообщества к ИКТ-компетентности, ФГОС, требований государственных программ для диагностики уровня сформированности ключевых компетенций и цифровых навыков будущих экономистов были разработаны и проведены тесты с вопросами из различных разделов информатики для измерения начального уровня сформированности ИКТ-компетентности студентов. Также тест включал вопросы, направленные на измерение мотивации к изучению ИТ.

В ходе прошедшей апробации методики были проведены занятия с использованием сетевых и мобильных технологий, а именно электронного и смешанного обучения.

Если говорить о самооценке результатов обучения студентов, то при ответе на вопрос «Как вы считаете, позволило ли разнообразие сервисов помочь вам начать чуть лучше ориентироваться в современном цифровом мире?» 96% обучающихся ответило, что благодаря использованию сервисов на занятиях и при выполнении практических, самостоятельных и домашних заданий они смогли познакомиться с новыми инструментами (рис. 2).

Рис. 2. Результаты обработки ответа на вопрос «Как вы считаете, позволило ли разнообразие сервисов помочь вам начать чуть лучше ориентироваться в современном цифровом мире?»

Следующий вопрос, направленный на самостоятельную оценку результативности был посвящен навыкам, которые обучающиеся смогли приобрести благодаря работе в цифровой среде. В данном вопросе можно было выбрать несколько подходящих навыков.

Данные формулировки ответов основаны на перечне ключевых компетенций, необходимых специалисту в условиях цифровой экономики и требованиях к ИКТ-компетентности экономиста [3]. Только 4% участников анкетирования указали на отсутствие новых навыков. Остальные обучающиеся указали на развитие одного или нескольких личностных качеств, позволяющих уверенно чувствовать себя в цифровом мире (рис. 3).

Рис. 3. Результаты ответа на вопрос «Как вы считаете, какие навыки вам удалось развить благодаря использованию сервисов и приложений в образовательной деятельности»

Таким образом, сами студенты отметили развитие одной или нескольких ключевых компетенций для специалиста цифровой экономики, обозначенных в федеральном проекте «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

При ответе на итоговый вопрос о том, считают ли они важным и результативным применение цифровых инструментов в изучении информатики и информационных технологий, 95% опрошенных ответили, что это важно. Все те, кто ответил положительно, подчеркивали необходимость овладения цифровыми инструментами современному специалисту, удобство работы с сервисами, получение новых навыков, возрастание мотивации к дальнейшему изучению цифровых инструментов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование цифровых инструментов оказало положительное влияние на мотивацию обучающихся к изучению современных ИТ, а также развило у них ощущение того, что цифровые инструменты необходимы для современного специалиста; при этом большинство опрошенных утверждает, что у них расширилось понимание того, как цифровизация влияет на работу с информацией, и сформировались новые навыки.

Для подтверждения высказанного мнения необходимо выявить динамику изменения показателей и диагностировать результаты работы над развитием ИКТ-компетентности. Для доказательства разработанных условий развития ИКТ-компетентности студентов колледжа экономической направленности необходимо провести повторно тест, который проводился перед началом изучения дисциплины (тест с вопросами из различных разделов информатики для измерения итогового уровня сформированности ИКТ-компетентности студентов).

Для диагностики уровня сформированности ИКТ-компетентности студентов был повторно использован тест с вопросами из различных разделов информатики. Данное тестирование позволило отследить прогресс в развитии компетентности в динамике.

Тестовые задания включали вопросы из 10 основных разделов дисциплин, посвященных информационным технологиям, а именно: устройство компьютера (1), периферийные устройства (2), информационная безопасность и компьютерные вирусы (3), создание документов в текстовых редакторах (4), работа с графической информацией на компьютере (5), электронные таблицы (6), моделирование (7), компьютерные сети и телекоммуникации (8), информация и информационные процессы (9), информационное общество (10).

Анализ результатов тестирования, направленный на определение изученности разделов дисциплины «Информатика», позволил выявить положительную динамику в образовательных результатах. Первое тестирование проводилось в начале учебного года, второе – по завершении курса, на предпоследнем занятии курса «Информационные технологии в профессиональной деятельности». На рис. 4. Показана динамика показателей экспериментальной группы в 2019-2020 учебном годах.

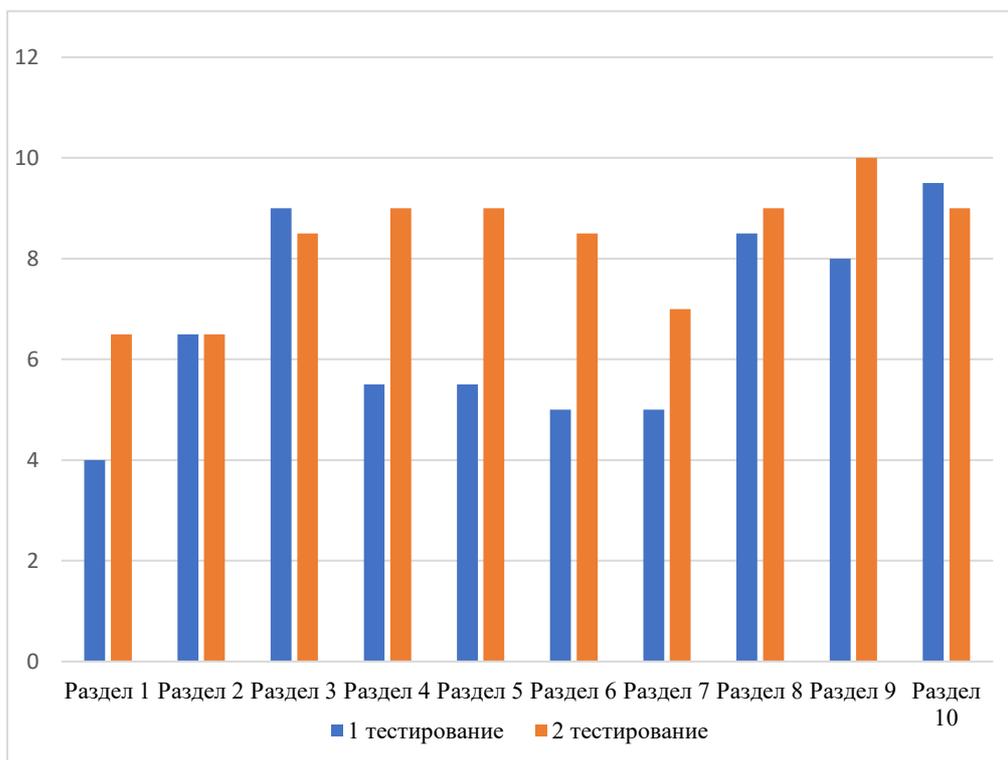

Рис. 4. Анализ динамики изученности разделов дисциплины «Информатика» в результате эксперимента.

На данном графике можно увидеть динамику распределения правильности ответов на вопросы теста с разбивкой по разделам дисциплины «Информатика». Если раньше минимальным значением было 4, что говорит о том, что было получено лишь 40% правильных ответов, то в итоговом тестировании данное значение не опускалось ниже 60%. Средняя доля правильных ответов в экспериментальной группе выросла с 66,5% до 83%

Оценка результатов итоговой изученности разделов дисциплин показывает, что разделам, вызывавшим особые сложности, было уделено достаточное внимание и показатели по этим разделам значительно выросли.

Если говорить о показателях каждого студента, то при анализе входного и итогового тестирования также прослеживается положительная динамика.

На основании полученных данных можно говорить о том, что студенты из экспериментальных групп действительно повысили свою ИКТ-компетентность.

Заключение

Значение ИКТ-компетентности будущего выпускника возрастает с каждым днем, что обусловлено процессом становления цифровой экономики. К перечню цифровых навыков и компетенций, необходимых будущему экономисту, сегодня относятся не только требования к знаниям, но и

«мягкие» навыки, такие как готовность к работе в цифровой среде, готовность к саморазвитию, профессиональному и личностному развитию в условиях быстрой смены технологий и т. д.

Проведенное исследование подтвердило, что применение современных цифровых инструментов в рамках дисциплины «Информационные технологии в профессиональной деятельности» очень органично и необходимо, поскольку оно позволяет развивать ИКТ-компетентность студентов и связывать теоретические знания с практическими навыками, а также расширяет представление студентов о цифровизации.

Проведенное исследование доказало результативность применения элементов электронного и смешанного обучения в рамках дисциплины «Информационные технологии в профессиональной деятельности» с целью развития ИКТ-компетентности студентов СПО экономической направленности и их мотивации к изучению и использованию современных технологий в своей профессиональной деятельности.

Литература

1. Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика». URL: <https://data-economy.ru/> (дата обращения: 12.07.2021)
2. Ахметзянова И. С., Садриева Л. М. Формирование информационной компетентности в профессиональной деятельности экономиста // European research: innovation in science, education and technology. - 2019. - С. 38-42.
3. Белолобова А. А. ИКТ-компетентность студента колледжа экономической направленности в условиях цифровизации экономики // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. - 2020. - С. 5-11
4. Белолобова А. А. Развитие информационно-коммуникационной компетентности будущего экономиста в условиях смешанного и электронного обучения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. - 2021. - С. 157-166
5. Болдарук И. И. Использование электронного обучающего курса по дисциплине информатика для контроля знаний студентов // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. - 2018. - С. 6-9.
6. Галкина Л. С. Методика развития ИКТ-компетентности будущих экономистов и менеджеров средствами облачных технологий при обучении дисциплинам информационного цикла: дис. канд. пед. наук: 13.00.02 – Красноярск, 2017. – 177 с.
7. Герасимова Е. К. Виртуальная тетрадь как средство представления современного электронного учебного материала // Kant. 2017. – №4 (25). – с. 43-46
8. Горохова Ю.А. Методика формирования информационно-компьютерной грамотности студентов при обучении информатике с использованием электронного учебного курса: автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.02 – Ярославль, 2012. – 23 с.
9. Гриншкун А. В. Технология дополненной реальности как объект изучения и средство обучения в курсе информатики основной школы: автореферат дис. кандидата пед. наук: 13.00.02 – Москва, 2018. - 24 с.
10. Гриншкун, В. В. Информатизация в контексте развития педагогического образования // Вестник РУДН. Сер. Информатизация образования. 2014. -№ 2. - с. 5-10.
11. Ермак А. С., Кутергина Е. А. ИКТ-компетенции в сфере государственного управления: вызовы современности // Труды объединённой научной конференции " Интернет и современное общество". - 2018. - с. 81-84.
12. Зайцева, О.Б. Формирование информационной компетентности будущих учителей средствами инновационных технологий: автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.08 – Брянск, 2002. – 19 с.
13. Круподерова Е.П., Короповская В.П. Использование социальных сервисов для формирования ИКТ-компетентности студентов // Наука и школа. – 2010. – №4 – с. 19-21
14. Кузнецов, А.А. Проблемы формирования информационно-коммуникационной компетентности учителя российской школы / А.А. Кузнецов, Е.К. Хеннер, В.Р. Имакаев, О.Н. Новикова. // Образование и наука. – 2010. – № 7 – С. 88-96.
15. Лапчик М. П. О формировании ИКТ-компетентности бакалавров педагогического направления // Современные проблемы науки и образования. – 2012. -№. 1 – С. 130–130.

16. Ломаско П. С., Симонова А. Л. Основополагающие принципы формирования профессиональной ИКТ-компетентности педагогических кадров в условиях smart-образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – №. 7 (160) – с. 78-84
17. Новиков М. Ю. Обучение информатике в школе на основе мобильных технологий: дис. канд. пед. наук: 13.00.02. – Екатеринбург, 2019. – 166 с.
18. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р. «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» URL: : <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 01.07.2021).
19. Паспорт национального проекта «Образование»: утв. протоколом президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018 № 16 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации URL: <https://legalacts.ru/doc/pasport-natsionalnogo-proekta-obrazovanie-utv-prezidiumom-soveta-pri-prezidente/> (дата обращения: 25.11.2019).
20. Приказ Министерства образования и науки РФ от 28 июля 2014 г. № 837 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 38.02.07 Банковское дело». URL: <https://study.garant.ru/#/document/70727116/paragraph/11/doclist/0/selflink> (дата обращения: 20.11.2020).
21. Приказ Минэкономразвития России «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 24.01.2020 N 41 URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bd31fe31b5135c35e402b702c346f304/41_24012020.pdf (дата обращения: 03.09.2020).
22. Сабитова, Н.Г. Формирование информационно-коммуникационных компетенций студентов бакалавриата средствами электронных образовательных технологий: автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.08. – Ижевск, 2012. – 24 с.
23. Савостьянова И. Л. Методическая система формирования профессиональной информационной компетентности будущих бакалавров-экономистов в дисциплинах информационного цикла: дис. канд. пед. наук. – Красноярск, 2015. 212 с.
24. Салахутдинов С. Г. Компьютерное тестирование как современная форма контроля знаний // Современная научная мысль. – 2018. – с. 15-21.
25. Сэкулич Н. Б. Интерактивная электронная информационно-образовательная среда университета как средство формирования ИКТ-компетенций студентов: дис. канд. пед. наук : 13.00.01 – Улан-Удэ, 2018. - 194 с.
26. Темербекова А.А. Социальные сети как современный образовательный ресурс нового поколения // Мир науки, культуры, образования. 2016. – №5 (60). – с. 165-167
27. Тим О'Рейли. Что такое Веб 2.0. // Компьютерра online. URL: <http://www.computerra.ru/think/234100/> (дата обращения: 18.09.2020).
28. Уваров Александр Юрьевич Модель цифровой школы и цифровая трансформация образования // Researcher. – 2019. – №1-2 (25-26). с. 22-25
29. Шевченко, Е.М. Методическая система формирования информационно коммуникативной компетентности будущих экономистов в процессе обучения информатическим дисциплинам с применением компьютерных сетей: автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.02 – Волгоград, 2006 – 31 с.

DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMMUNICATION COMPETENCIES OF FUTURE ECONOMISTS IN THE CONDITIONS OF ELECTRONIC AND BLENDED LEARNING

Belolobova, Anna Alexandrovna

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Omsk State Technical University",
Department of management and service, assistant
Omsk, Russian Federation
belolobova@gmail.com*

Abstract

The article proposes, substantiates, and tests a methodology for the development of ICT competence by means of electronic and blended learning. The method of transferring educational activities to a digital environment is described. During the experiment, the effectiveness of the technique was confirmed. The author comes to the conclusion that the use of digital tools and e-learning in the process of teaching information technologies ensures the development of motivation to study information technologies, and the process of developing ICT competencies is being improved in terms of using the potential of digital tools and e-learning.

Keywords

development of ICT competence; computer literacy; e-learning; digitalization of education

References

1. Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya «Tsifrovaya ekonomika». URL: <https://data-economy.ru/> (accessed on: 12.07.2021).
2. Akhmetzyanova I. S., Sadrieva L. M. Formirovanie informatsionnoy kompetentnosti v professional'noy deyatel'nosti ekonomista // European research: innovation in science, education and technology. - 2019. - S. 38-42.
3. Belolobova A. A. IKT-kompetentnost' studenta kolledzha ekonomicheskoy napravlenosti v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy. - 2020. - S. 5-11.
4. Belolobova A. A. Razvitiye informatsionno-kommunikatsionnoy kompetentnosti budushchego ekonomista v usloviyakh smeshannogo i elektronnoy obucheniya // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. - 2021. - S. 157-166.
5. Boldaruk I. I. Ispol'zovanie elektronnoy obuchayushchego kursa po distsipline informatika dlya kontrolya znaniy studentov // Nauka i obrazovanie: opyt, problemy, perspektivy razvitiya. - 2018. - S. 6-9.
6. Galkina L. S. Metodika razvitiya IKT-kompetentnosti budushchikh ekonomistov i menedzherov sredstvami oblachnykh tekhnologiy pri obuchenii distsiplinam informatsionnogo tsikla: dis. kand. ped. nauk: 13.00.02 – Krasnoyarsk, 2017. – 177 s.
7. Gerasimova E. K. Virtual'naya tetrad' kak sredstvo predstavleniya sovremennogo elektronnoy uchebnogo materiala // Kant. 2017. – №4 (25). – s. 43-46.
8. Gorokhova Yu.A. Metodika formirovaniya informatsionno-komp'yuternoy gramotnosti studentov pri obuchenii informatike s ispol'zovaniem elektronnoy uchebnogo kursa: avtoref. dis. kand. ped. nauk: 13.00.02 – Yaroslavl', 2012. – 23 s.
9. Grinshkun A. V. Tekhnologiya dopolnennoy real'nosti kak ob'ekt izucheniya i sredstvo obucheniya v kurse informatiki osnovnoy shkoly: avtoreferat dis. kandidata ped. nauk: 13.00.02 – Moskva, 2018. - 24 s.
10. Grinshkun, V. V. Informatizatsiya v kontekste razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya // Vestnik RUDN. Ser. Informatizatsiya obrazovaniya. 2014. –№ 2. – s. 5-10.
11. Ermak A. S., Kutergina E. A. IKT-kompetentsii v sfere gosudarstvennogo upravleniya: vyzovy sovremenosti // Trudy ob"edinennoy nauchnoy konferentsii "Internet i sovremennoe obshchestvo". - 2018. - s. 81-84.

12. Zaytseva, O.B. Formirovanie informatsionnoy kompetentnosti budushchikh uchiteley sredstvami innovatsionnykh tekhnologiy: avtoref. dis. kand. ped. nauk: 13.00.08 – Bryansk, 2002. – 19 s.
13. Krupoderova E.P., Koropovskaya V.P. Ispol'zovanie sotsial'nykh servisov dlya formirovaniya IKT-kompetentnosti studentov // Nauka i shkola. – 2010. – №4 – s. 19-21.
14. Kuznetsov, A.A. Problemy formirovaniya informatsionno-kommunikatsionnoy kompetentnosti uchitelya rossiyskoy shkoly / A.A. Kuznetsov, E.K. Khenner, V.R. Imakaev, O.N. Novikova. // Obrazovanie i nauka. – 2010. – № 7 – S. 88-96.
15. Lapchik M. P. O formirovanii IKT-kompetentnosti bakalavrov pedagogicheskogo napravleniya // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2012. –№. 1 – S. 130–130.
16. Lomasko P. S., Simonova A. L. Osnovopolagayushchie printsipy formirovaniya professional'noy IKT-kompetentnosti pedagogicheskikh kadrov v usloviyakh smart-obrazovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2015. – №. 7 (160) – s. 78-84.
17. Novikov M. Yu. Obuchenie informatike v shkole na osnove mobil'nykh tekhnologiy: dis. kand. ped. nauk: 13.00.02. – Ekaterinburg, 2019. – 166 s.
18. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 № 1632-r. «Ob utverzhdenii programmy «Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii» URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (accessed on: 01.07.2021).
19. Pasport natsional'nogo proekta «Obrazovanie»: utv. protokolom prezidiuma Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nym proektam ot 24.12.2018 № 16 // Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiyskoy Federatsii URL: <https://legalacts.ru/doc/pasport-natsionalnogo-proekta-obrazovanie-utv-prezidiumom-soveta-pri-prezidente/> (accessed on: 25.11.2019).
20. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 28 iyulya 2014 g. № 837 «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego professional'nogo obrazovaniya po spetsial'nosti 38.02.07 Bankovskoe delo». URL: <https://study.garant.ru/#/document/70727116/paragraph/11/doclist/0/selflink> (accessed on: 20.11.2020).
21. Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii «Ob utverzhdenii metodik rascheta pokazateley federal'nogo proekta «Kadry dlya tsifrovoy ekonomiki» natsional'noy programmy «Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii» ot 24.01.2020 N 41 URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bd31fe31b5135c35e402b702c346f304/41_24012020.pdf (accessed on: 03.09.2020).
22. Sabitova, N.G. Formirovanie informatsionno-kommunikatsionnykh kompetentsiy studentov bakalavriata sredstvami elektronnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy: avtoref. dis. kand. ped. nauk: 13.00.08. – Izhevsk, 2012. – 24 s.
23. Savost'yanova I. L. Metodicheskaya sistema formirovaniya professional'noy informatsionnoy kompetentnosti budushchikh bakalavrov-ekonomistov v distsiplinakh informatsionnogo tsikla: dis. kand. ped. nauk. – Krasnoyarsk, 2015. 212 s.
24. Salakhutdinov S. G. Komp'yuternoe testirovanie kak sovremennaya forma kontrolya znaniy //Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2018. – s. 15-21.
25. Sekulich N. B. Interaktivnaya elektronnyaya informatsionno-obrazovatel'naya sreda universiteta kak sredstvo formirovaniya IKT-kompetentsiy studentov: dis. kand. ped. nauk : 13.00.01 – Ulan-Ude, 2018. - 194 s.
26. Temerbekova A.A. Sotsial'nye seti kak sovremennyy obrazovatel'nyy resurs novogo pokoleniya // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2016. – №5 (60). – s. 165-167.
27. Tim O'Reyli. Chto takoe Veb 2.0. // Komp'yuterra online. URL: <http://www.computerra.ru/think/234100/> (accessed on: 18.09.2020).
28. Uvarov Aleksandr Yur'evich Model' tsifrovoy shkoly i tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya // Researcher. – 2019. – №1-2 (25-26). c. 22-25.
29. Shevchenko, E.M. Metodicheskaya sistema formirovaniya informatsionno kommunikativnoy kompetentnosti budushchikh ekonomistov v protsesse obucheniya informaticheskim distsiplinam s primeneniem komp'yuternykh setey: avtoref. dis. kand. ped. nauk: 13.00.02 – Volgograd, 2006 – 31 s.

Образование в информационном обществе**ГЕОГРАФИЯ НЕОДНОРОДНОСТИ В ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЯХ
РОССИЙСКИХ МАГИСТРАНТОВ**

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета А.М. Елизаровым 17.03.2022.

Воеводина Екатерина Владимировна

Кандидат социологических наук

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», кафедра политологии и социологии, доцент

Москва, Российская Федерация

ekaterinavoevodina@yandex.ru

Гармонова Анна Владимировна

Кандидат политических наук

НИУ «Высшая школа экономики», Центр университетского партнерства, директор

Москва, Российская Федерация

agarmonova@hse.ru

Опфер Евгения Анатольевна

Кандидат педагогических наук

НИУ «Высшая школа экономики», Институт образования, научный сотрудник

Москва, Российская Федерация

eopfer@hse.ru

Щеглова Дарья Владимировна

Кандидат политических наук

НИУ «Высшая школа экономики», Институт образования, научный сотрудник

Москва, Российская Федерация

dshcheglova@hse.ru

Аннотация

На данных всероссийского исследовательского проекта «Рождение российской магистратуры»¹ в статье приведены результаты исследования, выполненного авторами статьи, о связи профессиональных цифровых компетенций магистрантов и территориальной принадлежности вуза, в котором они обучаются. По результатам ответов магистрантов о сформированности у них цифровых компетенций и ожиданий их формирования в магистратуре, разработан агрегированный индекс сформированности цифровых компетенций магистрантов. Сравнение значений индекса с индексами цифровизации регионов (по основанию освоенных компетенций) показало статистически значимую связь между ними. Во всех проанализированных федеральных округах магистранты считают недостаточно сформированными такие цифровые компетенции, как информационная безопасность и умение работать с данными, в т.ч. с большими. Они не ожидают того, что эти компетенции сформирует программа магистратуры, на которой они обучаются.

¹ Проект реализуется победителем программы «Стипендиальная программа Владимира Потанина» Благотворительного фонда Владимира Потанина.

© Воеводина Е.В., Гармонова А.В., Опфер Е.А., Щеглова Д.В., 2022.

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2022_04_26

Ключевые слова

российская магистратура, высшее образование, цифровизация, цифровые компетенции, индекс цифровизации региона, магистранты

Введение

В условиях современного общества и цифровой сегментации рынка труда [1,2], умение ориентироваться в цифровом пространстве становится жизненно необходимым условием интеграции индивида в различные социальные институты. Магистратура, являясь одной из ступеней профессиональной подготовки, может рассматриваться как драйвер цифрового развития гражданина, обеспечивая достройку цифровых компетенций, необходимых для повышения конкурентоспособности на рынке труда.

В федеральном проекте «Кадры для цифровой экономики» указаны следующие «ключевые компетенции цифровой экономики»: коммуникация и кооперация в цифровой среде, саморазвитие в условиях неопределенности, креативное мышление, управление информацией и данными, критическое мышление в цифровой среде. Данные компетенции обозначаются в качестве, необходимых «для решения человеком поставленной задачи или достижения заданного результата деятельности в условиях глобальной цифровизации общественных и бизнес-процессов»².

В российском высшем образовании сохраняется противоречие между стратегическими вызовами современного общества и институциональными возможностями высшего образования формировать цифровые компетенции у студентов [4]. Это связано с рядом взаимосвязанных локальных и глобальных проблем, прежде всего с сохраняющимся цифровым неравенством, под которым в данной статье понимается неравномерность сформированности у студентов цифровых компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности [3]. Цифровое неравенство рассматривается не только как технологический, но и как социальный феномен, проявляющийся в различии возможностей для освоения информационно-коммуникативных средств индивидами, и, как следствие, готовности использовать их в повседневной и профессиональной деятельности.

Перевод образовательного процесса в дистанционный формат в период пандемии COVID-19 подчеркнул, что значимой причиной такой неравномерности является разница в инфраструктурных и методических возможностях вузов, которая имеет выраженный региональный аспект [5,6]. Авторами данной статьи был сформулирован исследовательский вопрос: связаны ли региональная принадлежность вуза и неоднородность в цифровых компетенциях магистрантов?

1 Обзор литературы

Одним из базовых понятий в рамках данного исследования является «цифровая компетенция». В работе С. Rizza, цифровая компетенция обозначается как уверенность пользователя, его критический подход при техническом использовании инструментов информационного общества в сфере досуга, трудовой деятельности, социальной коммуникации. При этом, в качестве неотъемлемых атрибутов отмечаются: необходимость владения базовыми навыками в IT-сфере, использование ПК для поиска информации, её оценки, хранения, производства, презентации и обмена информацией, в том числе в социальных сетях [7]. Компетенции, вне зависимости от логики их нормативного наполнения, включают инструментальную (зачем делать?) и предметную (что и как делать?) грамотность [8]. Цифровые компетенции, необходимые для выполнения специфических трудовых функций, возможно достраивать на базе уже имеющейся цифровой грамотности, сформированной на предыдущих ступенях обучения [9]. От нее отличается понятие «профессиональная цифровая компетенция» – то есть умение эффективно решать профессиональные задачи в цифровой среде. К цифровой грамотности относятся базовые цифровые навыки и умения, которые человек приобретает в ходе обучения в школе, на программах бакалавриата, в повседневной жизни. Профессиональные цифровые компетенции отличаются от цифровой грамотности умением решать узкоспециализированные задачи в своей

² https://www.economy.gov.ru/material/file/bd31fe31b5135c35e402b702c346f304/41_24012020.pdf (дата обращения: 11.06.2021).

профессиональной сфере. Такие умения формируются на уровне магистерского образования, призванного выпускать на рынок труда специалистов с профессиональными компетенциями, сформированными на более высоком уровне, чем у бакалавров. При этом цифровые компетенции магистрантов оказываются связанными с уровнем цифровизации региона. Т.В. Александрова, анализируя индексы цифровизации российских регионов, говорит о медианном отклонении индекса цифровизации регионов в пределах 17-22% [10]. Разрыв между уже сформированными и ожидаемыми от магистратуры цифровыми компетенциями иллюстрирует территориальную неоднородность в их формировании. Например, если доступ к цифровой среде в регионе ограничен инфраструктурой и социально-экономическими факторами, а разрыв между существующими и ожидаемыми от магистратуры цифровыми компетенциями магистрантов значителен (обучающиеся ожидают, что магистратура поможет «достроить» профессиональные цифровые компетенции), то можно говорить о роли магистратуры в сглаживании территориального цифрового неравенства. Таким образом, компетенции служат индикатором цифрового неравенства территорий в дополнение к инфраструктурным показателям (число активных пользователей сети Интернет, техническая обеспеченность вузов, цифровая среда университета и т.п.). Данное понимание было положено в основу эмпирического исследования, представленного в статье.

2 Материалы и методы

В статье приведен индекс сформированности цифровых компетенций магистрантов и индекс ожиданий от магистратуры в области формирования профессиональных цифровых компетенций. Индексы составлены на данных анкетного опроса магистрантов (n=1140), полученных авторами статьи в рамках проекта – победителя конкурса стипендиальных программ Благотворительного фонда Владимира Потанина «Рождение российской магистратуры» совместно с Институтом образования НИУ «ВШЭ» в 2018–2020 гг.

Данные были собраны в 6 федеральных округах (Северо-западный, Сибирский, Уральский, Центральный, Приволжский, Южный) и обработаны в программе SPSS с применением основных статистико-математических процедур (одномерный анализ, коэффициенты корреляции).

В инструментарий были заложены следующие индикаторы цифровых компетенций:

- навыки поиска и обработки необходимой информации из различных источников, в том числе специализированных баз данных;
- способность использовать информационные технологии и обеспечивать безопасность информации;
- навыки презентации результатов исследований в виде статей, докладов, отчетов;
- умение работать с данными, в том числе «большими».

Совокупная оценка выделенных индикаторов цифровых компетенций позволила построить на их основе агрегированный индекс сформированности цифровых компетенций (ЦК) магистрантов, представляющий собой среднее значение показателей самооценки уровня сформированности компетенций относительно общего числа респондентов в федеральном округе. Чем ближе значение индекса к единице, тем выше уровень сформированности цифровых компетенций по самооценкам магистрантов.

3 Результаты исследования

Наиболее высокие значения самооценки сформированности ЦК наблюдаются у магистрантов Центрального, Приволжского и Уральского федеральных округов, а наименьшие – в Сибирском и Южном (табл. 1). В большей степени у магистрантов развиты навыки поиска и обработки информации из источников и специализированных баз данных, а недостаточно – умение защитить информацию в цифровой среде.

Таблица 1. Сформированность цифровых компетенций на основе самооценки магистрантов по федеральным округам (% от общего числа выбравших каждый из вариантов А или В)³

ФО	КОМПЕТЕНЦИЯ							
	Искать и обрабатывать информацию из различных источников, включая специализированные базы данных		Презентация результатов исследований в виде статей, докладов, отчетов		Информационные технологии и обеспечение информационной безопасности		Умение работать с данными, в т.ч. с большими	
	(А)	(В)	(А)	(В)	(А)	(В)	(А)	(В)
Северо-западный	10,84	12,64	11,69	12,64	12,76	12,05	11,69	12,65
Сибирский	6,02	7,91	9,09	7,1	6,38	8,75	8,62	7,25
Уральский	26,51	22,2	25,97	21,66	24,2	21,62	25,85	21,62
Центральный	24,7	26,52	25,65	26,47	27,2	25,41	22,46	27,76
Приволжский	19,88	21,89	17,53	23,1	19,7	23,27	18,15	22,97
Южный	12,05	8,84	10,06	9,03	9,76	8,91	13,23	7,74

Следующий значимый показатель связан с ожиданиями магистрантов относительно формирования цифровых компетенций в процессе обучения (табл. 2). Наиболее скептически студенты оценивают возможность магистерской программы сформировать у них компетенции в области ИТ и обеспечения информационной безопасности. То есть, магистранты не только ощущают недостаток данных компетенций, но и не ожидают их формирования в процессе обучения в магистратуре.

Таблица 2. Индекс ожидания магистрантами формирования цифровых компетенций в процессе обучения по федеральным округам (в % от числа опрошенных)⁴

ФО	КОМПЕТЕНЦИЯ											
	Искать и обрабатывать информацию из различных источников, включая специализированные базы данных			Презентация результатов исследований в виде статей, докладов, отчетов			Информационные технологии и обеспечение информационной безопасности			Умение работать с данными, в т.ч. с большими		
	«А»	«В»	«С»	«А»	«В»	«С»	«А»	«В»	«С»	«А»	«В»	«С»
Северо-западный	13,4	10,22	9,1	13,47	10,08	13,46	13,33	12,04	10,32	13,5	10,73	12,5
Сибирский	7,13	8,67	9,1	7,92	6,54	11,54	7,96	8,03	4,77	8,63	6,62	4,69
Уральский	22,43	23,84	22,73	22,08	23,98	25	22,79	22,81	23,02	21,82	23,52	28,12
Центральный	25,42	27,55	31,82	25,14	29,15	21,15	26,45	25,36	29,37	26,53	25,8	26,56
Приволжский	21,4	22,91	15,9	21,67	21,53	21,15	21,72	21,53	21,43	20,88	23,06	18,75
Южный	10,6	6,81	11,36	9,72	8,72	7,69	7,74	10,22	11,11	8,63	10,27	9,37

³ Красным цветом («А») обозначены компетенции, которые по оценкам респондентов у них сформированы слабо; зеленым («В») – «сформированы в полной степени» (распределение ответов на вопрос «Какие знания, умения и навыки сформированы у вас в большей степени, а каких, на ваш взгляд, вам пока не хватает?»).

⁴ Зеленым цветом («А») обозначены компетенции, которые по ожиданиям респондентов будут сформированы «полностью» в процессе обучения; синим («В») – «в некоторой степени»; красным («С») – «не обеспеченные» программой магистратуры (распределение ответов на вопрос «В Какой мере программа магистратуры, обеспечит формирование следующих компетенций?»).

Показатели сформированности цифровых компетенций и ожиданий от их освоения в магистратуре были агрегированы в общий индекс цифровых компетенций, представленный на рис. 1. Магистранты из тройки округов-лидеров выше остальных оценивают свои цифровые компетенции, результаты в Южном федеральном округе оказались самыми низкими.

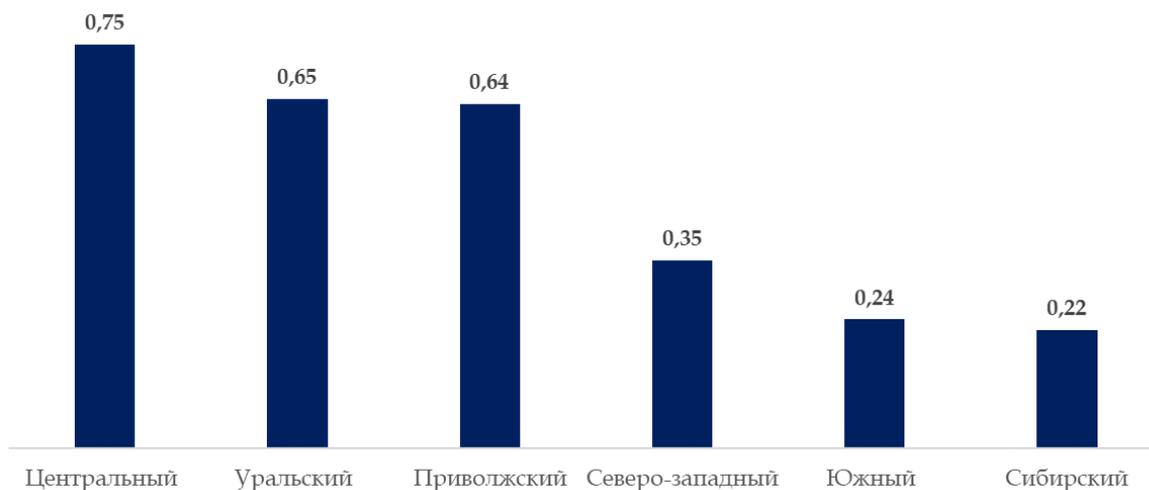

Рис. 1. Индекс цифровых компетенций на основе самооценки магистрантов по федеральным округам

Исследование показало следующую закономерность: чем выше показатели сформированности цифровых компетенций у магистрантов, тем меньше индекс отрицательного ожидания⁵ их формирования в магистратуре (рис. 2). Так, в Сибирском федеральном округе магистранты ниже всех оценили сформированность цифровых компетенций и в наименьшей степени ожидают их формирования в магистратуре. При этом, магистранты со сформированными профессиональными цифровыми компетенциями не рассчитывают на их развитие в магистратуре.

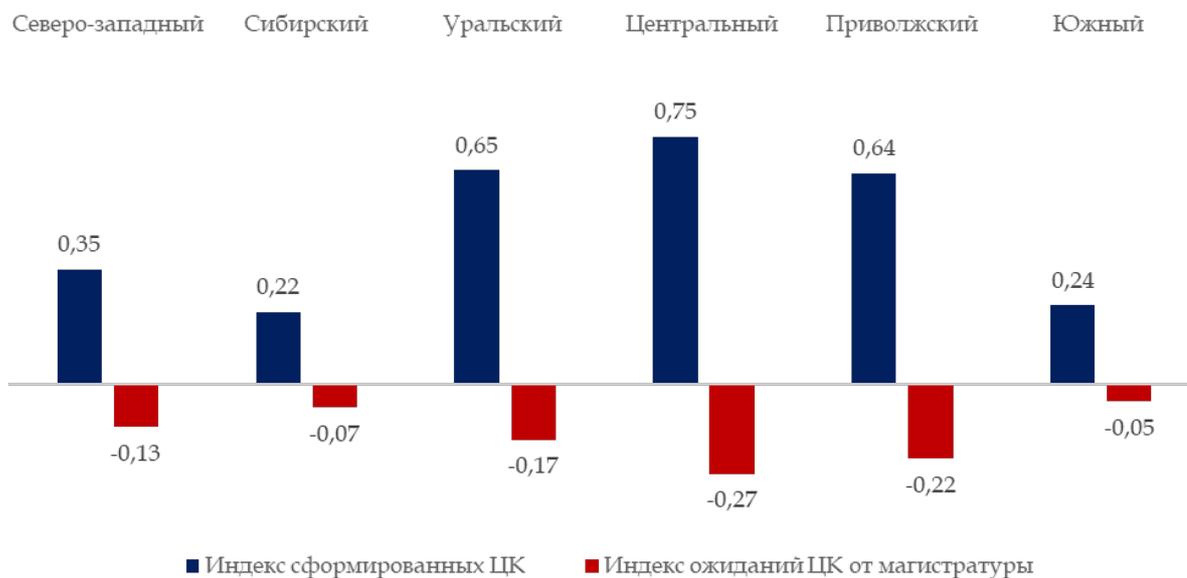

Рис. 2. Сравнение индекса цифровых компетенций и индекса отрицательного ожидания их формирования в магистратуре

⁵ Индекс отрицательного ожидания рассчитывался как агрегированный показатель разницы среднего значения суммы ответов о том, что цифровые компетенции в магистратуре «не будут сформированы» или будут «сформированы недостаточно» (по всем типам цифровых компетенций) и индекса ЦК. Чем выше отрицательное значение, тем меньше магистранты ожидают от магистратуры формирования ЦК.

Если магистратура играет незначительную роль в формировании цифровых компетенций [11], а обучающимся их не хватает, то они достраивают их через программы дополнительного образования [12]. По данным исследования «Ландшафт российской магистратуры», проведенного в 2021 г.б, 41% магистрантов обучались на программах повышения квалификации во время обучения в магистратуре, из них 43% достраивали именно цифровые компетенции. Другими словами, в российском высшем образовании складывается ситуация, когда магистратура, как образовательный институт не оказывает принципиального влияния на уровень сформированности цифровых компетенций студентов. Территориальная принадлежность вуза оказалась значимым предиктором цифрового неравенства в компетенциях российских магистрантов. Разброс в цифровых компетенциях магистрантов может иметь негативные эффекты для системы высшего образования не только с точки зрения результатов обучения, но в долгосрочной перспективе может привести к усилению экономического неравенства [13, 14].

Заключение

Разработанные индексы подчеркнули цифровое неравенство магистрантов по территориальному принципу. «Сглаживание» цифрового неравенства в магистратуре возможно через включение цифровых компетенций в образовательные программы как обязательных. На сегодняшний день это условие выполнено на уровне бакалавриата и специалитета – в 2021 г. все стандарты были усилены цифровыми компетенциями⁷ – уровень магистратуры пока остается вне фокуса нормирования цифровой трансформации. Практическая реализация нормативных требований по формированию цифровых компетенций, с нашей точки зрения, будет во многом зависеть от готовности преподавателей трансформировать содержание и формат своей работы, а администраторов вузов – организационно поддержать эти трансформации. Магистранты уже сформировали запрос на профессиональные цифровые компетенции, шар на стороне системы образования.

Благодарности

Авторский коллектив благодарит Благотворительный фонд Владимира Потанина за финансовую поддержку исследовательского проекта «Рождение российской магистратуры».

Литература

1. Calderón-Gómez D., et al. The Labour Digital Divide: Digital Dimensions of Labour Market Segmentation // *Work Organisation, Labour&Globalisation*. 2020.№ 14 (2). P. 7–30
2. Andersson P., Mattsson L.G. Future digitalization of education after COVID-19. [Электрон. ресурс] // *Sweden through the crisis*. Preprint.Режим доступа: <https://www.hhs.se/en/research/sweden-through-the-crisis/future-digitalization-of-education-after-covid-19/> (дата обращения: 07.07.2021).
3. Редько С.Г., Цветкова Н.А., Селедцова И.А. Подход к подготовке специалистов с учетом вызовов цифровой экономики (на примере обучения проектной деятельности) // *Инновации*. 2019. №12(254). С. 22-28. DOI:10.26310/2071-3010.2020.254.12.003.
4. Клячко Т.Л., Синельников-Мурылев С.Г. Российское высшее образование и воздействие на него пандемии коронавируса. Университетское управление: практика и анализ. 2020. № 24(4). С. 9-21. <https://doi.org/10.15826/umpra.2020.04.031>.
5. Кокшаров В.А., Сандлер Д.Г., Кузнецов П.Д., Клягин А.В., Лешуков О.В. Пандемия как вызов развитию сети вузов в России: дифференциация или кооперация? // *Вопросы образования*. 2021. № 1. С. 52–73. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-52-73.
6. Falck O., Wiederhold S., Heimisch A. Returns to ICT Skills [Электрон. ресурс] // *Research Policy*. 2020ю Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/306118379>Returns_to_ICT_Skills (дата обращения: 07.07.2021). DOI: 10.2139/ssrn.2744714.
7. Rizza C. Digital Competences: Michalos A.C. *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research* [Электрон.ресурс]. Springer, Dordrecht; 2014. Режимдоступа:

⁶ <https://ioe.hse.ru/rusmag/>

⁷ https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=33637

- <https://www.springer.com/gp/book/9789400707528>. DOI 10.1007/978-94-007-0753-5 (Дата обращения: 15.05.2021).
8. Mulder M. The concept of competence: blessing or curse? *Innovations for Competence Management*. Lahti: Lahti University of Applied Sciences. 2011. p. 11-24.
 9. Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности / под ред. М.С. Добряковой, И.Д. Фрумина; при участии К.А. Баранникова, Н. Зиила, Дж. Мосс, И.М. Реморенко, Я.Хаутамяки; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 472 с.
 10. Александрова Т.В. Цифровое неравенство регионов России: причины, оценка, способы преодоления // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. №8. С. 9-12.
 11. Воеводина Е. В. Становление российской магистратуры: как реализуются запросы цифровой экономики в образовательном процессе // *Цифровая социология*. 2019. №3. С. 16-24.
 12. Пригожина К. Б., Тростина К. В. Виртуальная образовательная среда как средство повышения конкурентоспособности образовательных программ вуза // *Образование и наука*. 2017. Т. 19. № 5. С. 166– 188. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-5-166-188.
 13. Henrike P., Schmidt I., Ellwart T., Ulfert A. Digital Competences in the Workplace: Theory, Terminology, and Training // *Vocational Education and Training in the Age of Digitization: Challenges and Opportunities*. 2020. №4. P. 157-182.
 14. Pollitzer E. Creating a better future: four scenarios for how digital technologies could change the world // *Journal of International Affairs*. 2018. № 72 (1). P. 75–90.

REGIONAL DIFFERENCES IN DIGITAL COMPETENCES OF MASTER STUDENTS IN RUSSIA

Voevodina, Ekaterina V.

Candidate of sociological sciences

Financial University under the Government of the Russian Federation, associate professor

Moscow, Russian Federation

ekaterinavoevodina@yandex.ru

Garmonova, Anna V.

Candidate of political sciences

National Research University Higher School of Economics, Centre for regional university partnerships, director

Moscow, Russian Federation

agarmonova@hse.ru

Opfer, Evgenia A.

Candidate of pedagogical sciences

National Research University Higher School of Economics, research fellow

Moscow, Russian Federation

eopfer@hse.ru

Shcheglova, Daria V.

Candidate of political sciences

National Research University Higher School of Economics, research fellow

Moscow, Russian Federation

dshcheglova@hse.ru

Abstract

The article shows how the professional digital competencies of undergraduates' students correlate with the territorial inequality. Empirical base of the article was the data of the research project "The Birth of the Russian Master's Degree". Authors built two indexes: index of the digital competency's self-estimation and the expectations index. The last one showed if the Masters' students expected digital competencies developing while they were learning at their master program. In all analyzed federal districts, undergraduates consider such digital competencies as information security and the ability to work with data (including big data analysis). They did not expect the master's program helped them into professional digital skills development.

Keywords

Russian magistracy, higher education, digitization, digital competences, digital index of a federal district, master students

References

1. Calderón-Gómez D., et al. The Labour Digital Divide: Digital Dimensions of Labour Market Segmentation // Work Organisation, Labour&Globalisation. 2020.№ 14 (2). P. 7–30
2. Andersson P., Mattsson L.G. Future digitalization of education after COVID-19. // Sweden through the crisis. Preprint.Rezhim dostupa: <https://www.hhs.se/en/research/sweden-through-the-crisis/future-digitalization-of-education-after-covid-19/> (accessed on 07.07.2021).
3. Red'ko S.G., Tsvetkova N.A., Seledtsova I.A. Podkhod k podgotovke spetsialistov s uchetom vyzovov tsifrovoy ekonomiki (na primere obucheniya proyektnoy deyatel'nosti) // Innovatsii. 2019. № 12 (254). S. 22-28. DOI:10.26310/2071-3010.2020.254.12.003.
4. Klyachko T.L., Sinel'nikov-Murylev S.G. Rossiyskoye vyssheye obrazovaniye i vozdeystviye na nego pandemii koronavirusa. Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz. 2020. № 24(4). S. 9-21. <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.04.031>.
5. Koksharov V.A., Sandler D.G., Kuznetsov P.D., Klyagin A.V., Leshukov O.V. Pandemiya kak vyzov razvitiyu seti vuzov v Rossii: differentsiatsiya ili kooperatsiya? // Voprosy obrazovaniya. 2021. № 1. S. 52–73. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-52-73.

6. Falck O., Wiederhold S., Heimisch A. Returns to ICT Skills // Research Policy. 2020yu Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/306118379>Returns_to_ICT_Skills (accessed on 07.07.2021). DOI: 10.2139/ssrn.2744714.
7. Rizza C. Digital Competences: Michalos A.C. Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. Springer, Dordrecht; 2014. URL: <https://www.springer.com/gp/book/9789400707528>. DOI 10.1007/978-94-007-0753-5 (accessed on 15.05.2021).
8. Mulder M. The concept of competence: blessing or curse? Innovations for Competence Management. Lahti: Lahti University of Applied Sciences. 2011. p. 11-24.
9. Universal'nyye kompetentnosti i novaya gramotnost': ot lozungov k real'nosti / pod red. M.S. Dobryakovoy, I.D. Frumina; pri uchastii K.A. Barannikova, N. Ziila, Dzh. Moss, I.M. Remorenko, YA.Khautamyaki; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2020. 472 c.
10. Aleksandrova T.V. Tsifrovoye neravenstvo regionov Rossii: prichiny, otsenka, sposoby preodoleniya // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2019. № 8. S. 9-12.
11. Voevodina E. V. Stanovleniye rossiyskoy magistratury: kak realizuyutsya zaprosy tsifrovoy ekonomiki v obrazovatel'nom protsesse // Tsifrovaya sotsiologiya. 2019. № 3. S. 16-24.
12. Prigozhina K. B., Trostina K. V. Virtual'naya obrazovatel'naya sreda kak sredstvo povysheniya konkurentosposobnosti obrazovatel'nykh programm vuza // Obrazovaniye i nauka. 2017. T. 19. № 5. S. 166- 188. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-5-166-188.
13. Henrike P., Schmidt I., Ellwart T., Ulfert A. Digital Competences in the Workplace: Theory, Terminology, and Training // Vocational Education and Training in the Age of Digitization: Challenges and Opportunities. 2020. №4. P. 157-182.
14. Pollitzer E. Creating a better future: four scenarios for how digital technologies could change the world // Journal of International Affairs. 2018. № 72 (1). P. 75-90.

Культура в информационном обществе

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МУЗЕЕВ: ТРУДНОСТИ, УСПЕХИ, ПЕРСПЕКТИВЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Статья рекомендована к публикации главным редактором Т.В. Ершовой 02.05.2022.

Сизова Ирина Алексеевна

Кандидат исторических наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», департамент менеджмента, доцент

Санкт-Петербург, Россия

iasizova@hse.ru

Гордин Валерий Эрнстович

Доктор экономических наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», департамент государственного администрирования, профессор

Санкт-Петербург, Россия

gordin@hse.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам цифровизации музеев. С одной стороны, изучаются мнения сотрудников о цифровизации, с какими при этом они сталкиваются трудностями, каковы их успехи. С другой стороны, выявляются перспективы цифровизации музейной деятельности при условии реализации первого этапа – оцифровки музейных предметов. Авторы подчеркивают, что для дальнейшего развития процессов информатизации необходимо включать цифровые продукты современного уровня в экспозиционно-выставочную и культурно-образовательную деятельность музея с привлечением партнеров из смежных сфер (образование, ИТ).

Ключевые слова

музей; оцифровка; цифровизация; опрос музейных сотрудников

Введение

Кризис последних лет, связанный с карантинными и посткарантинными ограничениями, повлиял на интенсификацию процессов внедрения в музейную сферу информационных инструментов и технологий. Действительно, в отдельных музеях сложившаяся ситуация позволила развить уже начатые процессы по оцифровке музейных предметов и цифровизации музейной деятельности, а другим – обеспечить быстрый рост отдельных форматов цифровизации. Таким образом, сейчас встает вопрос о стратегии цифровизации музеев с учетом понимания того, с какими трудностями они могут столкнуться и какие перспективы их ожидают при различных вариантах развития событий.

Разрабатывая данную тему, авторы обратили внимание на то, что в музейной сфере не всегда четко разделяются понятия «оцифровка», «цифровизация» и «цифровая трансформация», применяемые к музейным процессам. Поэтому, прежде всего, необходимо разобраться в используемых дефинициях.

Так, под оцифровкой понимается преобразование данных в цифровую форму для их последующей обработки на компьютере, то есть перевод информации с аналоговых носителей в

© Сизова И.А., Гордин В.Э., 2022

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial – ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2022_04_35

цифровой машиночитаемый формат. В музейной сфере это, в первую очередь, музейные предметы и музейная документация. Оцифрованные музейные предметы и документы можно смотреть, читать, копировать в разных местах или распечатывать, что обеспечивает постоянную защиту. Оцифровка музейных материалов выполняется с целью защиты оригинала, повышения доступности и удобства использования материалов для создания новых продуктов или услуг для пользователей или для пополнения имеющихся средств. При этом могут быть использованы как простой сканер, так и создание 3D-моделей. Однако перед началом процесса оцифровки музейная организация должна четко определить свои потребности, причины и возможности преобразования материала в цифровую форму [3].

Под цифровизацией, в свою очередь, понимается использование данных и цифровых технологий, а также средств обеспечения взаимосвязанности, что приводит к появлению новых видов деятельности или изменениям в существующих. Цифровизация на всём промежутке её развития – это внедрение технологий в работу организационных субъектов с целью увеличения качества работы в той или иной сфере деятельности [4]. Расширение концепта цифровизации на различные процессы в различных общественных сферах, в том числе, в сфере культуры, формирование на ее основе глобальных управленческих приоритетов стали происходить в рамках четвертой промышленной революции или индустрии 4.0 [7].

Таким образом, оцифровка и цифровизация – это два отдельных этапа, предвосхищающие цифровую трансформацию. Последнее же определяется неоднозначно, т.к. для разных организаций в совершенно разных общественных сферах она предполагает совокупность абсолютно разных методов и решений [2]. Тем не менее, есть то, что объединяет все сферы общества и позволяет определить цифровую трансформацию, как кардинальные изменения в структурной деятельности организации, осуществлении рабочих процессов, корпоративной культуре, обусловленные непосредственно новшествами в технологической части организации.

Анализ литературы, в результате которого было выявлено значительное количество публикаций, посвященных оцифровке музейных предметов, а также отдельным примерам цифровизации музейных процессов, показал отсутствие публикаций о цифровой трансформации музея как социального института. Дополнительно отметим, что подавляющее количество выявленных публикаций было представлено в рамках специализированных конференций, среди которых следует выделить The Museum Computer Network (MCN) [8], Museums and the Web (MuseWeb) [6], конференции Ассоциации по документации и информационным технологиям (АДИТ) [1]. В результате, целью данного исследования стало определение того, с какими проблемами сталкиваются музеи при реализации концепции цифровизации в своем музее, каковы успехи и дальнейшие перспективы этого процесса.

1 Методология

Исследование проводилось сотрудниками Лаборатории экономики культуры НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. В целях глубинного изучения феномена цифровизации музейной деятельности в современных условиях был проведен опрос среди экспертов, занимающих руководящие должности в музеях России. В опросе приняли участия 7 высококвалифицированных специалистов. Опрос был проведен методом интервьюирования. Респондентам было предложено оценить современный уровень цифровизации музея и обосновать критерии, на основе которых была дана оценка; описать существующие барьеры, препятствующие развитию цифровизации музея; определить наиболее перспективные направления деятельности музея, которые нуждаются в цифровизации; определить необходимые ресурсы для создания и успешного внедрения цифровых технологий в деятельность музея.

На следующем этапе исследования был проведен опрос сотрудников музеев методом анкетирования в электронном виде на базе открытого сервиса «Google Формы». Вопросы затрагивали следующие аспекты цифровизации музейной деятельности: актуальные направления деятельности музея, подверженные цифровизации; стимулы и барьеры цифровизации музея; монетизация музейных продуктов. Опрос проводился для оценки текущего уровня цифровизации музеев и выявления перспективных направлений развития музейной деятельности. Целевую аудиторию опроса составили представители музеев – членов ИКОМ в России. В опросе принял участие 81 человек, по принципу «опрос всех согласных».

2 Результаты исследования

Основную долю среди респондентов составили работники комплексных, исторических и художественных музеев, что соответствует общей структуре российских музеев. В разрезе величины музея, измеренной через численность сотрудников, большую часть респондентов составили сотрудники средних по численности музеев – с числом работников от 11 до 100 чел. Это также близко к общей структуре российских музеев, хотя малые музеи были слабо представлены в нашей выборке, и их доля не соответствует генеральной совокупности.

Важной характеристикой выборки являлся стаж работы респондентов в музее. В итоге, в выборке были широко представлены как ветераны (доля респондентов, работающих в музее свыше 20 лет), так и молодые работники, относительно недавно пришедшие в музей (доля респондентов, работающих менее 7 лет, составила 44%). Из этого распределения следует, что почти половина всех участвующих в опросе сотрудников музеев работала в период активной цифровизации различных сторон музейной деятельности.

Еще одной характеристикой выборки является формат вовлеченности респондентов в процессы цифровизации. Как видно на рис. 1, наиболее широко представлены активные пользователи ИТ-продуктов и разработчики таких продуктов. В целом, можно констатировать, что практически все респонденты в своей работе вовлечены в различные форматы цифровизации; причем для 64% респондентов работа с цифровыми продуктами является основной профессиональной обязанностью. Отметим, что выяснение профессионального образования в интересы исследователей не входило, этим вопросом озадачились коллеги из ИКОМ России, проведя исследование весной 2020 г. [5]. Ключевой аспект для нашего исследования заключался именно в отношении респондентов к цифровым процессам в музее.

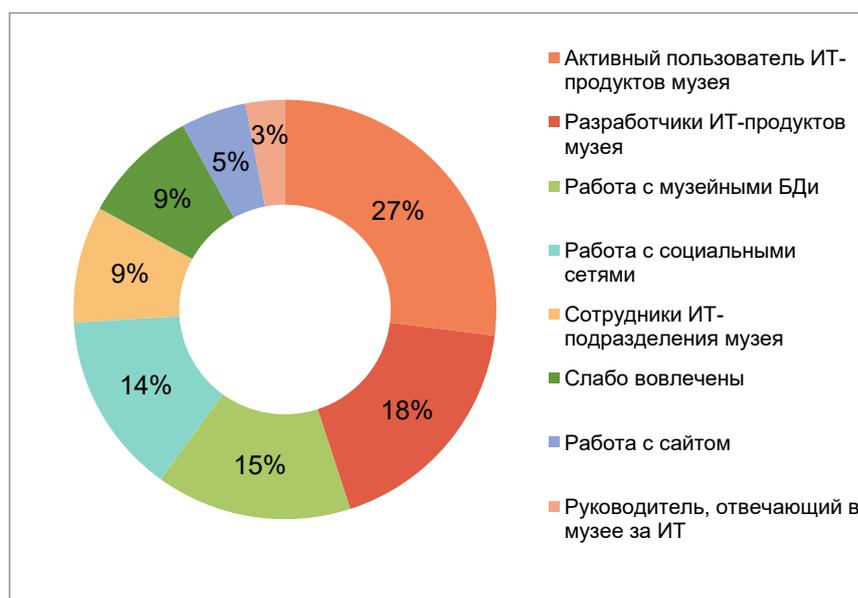

Рис. 1 Распределение респондентов по степени вовлеченности в процессы цифровизации (в процентах от общего числа ответов)

Таким образом, общий «портрет» респондента данного опроса представляет собой: сотрудник среднего по размерам исторического или комплексного музея, работающий в музейной сфере от 3-х до 12-ти лет, активный пользователь и разработчик отдельных ИТ-продуктов.

3 Эксперты о цифровизации музейной деятельности

Опрос 7 высококвалифицированных музейных специалистов показал: можно с уверенностью констатировать, что работа по оцифровке коллекций является сегодня основным направлением цифровой деятельности музеев. Так, практически все эксперты указали в качестве наиболее активно осуществляемой работу по созданию электронной базы данных музейных предметов. В качестве

комментариев эксперты отмечали, что «оцифровка коллекций - это важнейший ресурс музеев, обладающий значительной ценностью и вызывающий неизменный интерес». При этом специалисты подчеркивали, что «электронные базы данных музейных предметов - наиболее ресурсозависимая область деятельности». Можно с уверенностью констатировать, что оцифровка музейных коллекций к настоящему времени освоена большинством российских музеев, и признается ими важнейшим инструментом современной музейной деятельности. Однако массовое участие музеев в оцифровке музейных коллекций ставит на повестку дня вопрос о наиболее эффективном использовании полученного огромного массива информации.

Эксперты отмечают несколько наиболее важных направлений работы. Прежде всего, оцифровка музейных экспонатов позволяет создавать более «углубленные» формы их показа, акцентируя внимание на ранее недоступных деталях и скрытых от глаз особенностях. Цифровые копии музейных экспонатов лежат в основе набирающих популярность экскурсий в AR и VR форматах. Они также широко используются в онлайн-экскурсиях, онлайн-турах и мобильных приложениях. Респонденты отмечают в качестве перспективного направления цифровизации именно «цифровизацию музейных экспозиций, т.к. имеется высокий запрос у целевой аудитории».

Использование оцифрованных музейных предметов для расширения музейной аудитории респонденты предлагают реализовать в различных форматах. Во-первых, они указывают, что «цифровизация фондовой работы позволяет активизировать экскурсионно-выставочную деятельность и в области использования специальных ресурсов, и в создании цифровых ресурсов, что позволит расширить музейную аудиторию». Данное направление требует взаимодействия подразделений, связанных с хранением музейных предметов и их оцифровкой, с подразделениями, осуществляющими экскурсионно-выставочную деятельность.

Во-вторых, респонденты указывают на перспективность использования цифровых копий музейных предметов в музейном онлайн-пространстве, поскольку «оцифрованные музейные предметы более доступны широкой аудитории благодаря сайту и социальным сетям». Данное направление деятельности требует налаживание совместной работы подразделений, связанных с хранением музейных предметов и их оцифровкой, с подразделениями, ответственными за ведение сайта музея и работу в социальных сетях.

В-третьих, цифровизация коллекций музеев существенно повышает уровень работы по безопасности, позволяя существенно улучшить качество работы с музейными фондами, и степень достоверности экспертизы музейных предметов.

Отметим, что, выделяя различные направления цифровизации коллекции, респонденты указывали, что «можно отдельно отметить трёхмерную оцифровку музейного фонда. Она востребована для создания качественного и современного контента».

Таким образом, можно констатировать, что в основу построения внутренней системы цифровизации музейной деятельности может быть положена оцифровка коллекции музейных предметов как в экспозиционной, так и в фондовой частях.

Следующим направлением систематизации музейной работы является цифровизация различных музейных продуктов и сервисов, направленных на взаимодействие с посетителями музея.

Следует отметить, что именно «клиентоцентричность» становится в последние годы одной из основных особенностей работы музеев. Данное обстоятельство обусловлено целым рядом факторов, к числу которых можно отнести такие, как повышение уровня конкуренции за посетителя в индустрии впечатлений в целом; падение интереса к музейным экспозициям и, соответственно, посещаемости со стороны отдельных групп населения; необходимость создание новых форматов аттрактивности музея в глазах молодого поколения; повышение роли доходов от посещения музея при сокращении или стабилизации уровня государственных или муниципальных субсидий и ряд других. В этих условиях одним из наиболее эффективных инструментов для создания музеем условий и продуктов, привлекающих посетителя и обеспечивающих ему комфортное и интересное пребывание в музее, становится цифровизация музейных продуктов и услуг.

В ходе опроса эксперты определили цифровизацию культурно-образовательной и экскурсионно-выставочной деятельности как второе по значимости направление (после уже описанной оцифровки музейных предметов) цифровизации музея. Ими были указаны и

конкретные, наиболее перспективные форматы работы с посетителями, которые должны быть реализованы в ближайшие годы.

Прежде всего, специалисты указали, что «цифровизация фондовой работы позволяет активизировать экскурсионно-выставочную деятельность и в области использования специальных ресурсов, и при создании цифровых ресурсов, что позволит расширить музейную аудиторию». Также респонденты отметили два важнейших направления цифровизации музейных продуктов, призванных в ближайшие годы существенно изменить характер взаимодействия музея с посетителями:

- создание специальных ресурсов для экскурсионно-выставочного обслуживания (аудиогиды, видеогиды, VR, AR и проч.)

- создание цифровых ресурсов для работы с более широкой музейной аудиторией (вебинары, онлайн-курсы, мобильные приложения, подкасты и проч.).

В контексте построения системности в цифровизации музейной деятельности работа в указанных направлениях подразумевает налаживание отношений между различными подразделениями, часто находящимися в различных блоках структуры управления музеем. Однако для создания музейных продуктов и сервисов, предназначенных для посетителей, необходимо выстраивать систему взаимодействия между различными подразделениями.

4 Цифровая среда музеев в опросе музейных сотрудников

4.1 Движущие и сдерживающие факторы цифровизации музеев

Одним из блоков вопросов, задававшихся сотрудникам музеев, были вопросы о факторах, содействовавших или препятствовавших цифровизации музеев. Важность этих вопросов обусловлена тем обстоятельством, что некоторые из отмеченных респондентами факторов продолжают воздействовать на ситуацию в музеях и в настоящее время.

Среди упомянутых респондентами в своих ответах 15 факторов, ускоривших цифровизацию деятельности музеев, бесспорными «лидерами» стали 4 фактора. Абсолютное первенство принадлежит такому фактору, как «наличие квалифицированных кадров» (его указали 56,8% от всех опрошенных). Фактор кадрового обеспечения музеев в части цифровой деятельности неоднократно упоминался респондентами и в других исследованиях, проводившихся Лабораторией экономики культуры.

Второе место занимает фактор, связанный с наличием компьютерной и прочей техники (51,9%). Доля современного технологического оснащения действительно много значит для успешного внедрения новых решений во всех направлениях музейной деятельности.

На третьем месте расположился фактор наличия информационной системы (42%) для оперативной работы с музейными предметами (описание с цифровым изображением предметов, работа с документами по движению музейных предметов и т.д.). Среди указанных информационных систем первое место занимает КАМИС, что связано, скорее всего, с тем, что данная система позволяет работать сотрудникам музеев с Госкаталогом РФ без дополнительных настроек.

Четвертым фактором, повлиявшим на ускорение цифровизации музея, респонденты назвали «политическую волю руководства» (35,8%). Отметим, что данный фактор можно считать, как «движущей силой» процессов информатизации, если инициатива исходит от руководства и всячески поддерживается мотивация сотрудников в этом направлении, так и «препятствием» для таких процессов.

Что касается барьеров на пути цифровизации музеев, то здесь респонденты на первое место поставили нехватку финансирования (на это указали 74,1% всех респондентов). Такое единодушие (а среди респондентов были сотрудники как слабо финансируемых малых музеев, так и вполне финансово успешных музеев федерального подчинения) свидетельствует о том, что финансовое обеспечение процессов цифровизации музеев требует особого внимания со стороны учредителей. Это становится особенно важным в условиях пандемийных ограничений, когда стабилизирующее финансирование направляется в первую очередь на социальную поддержку коллективов музеев. Второе и третье места разделили вполне ожидаемые барьеры – отсутствие современной технической базы (60,5% респондентов) и отсутствие квалифицированных кадров (59,3% респондентов). Эти цифры дают представление о соотношении «продвинутых» в цифровом плане

музеев и остальной массы музеев. На четвертом месте, с большим отрывом от других факторов, оказался такой, как «недопонимание проблем со стороны руководства» (28,4% респондентов). Безусловно, в будущих исследованиях будет очень полезно выяснить, что стоит за этим «недопониманием»: консерватизм некоторой части руководства музеев? Острота других проблем музейного развития? Ощущение отсутствия реальной возможности изменить положение дел в части цифровизации музеев? Или какие-то другие мотивы?

Отметим, что цифровизация – это внедрение цифровых технологий и методов в управление музеями (более подробно это было освещено в исследовании ИКОМ Россия в 2020 г., посвященном цифровым компетенциям сотрудников музея [5]), а также в разработку цифровых продуктов и сервисов. В нашем исследовании мы рассматривали преимущественно второе направление.

4.2 Оцифровка коллекций – прежде всего

По мнению подавляющего большинства респондентов, работа по оцифровке коллекций является сегодня основной работой и необходимым этапом для дальнейшей цифровизации. В опросе музейных работников 91,4% респондентов указали работу по созданию электронной базы данных музейных предметов в качестве наиболее активно осуществляемой. В качестве комментариев респонденты отмечали, что «оцифровка коллекций – это важнейший ресурс музеев, обладающий значительной ценностью и вызывающий неизменный интерес». При этом специалисты подчеркивали, что «электронные базы данных музейных предметов – наиболее ресурсозависимая область деятельности». При этом можно констатировать, что, будучи одним из первых форматов цифровизации музеев, оцифровка музейных коллекций к настоящему времени освоена большинством российских музеев и признается ими важнейшим инструментом современной музейной деятельности, хотя качество оцифровки пока не у всех музеев на должном высоком уровне. Как эмоционально отметил один из респондентов, «база данных коллекции музея – это сердце музея, люди (сотрудники) приходят и уходят, коллекция и информация о ней остаются».

4.3 Дальнейшее использование оцифрованных музейных предметов

Однако массовая оцифровка музейных коллекций ставит на повестку дня вопрос о наиболее эффективном использовании полученного огромного массива информации. В этой связи респонденты отмечают несколько наиболее важных направлений работы.

Первым из этих направлений является оцифровка музейных предметов, которая позволяет создавать более «углубленные» формы их показа, акцентируя внимание на ранее недоступных деталях и скрытых от глаз особенностях. Цифровые копии музейных экспонатов лежат в основе набирающих популярность экскурсий в AR и VR форматах. Они также широко используются в онлайн-экскурсиях, онлайн-турах и мобильных приложениях. Респонденты отмечают в качестве перспективного направления цифровизации именно «цифровизацию музейных экспозиций, т.к. высокий запрос у целевой аудитории».

Использование оцифрованных музейных предметов для расширения музейной аудитории респонденты предлагают реализовать в различных форматах. Прежде всего, они отмечают, что «цифровизация фондовой работы позволяет активизировать экскурсионно-выставочную деятельность и в области использования специальных ресурсов, и в создании цифровых ресурсов, что позволит расширить музейную аудиторию». Данное направление требует налаживания взаимодействия подразделений, связанных с хранением музейных предметов и их оцифровкой, с подразделениями, осуществляющими экскурсионно-выставочную деятельность.

Далее респонденты указывают на перспективность использования цифровых копий музейных предметов в музейном онлайн-пространстве, поскольку «оцифрованные музейные предметы более доступны широкой аудитории благодаря сайту и социальным сетям». В данном случае требуется налаживание совместной работы подразделений, связанных с хранением музейных предметов и их оцифровкой, с подразделениями, ответственными за ведение сайта музея и работу в социальных сетях.

Кроме того, респонденты отмечают, что оцифровка коллекций музеев существенно повышает уровень работы по безопасности, позволяя существенно улучшить качество работы с музейными фондами и степень достоверности экспертизы музейных предметов.

Заметим также, что, выделяя в качестве перспективных те или иные направления оцифровки коллекции, респонденты указывали, что «можно отдельно отметить трёхмерную оцифровку музейного фонда. Она востребована для создания качественного и современного контента».

Таким образом, можно констатировать, что в основу построения внутренней системы цифровизации музейной деятельности может быть положена оцифровка коллекций музейных предметов.

4.4 Направления цифровизации: работа с посетителями

Одним из направлений цифровизации музейной работы является создание различных цифровых музейных продуктов и сервисов, направленных на взаимодействие с посетителями музея.

Следует отметить, что именно «клиентоцентричность» становится в последние годы одной из основных особенностей работы музеев. Данное обстоятельство обусловлено целым рядом факторов, к числу которых можно отнести такие, как повышение уровня конкуренции за посетителя в индустрии впечатлений в целом; падение интереса к музейным экспозициям и, соответственно, посещаемости со стороны отдельных групп населения; необходимость создания новых форматов аттрактивности музея в глазах молодого поколения; повышение роли доходов от посещения музея при сокращении или стабилизации уровня государственных или муниципальных субсидий и ряд других. В этих условиях одним из наиболее эффективных инструментов для создания музеем условий и продуктов, привлекающих посетителя и обеспечивающих ему комфортное и интересное пребывание в музее, становится цифровизация музейных продуктов и услуг.

В ходе опроса респонденты определили процесс перевода в цифровой вид культурно-образовательной и экспозиционно-выставочной деятельности как второе по значимости (после уже описанной оцифровки музейных предметов) направление цифровизации музейной деятельности. Ими были указаны и конкретные, наиболее перспективные форматы работы с посетителями, которые должны в ближайшие годы основываться на применении цифровых технологий.

Прежде всего, респонденты отметили два важнейших направления при создании цифровых музейных продуктов, призванных в ближайшие годы существенно изменить характер взаимодействия музея с посетителями:

- создание специальных ресурсов для экскурсионно-выставочного обслуживания (аудиогиды, видеогиды, VR, AR и проч.);
- создание цифровых ресурсов для новых форм работы с музейной аудиторией (вебинары, онлайн-курсы, мобильные приложения, подкасты и проч.).

Для создания цифровых музейных продуктов и сервисов необходимо наладить взаимодействие между такими подразделениями музея, как отдел, связанный с техническим и технологическим обеспечением, культурно-образовательный и экспозиционно-выставочный отделы, а также структуры, занимающиеся маркетингом.

5 Перспективы цифровизации

В ходе опроса респондентам был задан вопрос о том, что если бы в музее не было столь жестких ресурсных ограничений, то какие бы форматы цифровизации следовало бы в ближайшие 5 лет наиболее активно использовать в деятельности музеев.

Следует отметить, что подавляющее большинство респондентов было единодушно, отмечая такие направления цифровизации, как формирование цифровых баз данных музейных предметов и создание на их основе различных цифровых продуктов; внедрение VR и AR технологий, разработка мобильных приложений и современных сайтов; расширение цифрового контента для экскурсионно-выставочного обслуживания; новые цифровые форматы работы с аудиторией: вебинары, онлайн-курсы, различные онлайн-мероприятия.

Вместе с тем, респондентами было высказано идеи, которые пока еще не обрели массовой поддержки, но, безусловно, заслуживают внимания.

Так, одним из перспективных направлений из-за увеличения многозадачности была названа автоматизация управления музеем с помощью цифровых инструментов. Важность системной

цифровизации управленческих задач позволит не только сократить нагрузку на различные подразделения музея, но и оптимизировать расходы на саму цифровизацию, которые в некоторых музеях уже составляют достаточно весомую часть бюджета.

Второй блок уникальных идей связан с монетизацией. При этом, с одной стороны, респонденты в качестве объектов монетизации видят «процессы, позволяющие привлечь новую аудиторию, а значит и доход (онлайн мастер-классы, лекции и т.п., продажа билетов и сувениров онлайн)». Но, с другой, респонденты считают перспективной «монетизацию услуг и ресурсов, предоставляемых музеем дистанционно по конкретным запросам пользователей». Можно согласиться, что общий тренд на индивидуализацию онлайн-продуктов и услуг, наблюдаемый в разных отраслях социально-экономической жизни, затронет и музейную сферу.

Третий блок уникальных предложений связан с необходимостью ориентации онлайн-продуктов на конкретные целевые аудитории. Так, по мнению респондентов, «на фоне роста популярности онлайн-образования должно расти предложение подобных продуктов от профессиональных сообществ». При этом прямо указывается, что будут пользоваться спросом «онлайн курсы для студентов профильных вузов». Еще одной целевой аудиторией респонденты считают продвинутых пользователей, заинтересованных в сопроизводстве цифровых продуктов: «новым веянием является выставка без участия экскурсовода, гораздо интереснее самому делать открытия, чем слушать заученный текст от сотрудника музея». Респонденты в качестве целевой аудитории указывают посетителей временных выставок («Цифровизация больше всего отразится на временных выставках»), что потребует более гибких инструментов перевода в цифровой вид контента.

Важной задачей внедрения цифровых технологий респонденты считают новые формы взаимодействия с посетителями: «технология виртуальной реальности обладает достаточной степенью иммерсивности для подачи музейного контента на должном информационном и эмоциональном уровне. Плоскостные мультимедиа всем надоели еще десять лет назад». В ходе экспертного опроса руководитель отдела по научным исследованиям Музея современного искусства PERMM Я. Цырлина подчеркнула в этой связи, что «сам музей должен создавать в своем пространстве все больше цифровых узлов для удобства зрителей и для функционирования самого выставочного пространства».

Также, нельзя не отметить интересное предложение о создании музеями личных кабинетов посетителей. Этот инструмент получил широкое распространение в самых различных отраслях экономики и доказал свою эффективность в установлении взаимодействия с потребителями. Однако в музеях он пока что применяется крайне редко, что подчеркивает его перспективность.

Таким образом, мнения экспертов и музейных сотрудников, имеющих отношение к цифровизации музейных процессов, являются практически идентичными: цифровизация музейной деятельности должна начинаться с оцифровки музейных предметов, с целью дальнейшего использования оцифрованных изображений предметов в экспозиционно-выставочном пространстве и культурно-образовательной деятельности музея. Только с системной отладкой данных направлений можно переходить к более глубинным процессам – цифровой трансформации всей музейной деятельности.

Заключение

В результате исследования было выявлено, что сотрудники музеев прекрасно понимают, что без первого этапа – оцифровки музейных предметов – невозможно внедрять цифровизацию в музейную деятельность. Кроме этого, были обрисованы трудности, с которыми сталкиваются музеи на пути цифровизации; среди них стоит отметить как нехватку финансирования и современного ИТ-оборудования, так и отсутствие профессионалов и воли руководства. Тем не менее, процесс цифровизации в музеях уже активно протекает и определены направления его дальнейшего развития: включение цифровых продуктов современного уровня в экспозиционно-выставочную и культурно-образовательную деятельность с привлечением партнеров из смежных сфер (образование, ИТ). Не забывают музейные специалисты о возможности пополнения своего бюджета за счет монетизации новых цифровых музейных продуктов. Этот процесс идет крайне сложно. Как отметил один из представителей российских музеев в интервью РБК «зритель еще не привык к такому формату взаимодействия и не привык, что за контент нужно платить». Более того, согласно интервью представителей российских музеев, они не решаются монетизировать онлайн-контент,

так как «видят миссией музея моральную поддержку людей в столь нелегкое для всех время». В завершении обзора материалов данного исследования хотелось бы привести «формулу успеха» музейной цифровизации, предложенную одним из экспертов – заместителем директора Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова К.Н. Ширко: «Понимание «зачем» + политическая воля + план + ресурсы + регулярность / планомерность (пусть и не очень большими шагами)».

Благодарности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г., проект «Системный подход к трансформации цифровой среды музеев».

Литература

1. Ассоциация по документации и информационным технологиям (АДИТ). Прошедшие конференции. – URL: <https://adit.ru/ru/archive/konferentsii> (дата обращения: 15.03.2022)
2. Барсукова К.В., Рогова Д.С. Цифровая трансформация рабочих процессов при эпидемиях современности // Сборник научных статей 8-й Международной научно-практической конференции «ИИС-2020». – Курск: Юго-Запад. гос. ун-т, 2020, – С. 20–22.
3. Марсенич М.М., Элезович Д.М. Оцифровка архивного материала в Сербии // Научные достижения высшей школы 2020 : сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса (29 октября 2020 г.) – Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2020. С. 77– 89.
4. Смирнов Е.Н. Цифровая трансформация мировой экономики: торговля, производство, рынки: монография – М.: Мир науки, 2019. – URL: <https://izd-mn.com/38mnnpm19.html> (дата обращения: 15.03.2022)
5. Цифровые компетенции сотрудников музея. Отчет ИКОМ России. – URL: <https://icom-russia.com/data/proekty/vliyanie-tsifrovyykh-tekhnologiy-na-rabotu-muzeynykh-sotrudnikov/> (дата обращения: 15.03.2022)
6. Museums and the Web (MuseWeb) Conferences. – URL: <https://www.museweb.net/conferences/> (дата обращения: 15.03.2022)
7. Schwab, K. (2016). The Fourth Industrial Revolution, World Economic Forum, Geneva, 184 p.
8. The Museum Computer Network (MCN). Past Conferences. – URL: <https://mcn.edu/resources/conferences/past-conferences> (дата обращения: 15.03.2022)

THE DIGITALIZATION OF MUSEUMS: CHALLENGES, SUCCESSES, AND PROSPECTS (ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Sizova, Irina A.

Candidate of historical sciences

HSE University, Department of management, associate professor

St. Petersburg, Russia

iasizova@hse.ru

Gordin, Valery E.

Doctor of economical sciences, professor

HSE University, Department of public administration, professor

St. Petersburg, Russia

gordin@hse.ru

Abstract

The article focuses on the digitalization of museums. We analyze what employees think about digitalization, what difficulties they face, and what successes they achieve. In addition, the possibility of digitalizing museum activities is discussed, provided there is a first stage - digitizing museum objects. For the further development of informatization processes, the authors stress the need to involve partners from the related fields (education, IT) in the exposition, exhibition, cultural and educational activities of the museum.

Keywords

museum; digitization; digitalization; survey of museum staff

References

1. Associaciya po dokumentacii i informacionnym tekhnologiyam (ADIT). Proshedshie konferencii. – URL: <https://adit.ru/ru/archive/konferentsii> (data obrashcheniya: 15.03.2022)/
2. Barsukova K.V., Rogova D.S. Cifrovaya transformaciya rabochih processov pri epidemiyah sovremennosti // Sbornik nauchnyh statej 8-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «IIS-2020». – Kursk: Yugo-Zapad. gos. un-t, 2020, – S. 20–22.
3. Marsenich M.M., Elezovich D.M. Ocifrovka arhivnogo materiala v Serbii // Nauchnye dostizheniya vysshej shkoly 2020 : sbornik statej Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa (29 oktyabrya 2020 g.) – Petrozavodsk : MCNP «Novaya nauka», 2020. S. 77–89.
4. Smirnov E.N. Cifrovaya transformaciya mirovoj ekonomiki: trgovlya, proizvodstvo, rynki: monografiya – M.: Mir nauki, 2019. URL: <https://izd-mn.com/38mnnpm19.html> (data obrashcheniya: 15.03.2022).
5. Cifrovye kompetencii sotrudnikov muzeya. Otchet IKOM Rossii. – URL: <https://icom-russia.com/data/proekty/vliyanie-tsifrovyykh-tekhnologiy-na-rabotu-muzeynykh-sotrudnikov/> (accessed on 15.03.2022)/
6. Museums and the Web (MuseWeb) Conferences. URL: <https://www.museweb.net/conferences/> (accessed on 15.03.2022).
7. Schwab, K. (2016). The Fourth Industrial Revolution, World Economic Forum, Geneva, 184 p.
8. The Museum Computer Network (MCN). Past Conferences. URL: <https://mcn.edu/resources/conferences/past-conferences> (data accessed on 15.03.2022).

Информационное общество и право

ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА: КРИМИНАЛЬНЫЕ РИСКИ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета Т.В. Ершовой 22.03.2022.

Бегишев Ильдар Рустамович

Доктор юридических наук

*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, главный научный сотрудник,
профессор кафедры уголовного права и процесса*

Казань, Российская Федерация

begishev@mail.ru

Аннотация

В настоящей работе рассматривается существующее состояние процессов использования транспортных средств, снабженных автоматизированной системой вождения. Приводится анализ имеющихся дефиниций таких средств, и формулируется вывод о возможности их именования робототехническим транспортным средством. После чего анализируются риски и угрозы, возникающие в процессе их использования. Формулируется вывод о том, что ответственность водителя транспортного средства, снабженного автоматизированной системой управления и способного функционировать при деактивированном состоянии такой системы, тождественна ответственности водителя транспортного средства, не снабженного соответствующей системой. Транспортные средства, в которых такая система не может быть отключена, создают существенные риски и могут быть нормативно запрещены.

Ключевые слова

автоматизированная система вождения; автоматизированный режим управления; автономное транспортное средство; беспилотное транспортное средство; высокоавтоматизированное транспортное средство; искусственный интеллект; компьютерная информация; ответственность; правовое регулирование; преступление; вред; робот; робототехника; субъект преступления; цифровая экономика; цифровые технологии

Введение

Повсеместное внедрение цифровых технологий влечет существенные изменения в привычных общественных отношениях. Одной из активно развивающихся сфер является применение автоматизированных систем в транспортных средствах [1-6]. Особенность данных систем состоит в том, что они, аккумулируя информацию с различных датчиков и используя команды управления водителем, способны поддерживать движение транспортного средства без участия человека.

Цель работы – провести исследование типовой ситуации причинения вреда, опосредованного использованием высокоавтоматизированных транспортных средств.

Основными задачами исследования являются проведение анализа подходов к раскрытию значения термина «высокоавтоматизированное транспортное средство» и определение механизмов и условий привлечения к ответственности владельца (водителя) высокоавтоматизированного транспортного средства в случае причинения им вреда.

Материалами для работы послужили положения федерального законодательства о регулировании отношений в сфере эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств, а также разработки ведущих отечественных и зарубежных ученых-правоведов.

© Бегишев И.Р., 2022.

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial – ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2022_04_45

Достоверность полученных результатов обеспечена использованием современных методов исследования правовых установлений: логического, формально-юридического, системно-структурного и иных методов научного познания.

1 Обзор научной литературы по проблемам правового регулирования высокоавтоматизированных транспортных средств

В российской научной литературе отмечается, что «появление на дорогах общего пользования беспилотных транспортных средств ставит ряд вопросов, связанных с их безопасностью, в частности с определением субъектов ответственности за возможные дорожно-транспортные происшествия с участием таких автомобилей» [15]. Это актуализирует выявление, анализ и разрешение криминальных рисков и правовых последствий применения высокоавтоматизированных транспортных средств.

В 2019-2021 гг. опубликован ряд исследований по вопросам нормативного регулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией высокоавтоматизированных (беспилотных) транспортных средств [25, 26, 30, 36] и создания правовой среды для цифрового развития [28, 38], определения беспилотных транспортных средств как источников повышенной опасности [24], как новых вызовов общественной безопасности [29], как элементов транспортной системы России [39] и зарубежья [27], установления ответственности за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами [31, 32, 33, 34], определения субъектов дорожно-транспортных преступлений в условиях цифровизации общества [37] и субъектов гражданско-правовой ответственности, возникающей вследствие причинения вреда беспилотным транспортным средством [35].

2 Понятие «высокоавтоматизированное транспортное средство»

Как справедливо отмечается, в научной литературе отсутствует консенсус мнений относительно корректной дефиниции таких транспортных средств [1-2]. Некоторые ученые предлагают дефиницию «беспилотные мобильные средства» [3], иные специалисты полагают, что подобные устройства следует именовать «транспортные средства, оборудованные автоматической системой управления, которые могут передвигаться без участия человека» [4]. Положения нормативных правовых актов демонстрируют схожую терминологию, так, согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415, высокоавтоматизированным транспортным средством признается транспортное средство, в конструкцию которого внесены изменения, связанные с его оснащением автоматизированной системой вождения [5].

Приведенные определения тождественны в признании «автоматизированного» характера вождения, то есть движения автомобиля. В то же время дефиниция, изложенная в нормативном правовом акте Правительства России, нам представляется наиболее удачной, поскольку она содержит прямое указание на автоматизированную систему вождения, то есть некоторое программно-аппаратное средство, позволяющее выполнять функции управления, в отсутствие такой системы возложенные на водителя. В то же время положения вышеуказанного нормативного акта не связывают рассматриваемый признак с полным устранением человека от процесса управления транспортным средством, ввиду чего утверждения о «беспилотном» характере подобных устройств видятся несостоятельными. Действительно, автоматизированная система способна оказывать только частичную помощь, сохраняя за водителем обязанности по контролю движения, принятию мер по предотвращению дорожно-транспортных происшествий.

3 Компьютерная программа высокоавтоматизированного транспортного средства

Наличие автоматизированной системы вождения не предполагает освобождения лица, допущенного к управлению, от соблюдения правил дорожного движения, что в равной степени означает несение им всей полноты ответственности в случае причинения вреда охраняемым законом интересам. В юридическом аспекте подобное уточнение представляется значимым.

Ключевым техническим элементом в контексте высокоавтоматизированных транспортных средств является упоминаемая выше автоматизированная система. Полагаем, данную систему можно рассматривать как разновидность компьютерных программ, предназначенных для

обеспечения деятельности цифровых устройств, то есть совокупности данных и команд, которыми обеспечивается функционал.

Важно заметить, что определенное программное обеспечение сейчас является элементом множества транспортных средств [6]. В то же время в зависимости от конкретных характеристик технического средства примененное в нем программное обеспечение может отличаться, обуславливая возможность выполнения различных вычислительных процессов – от поддержания скорости движения до автоматического выполнения отдельных парковочных элементов. Думается, названные разновидности программного обеспечения едва ли можно признавать тождественными.

Полагаем возможным утверждать, что для признания транспортного средства автоматизированным его компьютерная программа должна позволять совершать достаточно широкий перечень действий, частично заимствовать функцию управления.

В затронутом контексте выразим мнение, что для признания транспортного средства высокоавтоматизированным вычислительные мощности его программного обеспечения должны обеспечивать возможность устанавливать, поддерживать и изменять скорость и направление движения без участия человека.

4 Робототехническое транспортное средство

В развитие предыдущего тезиса выскажем предположение, что фактически такое транспортное средство подпадает под определение робота в том его понимании, которое является традиционным, устойчиво сложившимся и широко применяемым, то есть такое средство есть программно-аппаратное устройство, оказывающее практическую помощь человеку. В данном случае помощь в перемещении. Мнение о программно-аппаратной природе робота неоднократно рассматривалось в литературе и подтверждено многими изысканиями, в том числе нашими [7-13].

На основании изложенного такого рода транспортные средства видится возможным именовать *робототехническими транспортными средствами* – транспортными средствами, имеющими в своем составе программное обеспечение, возможности которого позволяют поддерживать, устанавливать и изменять скорость и направление движения без участия человека.

Приведем важное уточнение: сам факт выполнения программой вышеуказанных функций без участия человека не означает снятие обязанности по предотвращению происшествий. В целом вопросы привлечения к ответственности в случае причинения вреда в ходе использования описываемых транспортных средств можно отнести к одной из наиболее актуальных проблем современной юридической науки и практики.

По данному поводу выражена позиция некоторых международных инстанций. Так, в Конвенции о дорожном движении предусмотрено, что вне зависимости от тактико-технических характеристик транспортного средства присутствие в нем водителя является обязательным, поскольку человек в экстренной ситуации может принять управление и предотвратить наступление общественно опасных последствий [14]. Думается, вышеуказанное положение может быть истолковано расширительно, и водитель обязан не только принимать меры по предотвращению опасных отклонений в работе автоматизированной системы, но и на всем периоде движения контролировать исправность и корректность ее функционирования.

В п. 18 постановления Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415 указано, что «в отсутствие действий иных участников дорожного движения, виновно приведших к дорожно-транспортному или иному происшествию на автомобильной дороге, ответственность за вред, причиненный в результате такого происшествия, несет владелец высокоавтоматизированного транспортного средства» [5].

Совокупно анализируя положения вышеприведенных нормативных правовых актов, подтверждаем вывод о том, что лицо, осуществляющее управление робототехническим транспортным средством, обязано при активизации автоматизированной системы управления контролировать исправность ее работы, а также вне зависимости от состояния данной системы (отключена, функционирует, неисправна) выполнять общие обязанности водителя при выполнении маневров и движении транспортного средства. Формально отсутствует какое-либо дифференцирование между указанными обязанностями, а соответственно, и объемом вины в случае причинения вреда водителем робототехнического транспортного средства и транспортного средства, не снабженного соответствующими программно-аппаратными элементами.

Применительно к изложенному в научной среде высказываются справедливые замечания о недостаточной определенности категории «виновное поведение» водителя [15]. Думается, перечень возможных действий, которые могут виновно привести к противоправному результату, прямо детерминирован тактико-техническими характеристиками робототехнического транспортного средства и возможностями его компьютерной программы. В этой связи представляется важным уточнение: само наличие такой программы не означает, что транспорт может передвигаться только в автоматическом режиме. Представляется, что, поскольку такая автоматизированная система является факультативным средством помощи водителю в ходе движения, нецелесообразно изменять объем его ответственности, однако в случае, если транспортное средство может передвигаться, только когда подобная система активна, решение вопроса об ответственности водителя (оператора) как минимум должно происходить в неизменной тесной корреляции с проверкой исправности функционирования системы.

Таким образом, можно выделить следующее юридически значимое обстоятельство: *возможность робототехнического транспортного средства осуществлять движение с деактивированной автоматизированной системой управления*. В этой связи находим справедливыми утверждения ученых, отмечающих, что в случае, если в управление транспортным средством вовлечен человек, он выступает субъектом уголовной ответственности [9, 16-22].

5 Проблемы эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств с точки зрения уголовного законодательства

Важно обозначить, что с позиции уголовного права робототехническое транспортное средство может выступать не только средством совершения преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Современные возможности компьютерных программ позволяют обоснованно предположить, что те объемы информации, которые в настоящее время хранятся, обрабатываются и передаются средствами вычислительной техники (смартфонами, персональными компьютерами и т. д.), в будущем могут циркулировать и в программных компонентах робототехнических транспортных средств. Иными словами, отсутствуют неустранимые препятствия совмещения функционала компьютера и мультимедийной системы описываемых транспортных средств, поскольку оба устройства в равной степени могут работать с компьютерной информацией.

Резюмируя, выскажем предположение о том, что при помощи *цифровых мультимедийных систем* робототехнических транспортных средств могут быть совершены такие преступления, как неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, нарушение неприкосновенности частной жизни, а также иные противоправные деяния, выполнение объективной стороны которых предполагает неправомерные действия с компьютерной информацией.

Однако в данном случае, как средство совершения преступления, робототехническое транспортное средство не проявляет существенных отличий от иных программно-аппаратных устройств.

Иное положение складывается применительно к нарушениям правил дорожного движения, повлекшим общественно опасные последствия и образовавшим состав преступления. В данном случае автоматизированная система управления транспортным средством может порождать ситуации, при которых решение вопроса о виновности водителя достаточно затруднительно. К примеру, когда в результате сбоя в передаче данных между одним из датчиков и компьютерной программой робоавтомобиль неверно расценил дорожную ситуацию и принял решение об уклонении от препятствия, которого в реальности не существовало (анализатор датчика загрязнился), в результате чего был причинен вред движущемуся попутно транспортному средству. В описанной ситуации вполне возможно, что водитель, даже при проявлении необходимой внимательности и предусмотрительности, надлежащим образом контролируя движение робоавтомобиля и функционирование его системы, вследствие неожиданности маневра не имел физической возможности предпринять достаточных мер по предотвращению вреда.

Обобщая изложенное, ситуации, когда аппаратные устройства робоавтомобиля, движущегося в режиме активной системы управления, неверно идентифицировали транспортное средство, препятствия, пешеходов, в результате чего им был причинен вред, можно обозначить как неверную реакцию автоматизированной системы на возникшие опасности для движения. Отметим,

что большинство случившихся к настоящему моменту происшествий с участием робототехнических транспортных средств можно отнести именно к этой типовой ситуации.

Обратим внимание на п. 10.1 Правил дорожного движения, согласно которому при возникновении опасности для движения, которую водитель был в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства [23]. Буквальное толкование изложенного позволяет прийти к выводу, что нормативное регулирование в описанных ситуациях ставит принятие водителем мер к предотвращению происшествия в зависимости от наличия у него возможности обнаружения опасности движения. Такая возможность неминуемо увязывается с условиями движения – состоянием дорожного покрытия, видимости, метеорологических условий, освещенности, времени суток и т. д. Думается, указанная возможность обнаружения будет наличествовать в отношении тех опасностей, которые водитель, с учетом психофизиологических качеств, соответствующих требованиям, предъявляемым к лицам, допускающимся к управлению транспортными средствами, в данных конкретных условиях мог обнаружить на пространстве, в направлении которого движется автомобиль, при концентрации достаточного внимания на процессе движения автомобиля; пространстве, в направлении которого движется автомобиль, а также на предметах и объектах, которые находятся в непосредственной близости к пространству, в направлении которого движется автомобиль, и могут в это пространство переместиться.

Заключение

Подводя итог нашим рассуждениям, заметим, что нормативное регулирование справедливо не содержит различий между обязанностями водителя в зависимости от того, содержит ли управляемое им транспортное средство автоматизированную систему управления. Однако обязательным условием распространения нормативных требований является возможность транспортного средства, снабженного такой системой, двигаться при ее деактивированном состоянии. В противном случае, то есть в ситуациях, когда транспортное средство, в силу присущих ему тактико-технических качеств, не способно передвигаться с деактивированной системой управления и процессы установления, поддержания и изменения скорости и направления движения не могут регулироваться водителем, требуется выработка специального нормативного регулирования, поскольку существующие положения для описанных случаев нерелевантны. Думается, целесообразность создания и выпуска в эксплуатацию подобных транспортных средств в целом неочевидна и может быть подвергнута законодательному запрету.

Литература

1. Беспилотники на дорогах России (уголовно-правовые проблемы) : монография / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2021. 520 с.
2. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex russica (Русский закон). 2019. № 2(147). С. 9-28. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.009-028.
3. Фокин М.С., Рязанов Н.С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. С. 103-110. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.86.1.103-110
4. Автономная робототехническая система с интеллектуальной диагностикой технического состояния для условий Арктики и Крайнего Севера / Ю.Г. Кабалдин и др.; под ред. Ю.Г. Кабалдина. М.: Инновационное машиностроение, 2018. 144 с.
5. Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2018 г. № 49 (часть VI). Ст. 7619.
6. Роботы, автономные робототехнические системы, искусственный интеллект и вопросы трансформации рынка транспортно-логистических услуг в условиях цифровизации экономики / И.А. Соколов, А.С. Мишарин, В.П. Куприяновский [и др.] // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Т. 6, № 4. С. 92-108.
7. Gardina D. Social Robot: the Problem of Definition and Classification // Artificial Societies. 2018. Vol. 13, No. 1-2. Pp. 15-30. DOI: 10.18254/S0000115-5-1

8. Wehner M., Truby R.L., Fitzgerald D.J., Mosadegh B., Whitesides G.M., Lewis J.A., Wood R.J. An integrated design and fabrication strategy for entirely soft, autonomous robots // Nature. 2016. Vol. 536, No. 7671. Pp. 451-455. DOI: 10.1038/nature19100
9. Чучаев А.И. Робомобили и безопасность личности: уголовно-правовые проблемы // Криминалистика. 2019. № 1 (26). С. 94-98.
10. Бегишев И.Р. Цифровая терминология: подходы к определению понятия «робот» и «робототехника» // Информационное общество. 2021. № 2. С. 53-66. DOI: 10.52605/16059921_2021_02_53
11. Бегишев И.Р. Криминологическая классификация роботов: риск-ориентированный подход // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 1. С. 185-201. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).185-201
12. Бегишев И.Р. Сущность робототехники: технолого-правовые аспекты // Информационное общество. 2021. № 6. С. 72-83. DOI: 10.52605/16059921_2021_06_72
13. Бегишев И.Р. Пределы уголовно-правового регулирования робототехники // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 3. С. 522-543. DOI: 10.21638/spbu14.2021.303
14. Конвенция о дорожном движении (Вена, 8 ноября 1968 г.). От имени СССР Конвенция подписана 8 ноября 1968 г. и ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1974 г. № 5938-VIII с оговорками и заявлениями. Ратификационная грамота СССР сдана на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций 7 июня 1974 г. Конвенция вступила в силу 21 мая 1977 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами, М., 1979 г., вып. XXXIII, с. 385.
15. Чучаев А.И., Маликов С.В. Ответственность за причинение ущерба высокоавтоматизированным транспортным средством: состояние и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 117-124. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.117-124.
16. Бегишев И.Р. Ответственность за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами: комплексно-юридические аспекты // Транспортное право и безопасность. 2021. № 2 (38). С. 68-74.
17. Грачева Ю.В., Коробеев А.И., Маликов С.В., Чучаев А.И. Высокоавтоматизированные транспортные средства: угрозы информационной системе безопасности и правовая ответственность // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12. С. 3-9. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-12-3-9.
18. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства, оснащённые системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. Т. 20. № 3. С. 117-132. DOI: 10.24866/1813-3274/2018-3/117-132.
19. Коробеев А.И. Беспилотные транспортные средства на путях, дорогах России: проблемы уголовной ответственности // Ученые записки юридического факультета. 2021. № 2. С. 15-18.
20. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Нарушение безопасности робомобилей как самостоятельное общественно опасное деяние // Уголовное право. 2019. № 3. С. 37-48.
21. Кочои С.М. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7(128). С. 125-135. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.125-135.
22. Медведев Е.В. Беспилотные (автономные) транспортные средства в уголовно-правовом измерении // Транспортное право. 2021. № 4. С. 11-14. DOI: 10.18572/1812-3937-2021-4-11-14.
23. Постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения» (в ред. Постановления Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2441 «О внесении изменений в приложение 1 к Правилам дорожного движения Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации») (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2021 г.) // Собрании актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 47. Ст. 4531. (Собрание законодательства Российской Федерации от 11 января 2021 г. № 2 (часть II). Ст. 465).

24. Антонов А.А. Беспилотные транспортные средства как источники повышенной опасности // Транспортное право. 2021. № 4. С. 7-10. DOI: 10.18572/1812-3937-2021-4-7-10.
25. Бажина М.А. Основные тенденции развития правового регулирования осуществления перевозок грузов в условиях цифровизации // Юрист. 2021. № 11. С. 44-50. DOI: 10.18572/1812-3929-2021-11-44-50.
26. Березина Е.А. Правовые технологии нормативного регулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией автономных (беспилотных) транспортных средств // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6 (145). С. 104-109. DOI: 10.46320/2073-4506-2020-6-145-104-109.
27. Благодир А.Л., Воронин В.Н. Перспективные направления использования беспилотных автотранспортных средств в России и за рубежом // Законодательство. 2021. № 9. С. 80-86.
28. Вайпан В.А. Создание новой правовой среды для цифрового развития транспорта // Право и экономика. 2021. № 9 (403). С. 5-12.
29. Голоманчук Э.В., Золочевский Н.Д. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2019. № 1 (18). С. 65-67.
30. Дремлюга Р.И., Крипакова А.В., Яковенко А.А. Регулирование тестирования и использования беспилотного автотранспорта: опыт США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3 (82). С. 68-85. DOI: 10.12737/jflcl.2020.020.
31. Ефремова М.А., Лопатина Т.М. Робототехника в уголовном законодательстве Российской Федерации // Российский следователь. 2021. № 11. С. 55-58. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-11-55-58.
32. Иванова Л.В., Калашников Н.А. Пределы уголовной ответственности при причинении вреда беспилотным автомобилем // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 94-98.
33. Ли Ч., Менг С. Внедоговорная ответственность за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами // Закон. 2020. № 3. С. 49-56.
34. Маслакова Е.А., Приходько Н.Ю. Уголовно-правовая регламентация неправомерного использования беспилотных летательных аппаратов (беспилотных воздушных судов) как потенциальной угрозы транспортной безопасности в национальном и зарубежном законодательстве // Российский следователь. 2020. № 6. С. 67-71. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-6-67-71.
35. Пешкова А.Е. Субъекты гражданско-правовой ответственности, возникающей вследствие причинения вреда беспилотным транспортным средством // Новый юридический вестник. 2019. № 5 (12). С. 21-24.
36. Полякова Т.А., Химченко А.И. Формирование системы беспилотного транспорта: проблемы реализации государственной политики обеспечения информационной безопасности и правового регулирования // Транспортное право и безопасность. 2020. № 2 (34). С. 118-126.
37. Ситник В.Н. Некоторые проблемы, связанные с определением субъекта дорожно-транспортных преступлений в условиях цифровизации общества // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 573-587.
38. Степанян А.Ж. Проблемы регулирования беспилотных транспортных средств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4 (56). С. 169-174. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.169-174.
39. Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М. Проблемы идентификации высокоавтоматизированного транспорта как элемента транспортной системы России // Северный регион: наука, образование, культура. 2021. № 1 (47). С. 35-38. DOI: 10.34822/2312-377X-2021-1-35-38.

HIGHLY AUTOMATED VEHICLES: CRIMINAL RISKS AND LEGAL CONSEQUENCES

Begishev, Ildar Rustamovich

Doctor of law

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, chief researcher,

professor of the Department of criminal law and procedure

Kazan, Russian Federation

begishev@mail.ru

Abstract

In this paper, the existing state of the processes of using vehicles equipped with an automated driving system is considered. The analysis of the available definitions of such means is given, and a conclusion is formulated about the possibility of naming them a robotic vehicle. After that, the risks and threats arising in the process of their use are analyzed. The conclusion is formulated that the responsibility of the driver of a vehicle equipped with an automated control system and capable of functioning in the deactivated state of such a system is identical to the responsibility of the driver of a vehicle not equipped with an appropriate system. Vehicles in which such a system cannot be disabled pose significant risks and may be legally prohibited.

Keywords

automated driving system; automated control mode; autonomous vehicle; unmanned vehicle; highly automated vehicle; artificial intelligence; computer information; liability; legal regulation; crime; harm; robot; robotics; subject of crime; digital economy; digital technologies

References

1. Беспилотники на дорогах России (уголовно-правовые проблемы) : монография / под ред. А.И. Чухачева. М.: Проспект, 2021. 520 с.
2. Korobeev A.I., Chuchaev A.I. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex russica (Russkij zakon). 2019. № 2(147). С. 9-28. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.009-028.
3. Fokin M.S., Ryazanov N.S. Aktual'nye problemy ugovolno-pravovoj reglamentacii protivopravnogo ispol'zovaniya bespilotnyh mobil'nyh sredstv // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. № 1. С. 103-110. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.86.1.103-110
4. Avtonomnaya robototekhnicheskaya sistema s intellektual'noj diagnostikoj tekhnicheskogo sostoyaniya dlya uslovij Arktiki i Krajnego Severa / YU.G. Kabaldin i dr.; pod red. YU.G. Kabaldina. M.: Innovacionnoe mashinostroenie, 2018. 144 s.
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 noyabrya 2018 g. № 1415 «O provedenii eksperimenta po opytnoj ekspluatacii na avtomobil'nyh dorogah obshchego pol'zovaniya vysokoavtomatizirovannyh transportnyh sredstv // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 3 dekabrya 2018 g. № 49 (chast' VI). St. 7619.
6. Roboty, avtonomnye robototekhnicheskie sistemy, iskusstvennyj intellekt i voprosy transformacii rynka transportno-logisticheskikh uslug v usloviyah cifrovizacii ekonomiki / I.A. Sokolov, A.S. Misharin, V.P. Kupriyanovskij [i dr.] // International Journal of Open Information Technologies. 2018. T. 6, № 4. С. 92-108.
7. Gardina D. Social Robot: the Problem of Definition and Classification // Artificial Societies. 2018. Vol. 13, No. 1-2. Pp. 15-30. DOI: 10.18254/S0000115-5-1
8. Wehner M., Truby R.L., Fitzgerald D.J., Mosadegh B., Whitesides G.M., Lewis J.A., Wood R.J. An integrated design and fabrication strategy for entirely soft, autonomous robots // Nature. 2016. Vol. 536, No. 7671. Pp. 451-455. DOI: 10.1038/nature19100
9. Chuchaev A.I. Robomobili i bezopasnost' lichnosti: ugovolno-pravovye problemy // Kriminalist". 2019. № 1 (26). С. 94-98.
10. Begishev I.R. Cifrovaya terminologiya: podhody k opredeleniyu ponyatiya «robot» i «robototekhnika» // Informacionnoe obshchestvo. 2021. № 2. С. 53-66. DOI: 10.52605/16059921_2021_02_53

11. Begishev I.R. Kriminologicheskaya klassifikaciya robotov: risk-orientirovannyj podhod // Pravoprimerenie. 2021. T. 5, № 1. S. 185-201. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).185-201
12. Begishev I.R. Sushchnost' robototekhniki: tekhnologo-pravovye aspekty // Informacionnoe obshchestvo. 2021. № 6. S. 72-83. DOI: 10.52605/16059921_2021_06_72
13. Begishev I.R. Predely ugolovno-pravovogo regulirovaniya robototekhniki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2021. T. 12, № 3. S. 522-543. DOI: 10.21638/spbu14.2021.303
14. Konvenciya o dorozhnom dvizhenii (Vena, 8 noyabrya 1968 g.). Ot imeni SSSR Konvenciya podpisana 8 noyabrya 1968 g. i ratificirovana Ukazom Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 29 aprelya 1974 g. № 5938-VIII s ogovorkami i zayavleniyami. Ratifikacionnaya gramota SSSR sdana na hranenie General'nomu sekretaryu Organizacii Ob"edinennyh Nacij 7 iyunya 1974 g. Konvenciya vstupila v silu 21 maya 1977 g. // Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami, M., 1979 g., vyp. XXXIII, s. 385.
15. CHuchaev A.I., Malikov S.V. Otvetstvennost' za prichinenie ushcherba vysokoavtomatizirovannym transportnym sredstvom: sostoyanie i perspektivy // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 6 (103). S. 117-124. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.117-124.
16. Begishev I.R. Otvetstvennost' za vred, prichinennyj bespilotnymi transportnymi sredstvami: kompleksno-yuridicheskie aspekty // Transportnoe pravo i bezopasnost'. 2021. № 2 (38). S. 68-74.
17. Gracheva YU.V., Korobeev A.I., Malikov S.V., CHuchaev A.I. Vysokoavtomatizirovannyye transportnye sredstva: ugrozy informacionnoj sisteme bezopasnosti i pravovaya otvetstvennost' // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2020. № 12. S. 3-9. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-12-3-9.
18. Korobeev A.I., CHuchaev A.I. Bespilotnye transportnye sredstva, osnashchyonnye sistemami iskusstvennogo intellekta: problemy pravovogo regulirovaniya // Aziatsko-tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. 2018. T. 20. № 3. S. 117-132. DOI: 10.24866/1813-3274/2018-3/117-132.
19. Korobeev A.I. Bespilotnye transportnye sredstva na putyakh, dorogah Rossii: problemy ugolovnoj otvetstvennosti // Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta. 2021. № 2. S. 15-18.
20. Korobeev A.I., CHuchaev A.I. Narushenie bezopasnosti robomobilej kak samostoyatel'noe obshchestvenno opasnoe deyanie // Ugolovnoe pravo. 2019. № 3. S. 37-48.
21. Kochoi S.M. Ugolovno-pravovye riski ispol'zovaniya bespilotnyh transportnyh sredstv // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 7(128). S. 125-135. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.128.7.125-135.
22. Medvedev E.V. Bespilotnye (avtonomnye) transportnye sredstva v ugolovno-pravovom izmerenii // Transportnoe pravo. 2021. № 4. S. 11-14. DOI: 10.18572/1812-3937-2021-4-11-14.
23. Postanovlenie Soveta Ministrov – Pravitel'stva RF ot 23 oktyabrya 1993 g. № 1090 «O pravilah dorozhnogo dvizheniya» (v red. Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 31 dekabrya 2020 g. № 2441 «O vnesenii izmenenij v prilozhenie 1 k Pravilam dorozhnogo dvizheniya Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu otdel'nyh polozhenij nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii») (s izm. i dop., vstup. v silu s 1 marta 2021 g.) // Sobranii aktov Prezidenta i Pravitel'stva Rossijskoj Federacii. 1993. № 47. St. 4531. (Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 yanvarya 2021 g. № 2 (chast' II). St. 465).
24. Antonov A.A. Bespilotnye transportnye sredstva kak istochniki povyshennoj opasnosti // Transportnoe pravo. 2021. № 4. S. 7-10. DOI: 10.18572/1812-3937-2021-4-7-10.
25. Bazhina M.A. Osnovnye tendencii razvitiya pravovogo regulirovaniya osushchestvleniya perevozok gruzov v usloviyah cifrovizacii // YUrist. 2021. № 11. S. 44-50. DOI: 10.18572/1812-3929-2021-11-44-50.
26. Berezina E.A. Pravovye tekhnologii normativnogo regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij, svyazannyh s ekspluataciej avtonomnyh (bespilotnyh) transportnyh sredstv // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 6 (145). S. 104-109. DOI: 10.46320/2073-4506-2020-6-145-104-109.
27. Blagodir A.L., Voronin V.N. Perspektivnye napravleniya ispol'zovaniya bespilotnyh avtotransportnyh sredstv v Rossii i za rubezhom // Zakonodatel'stvo. 2021. № 9. S. 80-86.
28. Vajpan V.A. Sozdanie novej pravovoj sredy dlya cifrovogo razvitiya transporta // Pravo i ekonomika. 2021. № 9 (403). S. 5-12.
29. Golomanchuk E.V., Zolochevskij N.D. Bespilotnye transportnye sredstva: novye vyzovy obshchestvennoj bezopasnosti // Forum. Seriya: Gumanitarnye i ekonomicheskie nauki. 2019. № 1 (18). S. 65-67.

30. Dremlyuga R.I., Kripakova A.V., YAkovenko A.A. Regulirovanie testirovaniya i ispol'zovaniya bespilotnogo avtotransporta: opyt SSHA // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2020. № 3 (82). S. 68-85. DOI: 10.12737/jflcl.2020.020.
31. Efremova M.A., Lopatina T.M. Robototekhnika v ugovnom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Rossijskij sledovatel'. 2021. № 11. S. 55-58. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-11-55-58.
32. Ivanova L.V., Kalashnikov N.A. Predely ugovnoj otvetstvennosti pri prichinenii vreda bespilotnym avtomobilem // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2021. № 6. S. 94-98.
33. Li CH., Meng S. Vnedogovornaya otvetstvennost' za vred, prichinennyj bespilotnymi transportnymi sredstvami // Zakon. 2020. № 3. S. 49-56.
34. Maslakova E.A., Prihod'ko N.YU. Ugolovno-pravovaya reglamentaciya nepravomernogo ispol'zovaniya bespilotnyh letatel'nyh apparatov (bespilotnyh vozdušnyh sudov) kak potencial'noj ugrozy transportnoj bezopasnosti v nacional'nom i zarubezhnom zakonodatel'stve // Rossijskij sledovatel'. 2020. № 6. S. 67-71. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-6-67-71.
35. Peshkova A.E. Sub"ekty grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti, vznikayushchej vsledstvie prichineniya vreda bespilotnym transportnym sredstvom // Novyj juridicheskij vestnik. 2019. № 5 (12). S. 21-24.
36. Polyakova T.A., Himchenko A.I. Formirovanie sistemy bespilotnogo transporta: problemy realizacii gosudarstvennoj politiki obespecheniya informacionnoj bezopasnosti i pravovogo regulirovaniya // Transportnoe pravo i bezopasnost'. 2020. № 2 (34). S. 118-126.
37. Sitnik V.N. Nekotorye problemy, svyazannye s opredeleniem sub"ekta dorozhno-transportnyh prestuplenij v usloviyah cifrovizacii obshchestva // Voprosy rossijskoj yusticii. 2021. № 15. S. 573-587.
38. Stepanyan A.ZH. Problemy regulirovaniya bespilotnyh transportnyh sredstv // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2019. № 4 (56). S. 169-174. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.169-174.
39. Usol'ceva N.A., Usol'cev YU.M. Problemy identifikacii vysokoavtomatizirovannogo transporta kak elementa transportnoj sistemy Rossii // Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura. 2021. № 1 (47). S. 35-38. DOI: 10.34822/2312-377X-2021-1-35-38.

Информационное общество и право

СМАРТ-КОНТРАКТЫ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В КОМПЛАЕНС-СИСТЕМАХ

Статья рекомендована к публикации главным редактором Т.В. Ершовой 01.04.2022.

Манохин Виталий Сергеевич

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Юридический институт, кафедра «Финансовое право и таможенная деятельность», ассистент

Межреспубликанская коллегия адвокатов, Адвокатская консультация № 91, адвокат

Владимир, Москва, Российская Федерация

vitalijmanohin@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена анализу правовой природы смарт-контрактов и их наиболее эффективному применению в правоотношениях. Существующее законодательное отражение этого явления не в полной мере отвечает его функционалу, что ограничивает сферы применения и судебной защиты. В результате исследования позиций различных авторов, можно отметить о фрагментарном законодательном закреплении и необходимости развития опыта интеграции в комплаенс-системы.

Ключевые слова

смарт-контракт; блокчейн; комплаенс; цифровые права; токены

Введение

Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» были внесены изменения в Гражданский кодекс РФ (далее ГК РФ), связанные с развитием цифровой экономики. Одна из ключевых новелл вводит в российское законодательство такую технологию как «смарт-контракт». Теперь часть вторая статьи 309 ГК РФ¹ поясняет, каким образом применяется данная технология: стороны могут включить в сделку условие об автоматическом исполнении обязательства с помощью информационных технологий. Хотя новелла и устранила существенный пробел в правовом регулировании, однако она не до конца разъяснила правовую природу «умных» контрактов. В рамках данного исследования будут рассмотрены возможные дальнейшие перспективы развития правового регулирования «смарт-контрактов».

Основой большинства цифровых технологий в настоящее время является «блокчейн», или система распределенных реестров. Она создавалась с целью децентрализации многих общественных и экономических процессов, увеличения безопасности передаваемой информации и ускорению ее обмена. Основной структурной единицей данной системы выступает «токен». Он может применяться для удостоверения имущественных прав, подтверждения существования обязательства и т.д. Криптовалюта в блокчейне выступает в качестве платежного токена, то есть аналогом денег в современном мире.

Цель данной работы – исследовать особенности правового регулирования смарт-контрактов и определить перспективы применения в комплаенс-системах.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994. г. № 238-239. с изм. и допол. в ред. от 08.12.2020

© Манохин В.С., 2022.

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2022_04_55

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить особенности технического устройства смарт-контрактов;
- проанализировать основные подходы к правовой природе смарт-контрактов;
- определить основные направления законодательного развития смарт-контрактов;
- рассмотреть возможности применения смарт-контрактов в комплаенс-системах.

Методологию исследования составляют формально-юридический (при анализе существующих подходов к определению исследуемого явления), и логический (при рассмотрении внутренних закономерностей явления с целью прогнозирования его дальнейшего развития, а также методов).

Технические особенности смарт-контрактов

Технология «смарт-контракт» строится по следующему принципу: стороны заранее договариваются об условиях сделки, затем третье лицо (оператор системы) создает контракт в блокчейне, и стороны подтверждают лишь свое намерение, затем платежный токен перечисляется в счет предоставленного товара (или услуги) в автоматическом режиме. Исходя из этого можно выделить основные признаки смарт-контрактов: существование в блокчейне в качестве программного кода, автоматическое исполнение, невозможность изменения условий, подтверждение путем передачи платежного токена.

Как можно заметить, «умный» контракт не сводится лишь к автоматическому исполнению обязательств. Это более сложное правовое явление, которое непросто охарактеризовать однозначно. Законодатель пошел по пути закрепления лишь обязательственной природы смарт-контрактов и ввел соответствующие изменения, однако это не в полной мере раскрывает потенциал смарт-контрактов.

Преимущества «умных» контрактов очевидны: автоматическое исполнение обязательств, препятствующее нарушению условий сделки одной из сторон; снижение транзакционных издержек путем минимизации промежуточных звеньев, отвечающих за согласование и исполнение договора; повышенный уровень безопасности и внесение безотзывной записи в реестр. Смарт-контракты позволяют сторонам обезопасить себя от любых нарушений и совершить сделку, которая будет исполнена автоматически, без возможных пороков в процессе. Тем не менее, на практике возникают вопросы о законодательном регламентировании вопросов, связанных со смарт-контрактами.

1 Правовая природа смарт-контрактов

Стоит обратиться к концепциям авторов, изучающим данную тему.

А.А. Карцхия², Л.А. Новоселова³ рассматривали смарт-контракт как соглашение, направленное на установление, изменение и прекращение прав и обязанностей, например, оплатить стоимость оказанной услуги или переданного товара. То есть с их позиции это не дополнительное условие уже существующей сделки, а сама форма такой сделки. В.Б. Нагородская⁴ говорит о договорной природе смарт-контракта, особенностью которого является автоматическое исполнение при наступлении определенных обстоятельств. А.И. Савельев⁵ рассматривает смарт-контракт как договор в форме программного кода в блокчейне, благодаря чему обеспечивается самоисполнимость и автономность такого договора.

В.А. Якунин понимает смарт-контракт как программу, условия которой невозможно изменить. Также, по его мнению, она самостоятельно производит расчеты с контрагентами и информацию об этом вносит в блокчейн. Л.А. Новоселова определяет смарт-контракт как часть программного кода на платформе блокчейн, которая осуществляет транзакции и вносит записи в блокчейн. В данном случае в качестве основы смарт-контракта выделяется его программная природа. Его рассматривают не как полноценный договор, выраженный в электронной форме, а

² Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С.31.

³ Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 41.

⁴ Нагородская В.Б. К вопросу о совместимости свободных (открытых) лицензий и возможностей их использования в технологии Blockchain // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 11.

⁵ Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 34.

как часть системы блокчейна, которая необходима для автоматизации процесса исполнения обязательств.

Можно отметить, что приведенные точки зрения опираются на разную правовую природу смарт-контракта: обязательственную (как способ исполнения обязательств) либо договорную (как юридическую конструкцию, исполнение которой происходит автоматически). Это зависит от того, на какие именно признаки делается упор: самоисполнимость, автономность, форма выражения или среда существования. Определение правовой природы вопроса играет ключевую роль в процессе законодательного регулирования и определения перспективы развития явления.

Помимо определения смарт-контракта необходимо обозначить применяемое средство платежа. Как известно, на платформе блокчейн в качестве денежных средств используются платежные токены (криптовалюта). В недавнем времени был принят Федеральный закон «О Цифровых финансовых активах»⁶, который начал действовать с 1 января 2021 г., который регламентирует правовой статус цифровых финансовых активов (криптовалюты), а также в п. 2 ст. 4 устанавливает необходимость закрепления записей об обороте ЦФА в силу самоисполняемой сделки (смарт-контракта). Законодатель не дает полноценного определения данного явления, а также не конкретизирует сферу применения, ограничиваясь «исполнением обязательств». Тем не менее, данный закон существенно ограничивает возможность оборота ЦФА, что, соответственно, ведет к невозможности массового распространения смарт-контрактов.

Таким образом, можно сделать вывод о преобладающей договорной природе смарт-контрактов. Ограничение данного явления только сферой исполнения обязательств лишь частично отражает правовую природу и области применения. Более детальное регулирование возможно только в случае закрепления смарт-контрактов в качестве разновидности договоров. Ключевыми признаками будут выступать: существование в рамках цифровых систем, применяющих в качестве средств платежа платежные токены, а также автоматическое одновременное осуществление установленных обязательств.

2 Основные направления законодательного закрепления смарт-контрактов

В целях дальнейшего развития цифровой экономики в РФ необходимо детально урегулировать правовую природу «умных» контрактов и существенно расширить сферу их применения. Предполагается разработка Федерального закона «О смарт-контрактах и внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ».

Прежде всего, стоит закрепить легальную дефиницию термина. По-нашему мнению, смарт-контракт – это особая форма сделки, существующая в рамках информационной системы (блокчейн), которая отличается самоисполнимостью и невозможностью изменения окончательных условий. То есть договор оформляется в платформе блокчейн с помощью оператора информационной системы согласно действующему законодательству. Платежным средством выступает цифровой финансовый актив (криптовалюта), либо иной токен, имеющий имущественное выражение. То есть возможно заключение договора, когда одна сторона обязуется передать другой право требования и принять другое имущественное право. Вышеуказанное определение необходимо внести в ГК РФ.

Отдельно стоит урегулировать вопрос преддоговорных отношений, так как именно на данном этапе стороны обсуждают условия договора, выбирают оператора информационной системы, поэтому, как утверждает А.А. Волос⁷, в этот момент возможно применение принципа добросовестности. Если в ходе исполнения смарт-контракта поведение сторон не имеет значения, то в процессе обсуждения условий должны реализовываться механизмы защиты от недобросовестного поведения другой стороны.

Также дискуссионным остается вопрос разновидности договоров, которые могут быть выражены в форме смарт-контракта. Так, в настоящий момент сделки с применением блокчейна осуществляются с целью получения нематериальных активов (программное обеспечение, доступ к сайтам и т. д.), однако крупные фирмы уже внедряют систему распределенного реестра и

⁶ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Российская газета. 06.08.2020 г. Ст. 173.

⁷ Волос А.А. Реализация принципа добросовестности применительно к отношениям сторон смарт-контракта // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 28.

применяют смарт-контракты для взаимодействия с контрагентами (отправление груза после получения платежного токена).

Реализация договора купли-продажи как смарт-контракта позволит предотвратить возможные проблемы передачи вещи или денежных средств. Исполнение будет происходить одновременно, а в системе блокчейн передача имущества (движимого или недвижимого) будет происходить путем предоставления невзаимозаменяемого токена (non-fungible token – NFT). Таким образом, существенно снизятся издержки по сопровождению и исполнению сделки, особенно в сфере приобретения и регистрации недвижимости.

Последний вопрос, который необходимо регламентировать – это возможные пороки такой формы сделки. В случае хакерской атаки или возникновения ошибки смарт-контракт может перевести токен не тому пользователю или не в том объеме. В данном случае многое зависит от операторов информационной сети. Большое количество хакерских атак происходили на биржи с целью незаконного получения ценных бумаг и денежных средств, выраженных в качестве токенов. Подобный случай произошел на бирже Bitfinex⁸, в результате было украдено около 70 млн долларов. В результате ошибок стороны могут обратиться в суд, однако даже вынесенное решение будет трудноосуществимо без должного контроля оператора информационной системы. Поэтому предлагается ввести претензионный порядок разрешения споров путем направления информации о случившейся ошибке или хакерской атаке непосредственно оператору, который и должен будет способствовать возвращению токенов.

3 Юридический комплаенс и смарт-контракты: возможности взаимодействия

Еще одной важной сферой применения смарт-контрактов выступает юридический комплаенс – это закрепленная в законодательстве возможность поведения субъекта, при котором он способствует уменьшению вероятности наступления негативных юридических последствий. Данное явление распространено в сфере банковского права и антикоррупционного законодательства; многие транснациональные компании интегрируют в систему управления рисками, юридический комплаенс-контроль, в особенности при регистрации в новой юрисдикции. Это позволяет поддерживать «прозрачность» бизнеса и настроить взаимодействие с государством. Комплаенс, как и смарт-контракты, работают в заранее установленных рамках: необходимо установить все существенные условия взаимодействия, которые не должны нарушаться. При этом важно проанализировать вторую сторону правоотношений, чтобы не допустить возникновения нарушений.

Как указывает М. Панарина⁹, применение данной технологии позволяет повысить надежность осуществления сделок, а также задать необходимые условия, при которых производится исполнение. Если юридическое лицо распространит такую разновидность договоров, то сможет понизить возможные санкционные издержки, которые зависят от действий контрагентов (ярким примером является неуплата НДС). То есть автоматическое исполнение будет зависеть от нескольких действий сторон (уплата денежных средств, НДС, своевременная сдача необходимой отчетности в зависимости от сферы деятельности). Это понижает возможность привлечения к ответственности вследствие неосмотрительного выбора контрагента и может служить важным элементом в общении с органами государственной власти.

Таким образом, комплаенс-контроль анализирует как ранее совершенные действия противоположной стороны, так и может ставить условие об определенном правовом поведении в будущем. Несомненно, идеальной платформой для реализации подобной системы является блокчейн и непосредственно смарт-контракты. Последние позволяют уже в механизм договора заложить условия проверки контрагента и автоматическое исполнение под отлагательным условием. В результате обе стороны могут иметь достаточно гарантий в отношении установленных обязательств.

⁸ Хакеры украли с гонконгской биржи Bitfinex \$65 млн биткоинов // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/08/03/651608-hakeri-ukrali-u-gonkongskoj-bitfinex-65-mln-bitkoinov> (дата обращения 10.01.2022).

⁹ Панарина М. Корпоративная безопасность: система управления рисками и комплаенс в компании. Учебное пособие для вузов. М.: Литрес. 2022. С. 128.

Заключение

Таким образом, технология смарт-контрактов имеет широкую сферу применения. Ее полноценное развитие возможно только при условии обязательного законодательного закрепления в качестве отдельной разновидности договоров. Учитывая уже существующие нормативные правовые акты в сфере цифровых прав, принятие нового закона продолжит вектор общей цифровизации общества. Для полноценного развития технологии смарт-контрактов законодатель должен определить сферы применения, расширить возможности оборота токенов и криптовалют как основного средства платежа и обмена на платформе блокчейн. Отдельно необходимо регламентировать вопросы разрешения споров и конфликтов, возникших в ходе преддоговорных и постдоговорных отношений, вероятно установив повышенный стандарт доказывания недобросовестности контрагентов. Также важно дополнить законодательство о государственном надзоре, обязательным применением в комплаенс-системах смарт-контрактов, которые минимизируют риски неисполнения договора в тех случаях, когда это связано с повышенными негативными последствиями со стороны государственных органов.

Стоит отметить, отсутствие исследований, рассматривающих смарт-контракт как инструмент юридического комплаенса. Данное исследование можно рассматривать как отправную точку для дальнейших научных дискуссий о целесообразности применения данной технологии в комплаенс-системах организаций. По нашему мнению, смарт-контракты решают одну из главных проблем: устраняют риск неисполнения одной из сторон условий договора. Таким образом, риск становится минимальным, хотя и не нулевым.

Преимущества от применения «умных» контрактов очевидны, поэтому для развития цифровой экономики необходимо детально проработать вопрос терминологии, возможности применения при формировании комплаенс-систем и дополнить законодательство профильными актами.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994. г. № 238-239. с изм. и допол. в ред. от 08.12.2020.
2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Российская газета. 06.08.2020 г. Ст. 173.
3. Волос А.А. Реализация принципа добросовестности применительно к отношениям сторон смарт-контракта // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 26-31.
4. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 340 с.
5. Нагородская В.Б. К вопросу о совместимости свободных (открытых) лицензий и возможностей их использования в технологии Blockchain // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 11.
6. Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 2. С. 29-44.
7. Панарина М. Корпоративная безопасность: система управления рисками и комплаенс в компании. Учебное пособие для вузов. М.: Литрес. 2022. 159 с.
8. Хакеры украли с гонконгской биржи Bitfinex \$65 млн биткоинов // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/08/03/651608-hakeri-ukrali-ugonkongskoj-bitfinex-65-mln-bitkoinov> (дата обращения 10.01.2022).
9. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32-60.
10. Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2.
11. Якунин В.А. Смарт-контракт. Смарт-бухгалтерия? // Факторы успеха. Экономические науки. 2018. № 1.

SMART CONTRACTS: FEATURES OF LEGAL REGULATION AND PROSPECTS OF APPLICATION IN COMPLIANCE SYSTEMS

Manokhin, Vitaly Sergeevich

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Institute of Law, Department of financial law and customs activities, assistant

Inter-Republican Bar Association, Lawyer's office No. 91, lawyer

Vladimir, Moscow, Russian Federation

vitalijmanohin@yandex.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of the legal nature of smart contracts and their most effective application in legal relations. The existing legislative reflection of this phenomenon does not fully meet its functionality, which limits the scope of application and judicial protection. As a result of the study of the positions of various authors, it can be noted that there is a fragmentary legislative consolidation and the need to develop experience in integration into compliance systems.

Keywords

smart contract; blockchain; compliance; digital rights; tokens

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ // Rossiyskaya gazeta. 08.12.1994. g. № 238-239. s izm. i dopol. v red. ot 08.12.2020.
2. O tsifrovyykh finansovykh aktivakh, tsifrovoy valyute i o vnesenii izmeneniy v opredelennyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ // Rossiyskaya gazeta. 06.08.2020 g. St. 173.
3. Volos A.A. Realizatsiya proverki dobrosovestnosti primenitel'no k otnosheniyam storon smart-kontrakta // Pravo i tsifrovaya ekonomika. 2020. № 2. S. 26-31.
4. Kartskhiya A.A. Grazhdansko-pravovaya model' regulirovaniya tsifrovyykh tekhnologiy: Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2019. 340 s.
5. Nagrodskaya V.B. K voprosu ob ispol'zovanii (otkrytykh) litsenziy i vozmozhnostyakh ikh ispol'zovaniya v tekhnologiyakh Blockchain // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoye pravo i smezhnyye prava. 2017. № 11.
6. Novoselova L. "Tokenizatsiya" ob"yektov nakhodyashchikhsya prav // Khozyaystvo i pravo. 2017. № 12. S. 29-44.
7. Panarina M. Korporativnaya bezopasnost': sistema upravleniya riskami i komplayens v kompanii. Uchebnoye posobiye dlya vuzov. M.: Litres. 2022. 159 s.
8. Khakery ukrali s gonkongskoy birzhi Bitfinex \$65 mln nablyudeniya // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/08/03/651608-hakeri-ukrali-u-gonkongskoi-bitfinex-65-mln-bitkoinov> (data obrashcheniya 10.01.2022).
9. Savel'yev A.I. Dogovornoye pravo 2.0: "umnyye" kontrakty kak nachalo kontsa klassicheskogo dogovornogo prava // Vestnik mestnykh prav. 2016. № 3. S. 32-60.
10. Fedorov D.V. Tokeny, kriptovalyuty i smart-kontrakty v otechestvennom obzore s pozitsiy inostrannogo opyta // Vestnik lokal'nykh prav. 2018. № 2.
11. Yakunin V.A. Smart-kontrakt. Smart-bukhgalteriya? // Faktory uspekha. Ekonomicheskiye nauki. 2018. № 1.

Информационное общество и право

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ В ПРОАКТИВНОМ РЕЖИМЕ (ПРАВОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ)

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета Ю.Е. Хохловым 21.03.2022.

Талапина Эльвира Владимировна

*Доктор юридических наук
РАНХиГС при Президенте РФ, Институт прикладных экономических исследований, Центр технологий государственного управления, ведущий научный сотрудник
Москва, Российская Федерация
talapina-ev@ranepa.ru*

Двинских Дарья Юрьевна

*Кандидат экономических наук
РАНХиГС при Президенте РФ, Институт прикладных экономических исследований, Центр технологий государственного управления, научный сотрудник
Москва, Российская Федерация
dardlife@gmail.com*

Черешнева Ирина Анатольевна

*РАНХиГС при Президенте РФ, Институт прикладных экономических исследований, Центр технологий государственного управления, научный сотрудник
Москва, Российская Федерация
chereshneva-ia@ranepa.ru*

Аннотация

На данном этапе проактивный подход можно определить как точечное внедрение беззаявительного предоставления государственных услуг в рамках сложившихся процедур, не требующее значительной реорганизации правового и процессуального поля, с целью снижения транзакционных издержек работы с обращениями (заявлениями) граждан. При этом необходимо выделить проблему недостаточного нормативного обеспечения реализации принципа проактивности при оказании государственных и муниципальных услуг. Согласно действующему законодательству, заявительная форма оказания услуг реализуется по умолчанию и закреплена как нормативный принцип. Кроме того, в нормативном решении нуждается коллизия реализации принципа проактивности и принципа неприкосновенности частной жизни.

Ключевые слова

проактивность; государственные услуги; частная жизнь, данные

Введение

Цифровая трансформация набирает обороты, а в последнее время возрастает роль проактивных технологий, что во многом связано с расширением практики их применения в период распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), а также развитием цифровых возможностей госуправления. Ключевым направлением цифровизации в государственной сфере является оказание государственных услуг. Так, в рамках реализации направления «Цифровое государственное управление» предполагается, что к 2024 году государственные (муниципальные) услуги будут предоставляться проактивно и онлайн [1]. Но правовое регулирование очевидно не

© Талапина Э.В., Двинских Д.Ю., Черешнева И.А., 2022.

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>
https://doi.org/10.52605/16059921_2022_04_61

успевает за цифровым развитием, что повышает актуальность и необходимость исследований в данной сфере.

1 Понятие и виды проактивных государственных услуг: подход законодателя

Впервые на официальном уровне оказание государственных услуг в проактивной форме было упомянуто в поручении Президента РФ Правительству РФ от 28.07.2016 г. № Пр-1455 [2], которое предусматривало изменение принципов предоставления услуг в электронной форме, в том числе:

- организацию посредством единого портала предварительного информирования заявителя (без обращения заявителя) о полагающихся ему услугах на основании сведений в государственных информационных ресурсах;

- предоставление на основании единого заявления в электронной форме набора услуг при наступлении определенного события, дающего право на получение таких услуг (рождение ребенка, регистрация брака и других).

В 2020 г. Федеральным законом от 30.12.2020 года № 509-ФЗ в Федеральный закон от 27.07.2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» была введена статья 7.3, предусматривающая организацию предоставления государственных и муниципальных услуг в упреждающем (проактивном) режиме. При наступлении определенных, описанных в административном регламенте, событий в жизни гражданина либо функционировании юридического лица, госорган может превентивно провести весь комплекс мероприятий, направленных на подготовку результатов предоставления госуслуги, в том числе требующих межведомственного взаимодействия. После проведения всех подготовительных работ, услуга предоставляется немедленно, в случае если:

1) получатель госуслуги подает запрос о предоставлении соответствующей услуги в ответ на уведомление от госоргана о возможности ее оказания;

2) заявление о получении госуслуги подано заранее, и вступает в силу автоматически при наступлении конкретного жизненного обстоятельства и/или наличии основания для ее предоставления.

Проактивность как принцип оказания государственных услуг подразумевает возможность инициирования процедуры предоставления государственной услуги органом исполнительной власти самостоятельно, т.е. до подачи заявителем заявления о предоставлении государственной услуги на основе имеющихся в его распоряжении сведений и информации (например, об окончании срока действия документа), или в беззаявительном порядке [3].

Таким образом, буквальное толкование статьи 7.3 позволяет выделить два вида проактивных государственных услуг:

- услуги, подготовка результатов оказания которых осуществляется без соответствующего запроса гражданина (заявителя);

- услуги, подготовка результатов оказания которых осуществляется при наличии запроса заявителя (гражданина).

Кроме того, перспективным направлением типологизации представляется уже отмеченная в научной литературе систематизация государственных услуг в зависимости от готовности потребителей к восприятию и потреблению соответствующих услуг [4].

2 Российский опыт предоставления услуг в проактивном режиме

К примерам реализации проактивного режима предоставления государственных услуг можно отнести предоставление налоговых льгот и налоговых вычетов: по налогу на имущество физических лиц и земельному налогу беззаявительный порядок предусмотрен для отдельных категорий граждан (пенсионеры, инвалиды, лица, имеющие трех и более несовершеннолетних детей - ст. 391, 407 Налогового кодекса РФ) [5].

Часть 13.1 ст. 21 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» устанавливает возможность доставки страховых пенсий по инвалидности на счет, информация о реквизитах которого размещена в Единой государственной информационной системе социального обеспечения на основании поданного гражданином через Единый портал государственных и муниципальных услуг согласия на использование указанных им реквизитов

счета в целях получения страховой пенсии. Новое правило введено в связи с проактивным назначением пенсии по инвалидности и действует с 01 января 2022 года [6].

Кроме того, проактивный режим предоставления действует в отношении государственной услуги по выдаче государственного сертификата на материнский капитал: решение о выдаче государственного сертификата на материнский капитал может быть принято в беззаявительном порядке на основании сведений, поступивших из федеральной государственной информационной системы «Единый государственный реестр записи актов гражданского состояния» [7].

Приказ Росалкогольрегулирования от 08 ноября 2021 № 394 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по регулированию алкогольного рынка государственной услуги по приему уведомлений о начале оборота на территории РФ алкогольной продукции» [8] закрепляет возможность предоставления проактивных государственных услуг. Так, в случае регистрации заявителя в ЕГАИС такому заявителю в автоматическом режиме в личный кабинет ЕГАИС направляется информационное сообщение о необходимости не позднее чем за 4 рабочих дня до представления заявки о фиксации информации об объеме производства или об объеме ввоза в РФ алкогольной продукции определенного наименования в ЕГАИС представить в Росалкогольрегулирование уведомление о начале оборота.

Законодательные изменения от 1 апреля 2020 г. № 104-ФЗ [9] сформировали прецедент реализации нового подхода к предоставлению госуслуг, затронувший осуществление социальных выплат в беззаявительной форме [10]. Ежемесячные выплаты начислялись по временной нетрудоспособности, в связи с рождением или усыновлением первого или второго ребенка, субсидированием оплаты жилья и коммунальных услуг, а также детских пособий. Аналогичным образом, на основании Постановления Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 415, беззаявительным порядком начислялись адресные денежные выплаты для медработников.

Таким образом, в практике предоставления услуг стали очерчиваться кейсы внедрения проактивного подхода, когда результаты оказания услуги становятся не столько хорошо доступными гражданину, сколько обременительными для него. Примером такой коллизии служит беззаявительная процедура назначения государственной социальной помощи в натуральной форме, уменьшающей размер социальной помощи в виде ежемесячной денежной выплаты, распространяющаяся на определенные категории граждан (инвалиды, ветераны) на основании монетизации льгот [11]. Социальная помощь в натуральной форме (например, санаторно-курортное лечение) назначается беззаявительно, и если гражданин в ней не нуждается, а хочет сохранить неизменной ежемесячную денежную выплату, ему требуется:

- 1) быть информированным о такой возможности, что уже создает некоторые сложности для получателя услуги (например, для граждан с инвалидностью поиск информации о структуре выплат может быть обременительным);
- 2) направить заявление на отказ от социальной помощи в натуральной форме.

Появление таких okazji становится естественной частью процесса перехода к проактивному режиму предоставления услуг. На данном этапе проактивный подход можно определить как точечное внедрение беззаявительного предоставления услуг в рамках сложившихся процедур, не требующее значительной реорганизации правового и процессуального поля, с целью снижения транзакционных издержек работы с обращениями (заявлениями) граждан.

3 Проблема нормативного обеспечения оказания проактивных государственных услуг

В научных исследованиях выделяют проблему недостаточного нормативного обеспечения реализации принципа проактивности при оказании государственных и муниципальных услуг. По большому счету, ст. 7.3 диссонирует с остальным текстом ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», согласно которому основным принципом является заявительный порядок оказания услуги. Заявительный порядок оказания госуслуги предполагает следующее:

- 1) Заявитель осведомлен о возможности и о процедуре получения госуслуги (примером неосведомленности, блокирующей возможность получения госуслуги уже на этапе заявления,

может служить услуга предоставления единовременной финансовой поддержки в размере 250 000 рублей на открытие бизнеса при регистрации ИП безработным гражданином. Очевидно, что получение такой поддержки становится возможным, только если гражданину известно о данной госуслуге, при этом информация о ней не предоставляется ни при подаче заявления на регистрацию ИП, ни при регистрации в центре занятости);

2) Заявитель способен самостоятельно определить потребность в получении госуслуги;

3) Заявителю предоставлен канал взаимодействия с госорганом, позволяющий направить заявление в устной, письменной или электронной форме, и исключающий дискриминацию по любым признакам (примером такой дискриминации может служить то, что в ряде территорий с неразвитой инфраструктурой осложнена техническая возможность обращения граждан в госорган как в очной, так и в электронной форме);

4) Заявление обрабатывается достаточно оперативно, возможные задержки не влияют на воспринимаемую ценность услуги (примером снижения ценности услуги для заявителя является подача заявления в устной форме для вызова скорой помощи другому лицу: для оформления вызова требуются персональные данные заявителя, предоставление которых предполагает временные затраты, которые могут быть критическими для гражданина, нуждающегося в медицинской поддержке).

Заявительная форма оказания услуг реализуется по умолчанию и, как упоминалось, входит в число принципов, на основании которых оказываются госуслуги в России, что обосновано рядом причин:

1. Государственному органу требуется сигнал о том, что конкретное лицо нуждается в предоставлении услуги. Получение такого сигнала логично от самого лица, способного оценить наличие потребности.

2. Предоставление госуслуги в большинстве случаев требует получения госорганом сопроводительного пакета документов, в частности, подтверждающих личность заявителя, и наличия основания его притязаний на оказание услуги. Сбор документов делегируется заявителю, так как в ином случае возникают риски нарушения прав граждан путем межведомственного сбора персональных данных и профилирования.

При этом необходимо отметить ряд факторов, способных «дискредитировать» заявительный порядок:

1. Расширение спектра госуслуг осложняет для гражданина возможность определения услуг, доступных и необходимых именно ему.

2. В определенных жизненных ситуациях задача выявления всех доступных услуг становится слишком сложной для гражданина.

3. Процедурный аспект подачи заявления и оформления сопутствующих документов может быть необоснованно избыточен и обременителен для получателя госуслуги (в частности, такая проблема актуальна для инвалидов и пенсионеров, заявляющих потребность в получении услуг перерасчета пенсии либо получении социальных надбавок).

4. В восприятии граждан, привыкших к корпоративному цифровому подходу в оказании услуг и сопровождению клиента на всех этапах взаимодействия, подразумевающему минимальные трудозатраты, государство становится неудобным, бюрократизированным контрагентом.

При таких условиях проактивный режим может оказаться средством обновления системы оказания госуслуг с учетом наработок частного сектора. Но это невозможно без нормативной поддержки. Причем наряду с общим законодательным регулированием потребуется его конкретизация и детализация на уровне соответствующих административных регламентов. В настоящее же время только 0,06% административных регламентов оказания государственных и муниципальных услуг на региональном и муниципальном уровне предусматривают проактивность [12].

Таким образом, с нормативной точки зрения заявительный порядок обращения за предоставлением государственных и муниципальных услуг относится к основополагающим принципам их предоставления, а наличие запроса заявителя, в свою очередь, к одному из нормативных признаков государственной услуги. Однако, как справедливо отмечается в литературе, установление беззаявительного порядка предоставления государственных услуг на

подзаконном уровне не только говорит об опережающем характере такого регулирования, но и свидетельствует о размывании основополагающей категории законодательства о предоставлении государственных услуг [3].

4 Проблема неприкосновенности частной жизни при оказании государственных услуг в проактивном режиме

Готовность граждан (заявителей) к получению государственных услуг в проактивном режиме тесно связана со степенью допустимости вмешательства государства в их частную жизнь и степенью их согласия на постоянную обработку их персональных данных. В определенной мере здесь можно привести аналогию с обработкой общедоступных персональных данных, когда субъект соответствующих данных фактически априори соглашается с возможностью их обработки для любых, не запрещенных законодательством целей (хотя в российском законодательстве имеются определенные ограничения данного принципа).

В нормативном ключе реализация принципа проактивности вступает в серьезную коллизию с принципом неприкосновенности частной жизни и соответствующими правами человека, гарантированными как на международно-правовом, так и на конституционном уровне. В доктрине отмечается, что проактивный режим предоставления государственных услуг, по умолчанию предполагающий «отслеживание событий частной жизни граждан без их согласия ввиду того, что иным образом невозможно проводить мероприятия по подготовке предоставления государственных услуг при наступлении тех или иных событий в жизни гражданина, нарушает ст. 23 Конституции РФ, в соответствии с которой каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» [13].

Нужно отметить, что современный этап цифрового развития уже не ставит под сомнение тот факт, что жизнь человека становится все более проницаемой, а личные границы в цифровом мире близки к исчезновению. Например, с 2022 года в соответствии с Федеральным законом от 8 июня 2020 года № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» «на базе ФНС на основе имеющихся многочисленных разрозненных баз данных будет создан единый федеральный информационный регистр (ЕФИР) населения РФ (граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства). Главным источником станут оцифрованные книги ЗАГС, с помощью информации из которых будет формироваться эталонный профиль гражданина, что и составит основу ЕФИР» [14]. В этой связи не подлежит сомнению, что проактивный режим оказания государственных услуг будет играть ключевую роль в реализации эталонного профиля гражданина.

5 Проактивный подход в оказании госуслуг: претензия на главенство

Если ранее отечественная практика оказания госуслуг определяла проактивный режим как исключение из общего правила, то последние правовые и процессуальные решения в этой сфере переводят проактивность в статус ведущего принципа.

В рамках Федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» предложена система мероприятий по цифровой трансформации государственных и муниципальных услуг в духе концепции клиентоцентричности. Здесь проактивность формулируется как новый принцип предоставления услуг, по сути замещающий заявительный подход.

Одно из ключевых понятий подпрограммы – Суперсервис – описывает комплекс услуг и взаимодействий с органами власти, в привязке к конкретной жизненной ситуации. В новой парадигме наступление жизненного события (будь то рождение ребенка или поступление в ВУЗ) сопровождается автоматическим проактивным информированием гражданина или организации о системе полагающихся им услуг, и проактивным автоматическим предоставлением услуг, согласие на которые получено предварительно. Суть предлагаемых изменений следующая:

1. Проактивный режим внедряется массово, все оказываемые госуслуги пересматриваются на предмет предоставления в максимально удобном, не затратном для гражданина формате, в беззаявительной форме. В результате пересмотра формируются цифровые административные регламенты, исчерпывающе описывающие процессы предоставления услуги.

2. Органы власти упреждающе реализуют весь комплекс подготовительных мероприятий для оказания госуслуги, которую гражданин получает при наступлении соответствующего жизненного события.

3. Основанием для предоставления услуги является наступление жизненного события и предварительное согласие гражданина на оказание такой услуги.

4. Результаты оказания госуслуги получают юридическое закрепление не в документальной форме, а в форме реестровой записи. Формируемый для этих целей реестр становится основным инструментом дальнейшей внутриведомственной и межведомственной работы, а также основой валидации данных.

Основываясь на изложенном, проактивные госуслуги можно определить как услуги, оказываемые в беззаявительном порядке, в момент наступления определенного жизненного события, сформированные на основе валидных данных государственных реестров.

Заключение

Предполагается, что в результате введения проактивного порядка удастся ускорить оказание услуг населению, снизить транзакционные издержки межведомственного взаимодействия и в конечном счете повысить воспринимаемое качество госуправления. При этом новый подход не в полной мере является беззаявительным, так как заявление все же требуется - в форме согласия на получение услуги.

Благодарности

Статья подготовлена на основе научно-исследовательской работы, выполняемой в рамках государственного задания РАНХиГС.

Литература

1. Цифровое государственное управление. - URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения: 15.02.2022).
2. Поручение Президента РФ Правительству РФ от 28.07.2016 г. № Пр-1455. - URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/52638> (дата обращения: 15.02.2022).
3. Кабытов П.П., Стародубова О.Е. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 113 - 126.
4. Карловская Е. А. Типология и систематика государственных услуг // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2012. № 1. С. 179-188.
5. Пуляевская И.А., Якимова Е.М. Проактивный режим предоставления публичных услуг: на пути к отмене заявительного порядка предоставления публичных услуг // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 58 - 61.
6. Миронова Т.К., Арзуманова Л.Л., Пешкова (Белогорцева) Х.В., Рождественская Т.Э., Бондарева Э.С., Гусев А.Ю., Люминарская С.В., Менкенов А.В., Ротко С.В., Сапожникова Н.И., Чернущ Н.Ю., Елаев А.А., Загорских С.А., Котухов С.А., Соколов Р.А. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2021.
7. Постановление Правления ПФР от 31 мая 2019 г. № 312п «Об утверждении Административного регламента предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации и его территориальными органами государственной услуги по выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Приказ Росалкогольрегулирования от 08 ноября 2021 № 394 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по регулированию алкогольного рынка государственной услуги по приему уведомлений о начале оборота на территории Российской Федерации алкогольной продукции» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 104-ФЗ «Об особенностях исчисления пособий по временной нетрудоспособности и осуществления ежемесячных выплат в связи с рождением (усыновлением) первого или второго ребенка» // СЗ РФ. 2020. № 14. Ст. 2034.
10. Андроняк И.А. Беззаявительная форма предоставления государственных и муниципальных услуг: опыт пандемии. - URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/12180> (дата обращения: 17.02.2022).
11. Ануфриева А.В. Некоторые вопросы порядка предоставления ежемесячной денежной выплаты. - URL: http://case.asu.ru/files/form_312-39711.pdf (дата обращения: 17.02.2022).
12. Мазеин А.В. Административно-правовое регулирование проактивных форм управленческой деятельности органов государственной власти: текущее состояние и перспективы // Юридические исследования. 2021. № 9. С. 63-75.
13. Швабауэр А.В. Кардинальное изменение правил оказания госуслуг и конституционные права граждан // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 10. С. 3 - 7.
14. Напсо М.Д., Напсо М.Б. Тренды цифровой трансформации общества: актуальные проблемы реализации прав индивида в сфере информации // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 85 - 97.

THE PROACTIVE PUBLIC SERVICES (LEGAL PERSPECTIVES)

Talapina, Elvira Vladimirovna

Doctor of Law

RANEPa, AERI, Public management technologies center, leading researcher

Moscow, Russian Federation

talapina-ev@ranepa.ru

Dvinskikh, Daria Jurevna

Candidate of economic sciences

RANEPa, AERI, Public management technologies center, researcher

Moscow, Russian Federation

dardlife@gmail.com

Chereshneva, Irina Anatolevna

RANEPa, AERI, Public management technologies center, researcher

Moscow, Russian Federation

chereshneva-ia@ranepa.ru

Abstract

As it stands the proactive approach can be defined as a selective implementation of the non-declarative delivery of public services within current procedures, which is not required a significant reorganization of the legal and procedural field in order to reduce the transaction costs of work with citizen appeals (applications). At the same time, it is necessary to highlight a problem of insufficient regulatory provision for the implementation of the principle of proactivity in the public and municipal services delivery. According to the current legislation, the declarative form of the services delivery is implemented by default and is recognized as a normative principle. In addition, the collision between the implementation of the principle of proactivity and privacy needs a regulatory solution.

Keywords

proactivity; public services; private life; data

References

1. Cifrovoe gosudarstvennoe upravlenie. - URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (accessed on: 15.02.2022).
2. Poruchenie Prezidenta RF Pravitel'stvu RF ot 28.07.2016 g. № Pr-1455. – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/52638> (accessed on: 15.02.2022).
3. Kabytov P.P., Starodubova O.E. Vlijanie cifrovizacii na realizaciju polnomochij organov ispolnitel'noj vlasti // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 11. S. 113 - 126.
4. Karlovskaja E. A. Tipologija i sistematika gosudarstvennyh uslug // Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 1. S. 179-188.
5. Puljaevskaja I.A., Jakimova E.M. Proaktivnyj rezhim predostavlenija publicnyh uslug: na puti k otmene zajavitel'nogo porjadka predostavlenija publicnyh uslug // Administrativnoe pravo i process. 2021. № 4. S. 58 - 61.
6. Mironova T.K., Arzumanova L.L., Peshkova (Belogorceva) H.V., Rozhdestvenskaja T.Je., Bondareva Je.S., Gusev A.Ju., Ljuminarskaja S.V., Menkenov A.V., Rotko S.V., Sapozhnikova N.I., Chernus' N.Ju., Elaev A.A., Zagorskih S.A., Kotuhov S.A., Sokolov R.A. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 28 dekabrja 2013 goda № 400-FZ «O strahovyh pensijah» (postatejnyj) // SPS Konsul'tantPljus. 2021.
7. Postanovlenie Pravlenija PFR ot 31 maja 2019 g. № 312p «Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta predostavlenija Pensionnym fondom Rossijskoj Federacii i ego territorial'nymi organami gosudarstvennoj usluzi po vydache gosudarstvennogo sertifikata na materinskij (semejnyj) kapital» // Dostup iz spravocno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».

8. Приказ Росалкогол'регулирования от 08 ноября 2021 № 394 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по регулированию алкогольного рынка государственной услуги по приему уведомлений о начале оборота на территории Российской Федерации алкогольной продукции» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 104-ФЗ «Об особенностях исчисления пособий по временной нетрудоспособности и отсрочки выплаты заработной платы в связи с рождением (усыновлением) первого или второго ребенка» // SZ RF. 2020. № 14. Ст. 2034.
10. Андроняк I.A. Беззаявительная форма предоставления государственных и муниципальных услуг: опыт пандемии. - URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/12180> (accessed on: 17.02.2022).
11. Anufrieva A.V. Nekotorye voprosy porjadka predostavlenija ezhemesjachnoj denezhnoj vyplaty. - URL: http://case.asu.ru/files/form_312-39711.pdf (accessed on: 17.02.2022).
12. Mazein A.V. Administrativno-pravovoe regulirovanie proaktivnyh form upravlencheskoj dejatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti: tekushhee sostojanie i perspektivy // Juridicheskie issledovanija. 2021. № 9. С. 63-75.
13. Shvabaujer A.V. Kardinal'noe izmenenie pravil okazanija gosuslug i konstitucionnye prava grazhdan // Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2021. № 10. S. 3 - 7.
14. Napso M.D., Napso M.B. Trendy cifrovoj transformacii obshhestva: aktual'nye problemy realizacii prav individa v sfere informacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. № 10. S. 85-97.

Информационное общество и СМИ

АУТОПОЙЕЗИС МАССМЕДИЙНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО

Ивахненко Евгений Николаевич

Доктор философских наук, профессор

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра философии гуманитарных факультетов

Москва, Российская Федерация

ivahnen@rambler.ru

Аннотация

Основная идея статьи – показать некоторые последствия аутопойезиса¹ современных электронных массмедиа, используя потенциал системной теории коммуникации Н. Лумана. Автор предлагает рассмотреть массмедиа как эволюционирующий информационный объект, наделенный признаками обособившейся аутопойетической коммуникативной системы (1). Среди последствий такого, системно-коммуникативного, обособления современных массмедиа выделяются: конструирование ими представлений о «реальности» и «подлинности» событий (2); встраивание массмедийного пространственно-временного континуума в имманентный поток сознания субъекта-пользователя (3); и вместе с этим – порождение непредсказуемости будущих событий и смыслов, а также сопутствующих им социальных рисков, кризисов и угроз (4). В заключение ставится вопрос, обращенный к читателю: аутопойезис массмедиа, тиражирующий неопределенности и риски, следует воспринимать как нечто патологическое и ненормальное, или – как ценный инновационный ресурс?

Ключевые слова

аутопойезис, массмедиа, коммуникативная система, конструирование, сложность, непредсказуемость

Введение

Настоящая статья является продолжением опубликованной в 2009 г. в «Информационном обществе» статьи со схожим названием – «Аутопойезис информационных объектов» [6]. В ней была предпринята попытка проблематизации аутопойезиса [3] таких информационных объектов, как фондовые рынки, интернет-сети, социальные коммуникации, а также попытка ответить на вопрос: какую исследовательскую перспективу открывает перед нами проблематика аутопойезиса информационных объектов в целом? Было заявлено, что аутопойезис порождает непредсказуемые социальные риски и заставляет кардинально пересматривать/перестраивать исследовательские практики и стратегии взаимодействия со сложными и продолжающимися усложняться информационными объектами. В этой связи массмедиа (ММ), о которых пойдет речь, рассматривается как порождение эволюции коммуникативной техно-социальной системы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому технологически обособившиеся электронные ММ рассматриваются нами в качестве информационных объектов, наделивших себя возможностями продуцировать новые формы социальности, а вместе с ними – будущие непредсказуемые события, смыслы и сопровождающие их социальные риски.

1 ММ – обособившаяся аутопойетическая коммуникативная система

Следуя за описанием медиа коммуникации Никласом Луманом [10], мы усматриваем определенные следствия *эволюции информационных объектов*. Их суть сводится к тому, что при пересечении порога сложности происходит запуск аутопойезиса операционально замкнутых

¹ Аутопойезис (от греч. *αυτός* – сам, *ποίησις* – создаю, произвожу, творю) буквально означает само-строительство, само-производство или воссоздание себя через себя самого.

© Ивахненко Е.Н., 2022.

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial – ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2022_04_70

систем, которые обретают свойство автономности социального действия. Современные ММ являются одной из таких коммуникативных систем, поскольку сами производят компоненты, из которых они состоят. ММ – катализаторы усложнения социума, хотя внешне их функционал представляется как редукция освещаемых событий до потребительского спроса среднестатистического пользователя.

Рефлексия и самореференция (наблюдение себя) – есть то, чем, наряду с людьми, работающими на ММ или пользующихся ими, обладают системы данного класса и уровня сложности. Только в первом случае мы имеем дело с психическими системами (системами восприятия – рефлексия), представленными людьми, во втором – анонимными коммуникативными системами, состоящими из электронных информационных медиа (самореференция). В этом отношении позиция привилегированного наблюдателя, как будто располагающего управляющим уровнем такой аутопойетической системы, носит иллюзорный характер. Мнение о том, что средствами массовой информации управляют скрытые от глаз кукловоды, разделяет главным образом люди, увлеченные конспирологическими теориями, ангажированные публицисты и политологи. Однако влияние в данном случае распространяется на программу (идеологическую, тематическую и т.п.) конкретной редакции вещания, но никак не на *операциональную логику* продвижения информационного потока той или иной редакции. Нас интересует именно этот коммуникативный механизм ММ с его операциональной природой, а не политические и иные программы, навязываемые или добровольно принимаемые редакционными советами, их покровителями и спонсорами.

Как же тогда быть с потоками событий, которые освещают ММ? Или как быть с обратной связью между редакцией и читателем-зрителем-слушателем? В общем виде ответ на эти вопросы звучит так: участники могут вносить в ММ собственные восприятия и интерпретаций тех или иных событий, но информацией они становятся только, пройдя через селективный механизм этой обособившейся коммуникационной системы.

2 ММ конструируют, а не отражают и не репрезентируют реальность

Выставленное в подзаголовок утверждение вытекает из системной теории коммуникации. Его можно проинтерпретировать на примере работы новостных каналов. Глубинная функция новостных программ сводится не к единственно верному отображению событий (хотя это утверждает чуть ли не каждый репортер), а к операциональному поддержанию коммуникации. На языке системной теории, ММ усиливают восприимчивость общества к раздражениям такого типа, которые выделены редакционной политикой в отдельную группу. Причем ММ моделирует сам тип реакции на предложенное раздражение, как и горизонт ожидания следующего сообщения. В этом отношении «система должна уметь формировать ожидания, чтобы увидеть возможности» [9, с. 133]. В данном случае мы имеем дело с замыканием рекурсивного механизма на себя, аутопойезисом ММ – *воспроизводством коммуникации на основе ее же результатов*.

Этот процесс не несет в себе какую-то конечную цель, которая бы приближала отраженную в СМИ реальность к ее подлинности, к тому, «что она есть на самом деле». ММ будучи информационными коммуникациями «представляют собой аутопойетические элементы, служащие для воспроизводства именно таких же элементов» [8, с. 130], то есть – воспроизводства самих себя. Информация, согласно системной теории, не передается в каком-то неизменном виде, поскольку не несет в себе неразложимые единицы смыслов. На самом деле, применительно к ММ и коммуникации в целом, мы располагаем двумя селекциями: селекцией сообщения (выбирается не все, о чем можно сказать, а отдельные события) и селекцией того, что воспринимается, как информация, то есть становится информацией в границах понятийных возможностей конкретного потребителя ММ.

«Информация – это выбор из областей возможностей». Данное неклассическое определение информации, было предложено еще в 1950-е гг. одним из творцов первой кибернетики К.Шенноном [13]. Причем, если этот выбор повторяется, то он уже не является информацией для системы. Именно такой подход на первом этапе оказался продуктивным для создания теории информации в биологии, где информация уже представлялась как «запомненный выбор одного варианта из нескольких альтернативных» [7]. В дальнейшем он получил свое развитие в работах чилийского нейробиолога У. Матураны, творца второй кибернетики Х. фон Фёрстера, автора «Законов формы» Дж. Спенсера-Брауна. Этому направлению научной мысли принадлежит часто цитируемая формула Г. Бейтсона – «Информация – различие, производящее различие в более

позднем событии», – которая была перенесена в фокус системной теории коммуникации, разрабатываемой в 70–80-е гг. немецким социологом Н. Луманом. В последующие десятилетия перечень имен современных авторов, зарубежных и отечественных, которые внесли свой вклад в исследование поведения усложняющихся информационных объектов увеличился настолько, что стал труднообозримым.

Коммуникация, согласно системной теории, вырабатывает референцию из самой себя, то есть автологически, разделяя множество сообщений извне в соответствии с двузначным кодированием: информация/не-информация. ММ, будучи коммуникативной системой, не располагают трансцендентальной референцией реальности, а, согласно определению А.Ю. Антоновского, создают/конструируют «трансцендентальную иллюзию реальности» [8], опираясь на собственные коммуникативные ресурсы. Именно это непреложное свойство коммуникативной системы – конструировать реальность/иллюзорность из себя, – позволяет ММ (коммуникативная система) и воспринимающему субъекту-пользователю (психическая система) прокладывать дорогу в будущее, попутно мультиплицируя в нем непредсказуемые события и смыслы.

3 Электронные ММ конструируют хронотоп, имманентный потоку сознания

Чтобы пояснить как взаимодействуют/коэволюционируют коммуникативная система ММ и психическая система (восприятие) субъекта-пользователя, необходимо кратко обратиться к исследованиям феномена времени. По мнению российского феноменолога В.И. Молчанова, нашему сознанию трудно освободить себя от неизбежности «трансцендентальной иллюзии самостоятельности времени и временного опыта» [12, с. 116]. Рассматривая эту проблему, он последовательно анализирует работу Ж.-М. Гюйо о происхождении наших представлений о времени [5], а так же тексты Ф. Брентано, А. Бергсона, М. Мерло-Понти и особенно Э. Гуссерля [4], в которых проводится анализ *феноменологического и имманентного времени*. Имманентное время, согласно Гуссерлю, «присуще потоку сознания», то есть является его неотъемлемым свойством. «Имманентное время, – отмечает Молчанов, – как бы склеивает части и моменты переживания в единство комплексов ощущений, которые “затем” могут быть объективированы, т.е. отнесены к определенным предметам» [12, с. 105]. Потоки сознания протекают в имманентном времени, но само имманентное время подобно отдельному течению в океане времени феноменологическом. Откуда же берется/возникает феноменологическое время? и почему самостоятельность временного опыта иллюзорна?

На самых первых этапах антропогенеза представление о времени возникает из опыта ощущений/наблюдений процессов в пространстве. Феноменология подсказывает – время не субстантивно, а производно от процессов/движения объектов в пространстве, по сути – от пространства. Исходно, феноменологическое время существует за чужой счет, «как тень и эрзац пространства» [12, с. 106–116]. Однако объективное пространство, будучи перенесенным во внутренний опыт субъекта, становится в феноменологическом смысле «мнимым пространством». Гуссерль назвал его «квазипространством», по отношению к которому имманентное время в том же внутреннем опыте субъекта представляется ему в роли «полноправного хозяина». Таким образом, иллюзия самостоятельности временного опыта, его первичности по отношению к пространству – «темпоральная фикция» – возникает во внутреннем опыте субъекта в темпоральном потоке сознания с его непрерывностью, текучестью, связанностью фрагментов переживаний и смыслов.

Один из выводов, который можно сделать из этого «незаконного первородства» имманентного времени заключается в следующем. На исходном этапе социоантропогенеза человек получал представления о мире преимущественно через визуализацию и своего рода «ощупывание» ближайшего по отношению к нему пространства. Электронные ММ – телевидение, интернет-сети – сегодня заняли то место во внутреннем опыте субъекта, которое на ранних этапах антропогенеза и общества в целом занимало пространство. Современный человек, будучи повседневно вовлеченным в ММ, постигает мир посредством сконструированного ими «квазипространства», но теперь уже – виртуального.

Феноменологический анализ зафиксировал своего рода совпадение фило- и онтогенеза происхождения имманентного времени в опыте переживаний. Первичное имманентное время – это время, воспроизводимое во внутреннем опыте ребенка на ранних этапах его знакомства с окружающим миром, как и время взрослого человека до эпохи печатных, а потом и электронных ММ, или в наши дни – человека, жизнь которого протекает вне ММ. Другое дело современник, который охвачен техническими достижениями современной цивилизации. ММ примкнули его к

событиям глобального мира, охватывающего весь земной шар. Теперь уже не гуссерлевское «квазипространство» (производное от объективного локального пространства) переносится во временной фокус внутреннего опыта сознания субъекта, а «квази-квазипространство» конструируемое функционалом ММ. В условиях глобальных ММ гуссерлевское «квазипространство» не исчезает вовсе, а переносится на периферию внутреннего опыта. Оно остается все той же «фикцией пространства», но только фикцией наблюдателя первого порядка. Позицию *наблюдателя второго порядка* заняли современные ММ. «В современном обществе, – утверждает Луман, – наблюдение наблюдателя... стало обычным способом восприятия мира... Информацию о положении вещей теперь получают, только узнав, что говорят об этом другие» [9, с. 145].

Иначе говоря, ММ наделили себя особыми полномочиями – конструировать виртуальное пространство и виртуальное время субъекта. Они, подобно вирусу, беспрепятственно проникают во внутренний опыт субъекта, не спрашивая на то его разрешения, что бы по этому поводу субъект о себе не представлял. Тем самым идентичность современника до-оформляется функционалом электронных ММ. Субъект-пользователь погружается в виртуально конструируемое информационное «квазипространство», которое в свою очередь задает ММ-ю темпоральность потоков его сознания со всеми его переживаниями – радостями, страхами, надеждами и ожиданиями. Таким образом, конструируемое ММ имманентное время, теперь становится доминирующим смысловым измерением [8, с. 131]. Так, в режиме аутопойезиса анонимный ММ-й хронотоп осуществляет форматирование и переформатирование глубочайшей аутентичной сферы сознания субъекта.

4 ММ – мультипликаторы сложности и непредсказуемости будущего

При всем доминирующем влиянии ММ на внутренний опыт субъекта – это улица с двусторонним движением. Правда, с одной оговоркой: участники могут вносить в коммуникацию собственные восприятия и интерпретации ситуации, но информацией эти сообщения становятся только внутри и в соответствии с функционалом коммуникационной системы.

Вернемся к тому, как ММ воспроизводят коммуникацию на основе ее же собственных результатов. Здесь обратим внимание на то, как новостные редакции *рекурсивно* продолжают себя во времени, ежедневно вбрасывая новую информацию. Следующее «новое» обесценивает то, что самой системой провозглашается «старым». Различение «новое/старое» здесь ключевое. Поэтому широко распространенная в наши дни стратегия безостановочного вбрасывания фейков представляется как беспроектная для тех, кто ее реализует. Известно, что коммуникативная система располагает короткой памятью, которая распространяется только на несколько примыканий предшествующего («старого») сообщения к последующему («новому»). Коммуникативная система ММ для своего оперативного воспроизводства «не нуждается в какой бы то ни было истории» [11, с. 609]. Ее память ограничивается серединой. К определенному моменту «устаревшая» информация передается забвению под толщей рекурсивно примыкающих друг к другу «новых» сообщений. Когда же аналитики берутся разоблачать фейки, ММ уходят далеко от прежде запущенного сообщения, тем самым лишают его информационной актуальности и, соответственно, интереса пользователя. Система ММ противопоставляет аргументации аналитиков, разоблачающих «неправдивую», с их точки зрения, подачу событий, «наркотическое отвлечение внимания на всегда новые новости» [8, с. 66].

В каком месте этого рекурсивного процесса зарождается неопределенность и непредсказуемость наступления будущих событий? «Новое» в данном случае – это всегда *отклонение* от уже известного. Такая озабоченность новым служит воспроизводящим импульсом операционального примыкания коммуникации. Оно проявляется в безостановочном вбрасывании в общество неожиданностей, нарушений, помех. Отсюда столь распространенная приверженность новостных каналов ТВ и интернет-порталов к демонстрации отклонений от норм – конфликтов, скандалов, сенсаций. Операциональная логика системы ММ подпитывается конфликтами, регулярно обновляя их повестку. Данный процесс, как было уже отмечено, не содержит в себе долгосрочную рациональную цель или что-то похожее на внутренний план построения будущего. Он в значительной степени спонтанный и сориентированный на скорость обновления смыслов. В его воздействии на общество можно выделить две составляющие: ускорение динамики других функциональных систем (экономики, политики...) и спонтанное порождение социальных рисков и кризисов.

Поскольку «эволюция общества следует за проблемами аутопойезиса коммуникации» [10, с. 220], а не наоборот, постольку настоящее и будущее общество будет неуклонно снабжаться непредсказуемыми событиями и сопутствующими им рисками. Именно в этом отношении работает вышеупомянутое бейтсоновское «различие, производящее различие в более позднем событии». Современная цивилизация включила в свое развитие усложняющуюся «коэволюцию неустойчивости» ММ и общества. И с этим типом коэволюции предстоит жить нам и нашим потомкам.

Заключение

Непредсказуемость событий и смыслов, а вместе с ними неопределенность угроз и рисков, которые готовит нам будущее – все это вовсе не исключает и не умоляет значения воли, разума и социального действия людей в целом и отдельных личностей в частности. Однако речь теперь должна идти о выработке новых стратегий взаимодействия с аутопойезисом нарастающей сложности [2]. *Мы никогда не сможем угнаться за усложнением мира, чтобы полностью «укротить» его, безраздельно господствовать над ним.* Эта констатация подводит нас к вопросу: неумолимый аутопойезис ММ следует воспринимать как нечто патологическое и ненормальное, или он должен восприниматься нами как ценный ресурс? Впрочем, развернутый ответ на этот вопрос требует отдельной статьи.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Литература

1. Антоновский А.Ю. Массмедиа – трансцендентальная иллюзия реальности? // Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. С. 221–248.
2. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Кое-что о сложности // Морен Э. О СЛОЖНОСТИ. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2019. С. 273–282.
3. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Собрание сочинений. Том I. / Пер. с нем. / Составл., вступ. статья. перевод В.И. Молчанова. М.: РИГ «Логос»: Гнозис, 1994. С. 1–108.
4. Гюйо Ж.-М. Происхождение идеи времени / Пер. Брусиловского. СПб.: Народная польза, 1899.
5. Ивахненко Е.Н. Аутопойезис информационных объектов // Информационное общество. 2009. № 1. С. 34–41.
6. Кастлер Г. Возникновение биологической организации / Пер. с англ. Н.А. Райской. М.: Мир, 1967. 90 с.
7. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
8. Луман Н. Введение в системную теорию / Пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Изд. «Логос», 2007. 360 с.
9. Луман Н. Медиа коммуникации // Общество общества. Кн. 2 / Пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. М.: Логос, 2011. С. 203–441.
10. Луман Н. Эволюция // Общество общества. Кн. 3 / Пер. с нем. А. Антоновский. М.: Логос, 2011. С. 443–634.
11. Молчанов В.И. Феномен пространства и происхождение времени. М.: Академический проект, 2015. 277 с.
12. Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory Communication. Illinois UP, 1963.

AUTOPOIESIS OF MASS MEDIA CONSTRUCTION OF THE FUTURE

Ivakhnenko, Eugene N.

Doctor of philosophical sciences, professor

Lomonosov Moscow State University, Philosophical faculty, Department of philosophy for the humanities

Moscow, Russian Federation

ivahnen@rambler.ru

Abstract

The main idea of the article is to show some of the consequences of the autopoiesis of modern electronic mass media, using the potential of N. Luhmann's system theory of communication. The author proposes to consider mass media as an evolving information object endowed with the features of the detached autopoietic communicative system (1). Among the consequences of such a system-communicative separation of modern mass media the following stand out: their construction of ideas about the "reality" and "authenticity" of events (2); embedding the space-time continuum in the immanent stream of consciousness of the subject-user (3); and at the same time - the generation of unpredictability of future events and meanings, as well as the accompanying social risks, crises and threats (4). In conclusion, the reader is challenged with a question, whether the autopoiesis of the mass media, replicating uncertainties and risks, should be taken as something pathological and abnormal, or as a valuable innovative resource. This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

Keywords

autopoiesis, mass media, communication system, construction, complexity, unpredictability, uncertainty

References

1. Antonovskij A.Yu. Massmedia – transcendental`naya illyuziya real`nosti? // Luman N. Real`nost` massmedia Moscow, Praksis, 2005. P. 221–248.
2. Arshinov V.I., Svirskij Ya.I. Koe-chto o slozhnostnosti // Morin E. O SLOZHNOSTNOSTI. Moscow, Institut obshhegumanitarny`x issledovaniy. 2019. P. 273–282.
3. Husserl E. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni // Sobranie sochinenij. V. I. Moscow: RIG «Logos»: Gnozis, 1994. P. 1–108.
4. Guyau J.-M. Proisxozhdenie idei vremeni. St.-Peterburg, Narodnaya pol`za, 1899.
5. Ivakhnenko E.N. Autopoiesis informacionny`x ob`ektov // Informacionnoe obshhestvo. 2009. N. 1. P. 34–41.
6. Quastler H. Vozniknovenie biologicheskoy organizacii. Moscow: Mir, 1967. 90 p.
7. Luhmann N. Real`nost` massmedia. Moscow, Praksis, 2005. 256 p.
8. Luhmann N. Vvedenie v sistemnyu teoriyu. Moscow, Logos, 2007. 360 p.
9. Luhmann N. Media kommunikacii // Obshhestvo obshhestva. Kn. 2. Moscow, Logos, 2011. P. 203–441.
10. Luhmann N. E`volyuciya // Obshhestvo obshhestva. Kn. 3. Moscow: Logos, 2011. P. 443–634.
11. Molchanov V.I. Fenomen prostranstva i proisxozhdenie vremeni. Moscow, Akademicheskij proekt, 2015. 277 p.
12. Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory Communication. Illinois UP, 1963.

Информационное общество и СМИ

**НОВОСТНАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ ИНТЕРНЕТ-СМИ
И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА****Каминченко Дмитрий Игоревич***Кандидат политических наук**ФГАОУ ВО Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.**Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра политологии,
доцент**Нижний Новгород, Российская Федерация**dmitkam@inbox.ru***Аннотация**

В работе проводится сравнительный и ретроспективный анализ информационной повестки дня интернет-СМИ и современных социальных медиа. При помощи контент-анализа новостных заголовков установлено тематическое содержание информационных повесток дня двух популярных сетевых СМИ и выявлены наиболее популярные темы в социальных медиа. Благодаря выполнению сравнительного анализа результатов мониторинга новостных заголовков, проводимого в 2020 и 2019 гг., сделан вывод о наличии некоторых закономерностей с точки зрения наличия либо отсутствия изменений в содержании новостных повесток двух сетевых СМИ и социальных медиа. Сравнительный анализ результатов мониторинга новостных заголовков 2020 года позволил сделать вывод о степени тематической близости содержания повесток дня двух сетевых СМИ (в том числе, между собой) и социальных медиа.

Ключевые слова*информационная повестка дня, СМИ, интернет-СМИ, социальные медиа, текст***Введение**

Сетевизация современного публичного пространства оказывает заметное воздействие на происходящие в нем коммуникативные процессы, например, на те из них, которые имеют непосредственное отношение к производству, распространению и потреблению новостей. Как известно, часть новостного контента составляет информационную повестку дня средств массовой информации. На формирование медийной повестки дня оказывают существенное влияние не только сами СМИ, но и общественные, и политические акторы. В результате основные компоненты содержания медийной повестки дня выражают в своей основе интересы различных общественных и политических субъектов. В определенной степени медийная повестка дня является, своего рода, проекцией тематически-атрибутивного содержания повесток дня общества и политических субъектов, а от степени широты этой представленности зависит и то, в каком объеме в новостной повестке СМИ представлены интересы и запросы со стороны общества, а также – насколько политизированным является контент повестки дня СМИ.

В условиях стремительного распространения в обществе интернет-технологий, их активного использования политическими и медийными субъектами в области своего функционирования происходит и трансформация процессов формирования и изменения самой информационной повестки дня. Взаимодействие и взаимные пересечения между повестками дня общества, политических лидеров и групп, а также СМИ становятся более открытыми, динамичными и ситуативными. Это сказывается и на содержательных свойствах самой повестки дня (причем как повестки дня СМИ, так, вероятно, и повесток дня общественных и политических субъектов), делая её политематической и ситуативной, способствуя фрагментации, изменчивости и лабильности. В результате содержание медийной повестки способно превратиться в конкурентное тематико-

© Каминченко Д.И., 2022.

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2022_04_76

атрибутивное информационное поле, в котором в явной или латентной форме будет происходить противостояние интересов различных субъектов общества и политики. Повторимся, информатизация современного публичного поля привносит свою специфику в подобное противостояние в рамках формирования медийной повестки дня, поэтому анализ содержания информационной повестки дня СМИ крайне важен для оценки эффектов от информационного взаимодействия общества, политиков и СМИ. Всё это свидетельствует о необходимости проведения детального изучения медийной повестки дня различных СМИ.

Основной целью проводимого исследования является сравнение повесток дня интернет-СМИ и социальных медиа, что позволит сделать вывод о том, насколько детально в новостной повестке сетевых СМИ отражены ключевые темы, которые наиболее популярны среди значительной части общества – пользователей современных социальных медиа. Для этого будет выполнен ряд научно-исследовательских задач. Во-первых, будет установлен подробный перечень тем новостных заголовков, наиболее распространенных в повестках дня популярных сетевых интернет-СМИ. Во-вторых, будет выявлен перечень наиболее популярных новостных тем СМИ среди пользователей социальных медиа. В-третьих, показатели проведенного мониторинга новостных заголовков 2020 года будут сопоставлены с показателями похожего мониторинга, который осуществлялся в 2019 году, что позволит сделать выводы о (не)устойчивости тематического содержания новостных повесток. В-четвертых, будет проведен сравнительный анализ тематического содержания новостных повесток дня СМИ и социальных медиа.

1 Теоретические основания

В научном сообществе вопросам изучения информационной повестки дня, процессам её формирования и анализу её содержания отведено немало исследовательского внимания. В частности, активно прорабатывается определение понятия «повестка дня». А.Н. Кулик пишет о том, что «повестка дня определяется как перечень проблем, подлежащих обсуждению членами некоего сообщества» [2, с. 72]. По мнению С.С. Лушанкина, повестка дня содержит в себе «наиболее важные вопросы, значимость которых установлена и подтверждена всеми либо большинством акторов» [3, с. 461]. А.С. Сумская и П.Ф. Сумской полагают, что термин «информационная повестка дня» должен рассматриваться как «перечень включённых продюсерами тем в программы» и «своеобразное «информационное меню» для аудитории» [6, с. 585]. В обозначенных дефинициях отводится пристальное внимание как минимум двум аспектам: первый аспект связан с актуализацией внимания на перечне входящих в повестку дня тем и вопросов (и их значимости), второй аспект фокусирует своё внимание на субъектах, участвующих в построении повестки дня.

Особый интерес у научного сообщества вызывает и анализ различных типологий информационных повесток дня. При этом в качестве одного из ключевых критериев для типологизации используется критерий субъектности. Нередко выделяют как минимум трёх основных субъектов, участвующих в формировании информационной повестки дня – политические акторы, общество и СМИ. Как пишет в этой связи Н.Ф. Пономарев, «компонентами медиаповестки являются доминирующие в СМИ темы публикаций, общественной повестки – важнейшие для большинства граждан проблемы, политической повестки – первостепенные для политических акторов задачи» [4, с. 62]. Например, политическая повестка дня представляет собой перечень вопросов, которым политические деятели уделяют повышенное внимание [10, с. 1]. Как пишут А.Ю. Сизоненко, А.А. Гнедаш и В.В. Катермина (рассматривая цифровую социально-политическую повестку дня) политической сегодня «может стать любая актуальная информация из сферы экономики, социологии, культуры и т.д.» [5, с. 103]. Более того, в рамках политического типа повесток дня ученые отдельно обращают внимание и на другие подтипы, например, на повестку партийной системы (в частности, К. Грин-Педерсен предлагает рассматривать повестку дня партийной системы как системный концепт, а отнюдь не только, как перечень вопросов, на которых концентрируют своё внимание входящие в партийную систему политические партии) [9, с. 75].

Отдельное внимание отводится анализу взаимодействий различных субъектов в процессе формирования информационной повестки дня. Например, С.Ю. Ли и Д. Риффе в одном из своих исследований анализируют формирование медийной повестки дня по теме корпоративной социальной ответственности («corporate social responsibility» («CRS»)) компаний. Они рассматривают влияние на построение медиаповестки дня по данному вопросу, исходящее со стороны двух источников информации – пресс-релизов самих компаний и статистических данных рейтингов мониторинговых групп. Кроме того, в своей работе они стремятся детально изучить

процесс формирования повестки дня с точки зрения двух плоскостей: (а) взаимных отношений между указанными источниками информации и средствами массовой информации и (б) «посреднического эффекта» средств массовой информации в отношениях между двумя обозначенными источниками информации [11, с. 302].

С.Л. Эспрок и К.Б. Лейчти в своем исследовании «Social responsibility and corporate Web pages: Self-presentation or agenda-setting?» анализируют то, как крупные компании используют интернет для позиционирования себя в качестве социально ответственных субъектов и продвижения собственных политических позиций. В частности, они задаются целым рядом вопросов, среди которых следующие: Какие вопросы по теме социальной ответственности, чаще всего, освещаются на корпоративных веб-сайтах? Какие инструменты коммуникации используются для распространения информации по теме корпоративной социальной ответственности? В какой степени корпоративные веб-страницы используются для обсуждения вопросов государственной политики? [8, с. 309].

Отталкиваясь от анализа структуры информационной повестки дня, К.М. Ол, Дж. Д. Пинкус, Т. Риммер и Д. Харрисон в одной из своих работ измеряют эффективность пресс-релизов различных компаний, сопоставляя содержание текстов этих пресс-релизов с теми материалами СМИ (на примере газет), в которых они впоследствии упоминались (с точки зрения содержания и длины этих упоминаний). Они рассмотрели как количественные (количество строк в газетных колонках и среднее количество статей, где упоминается определенная компания), так и качественные показатели (преобладающая в тексте упоминания смысловая позиция) содержания текстов газет. Дополнительно ученые взяли интервью у репортеров, непосредственно готовивших газетные статьи. Их исследование было разработано и проведено в целях изучения того, каким образом тексты пресс-релизов различных компаний влияют на процессы построения повестки дня (с точки зрения значимости и внимания, отводимых конкретной теме) в ситуациях, когда две компании предоставляют СМИ противоречивые сообщения [15, с. 92-93].

Нередко объектом исследований по теме информационной повестки дня становится анализ её тематического и атрибутивного содержания. Например, учеными анализируются процессы, связанные с распространением такого типа новостей, как сенсации. В частности, в работе «Sensationalism in news coverage: A comparative study in 14 television systems» ученые, опираясь на данные различных телевизионных систем и ТВ-станций, исследуют влияние определенных характеристик сложившихся медиасистем на роль сенсационного фактора в новостном контенте. Причем в своем исследовании они обращают основное внимание на две характеристики медиасистемы: фрагментация аудитории и коммерциализация медиасреды [7, с. 300]. Одним из выводов, к которому пришли ученые по итогам проведенного исследования, стало то, что коммерческие ТВ-каналы более склонны выбирать сенсационные новостные темы по сравнению с общедоступными, государственными каналами [7, с. 310].

В исследовании «The human alarm system for sensational news, online news, online news headlines and associated generic digital footprints: A uses and gratifications approach» анализируется вопрос о том, может ли использование алармистских слов в заголовках новостей повлиять на количество кликов и «лайков», которые получит новостной материал со стороны интернет-аудитории [14, с. 252]. Результаты данного анализа показали, что люди чаще кликали на заголовки, чтобы прочитать новостную статью, если заголовок содержал слова подобного типа. Более того, по результатам исследования установлено, что люди с большей вероятностью «лайкают» новостную статью, если заголовок содержит алармистские слова [14, с. 263].

Нередко в работах ученых отводится внимание теории установления информационной повестки дня («agenda-setting theory»), которая является одной из важнейших концептуальных основ, используемых при рассмотрении повесток дня различных акторов. По мнению Ш. Мерец, данная теория сформировалась, в первую очередь, как теория, включающая ряд тематических компонентов, среди них – атрибутивный компонент (или второй уровень повестки дня), психологический компонент (объясняет эффекты установления повестки дня на индивидуальном уровне (потребность в ориентации), акцент на процессах образования повестки дня и объяснение собирательного феномена взаимосвязанной, срединной медийно-новостной повестки (interrelated agenda) [13, с. 683]. Известный ученый М. МакКомбс, исследуя процессы конструирования повестки дня со структурно-функциональной точки зрения, выделяет в ходе данных процессов 3 базовых компонента: (1) ключевые внешние источники новостей (например, политические лидеры и партии), (2) взаимодействие различных СМИ между собой (нередко обозначаемое как срединная, взаимосвязанная повестка (interrelated agenda) и (3) социальные нормы и традиции журналистики

(определяющие основные правила при окончательном складывании содержания повестки дня СМИ) [12, с. 112].

Несмотря на формирующийся в последние годы пласт научных работ, посвященных анализу процессов, связанных с конструированием и изменением информационной повестки дня, целый ряд ключевых направлений данной предметной области остаются по-прежнему слабо изученными. Одним из подобных направлений является сравнение содержания повесток дня различных сетевых СМИ между собой, а также - сравнительный анализ повесток дня интернет-СМИ и современных социальных медиа. Кроме того, приоритетным направлением исследований является и лонгитюдный анализ новостных повесток дня сетевых СМИ и социальных медиа, позволяющий выявить динамику изменений некоторых закономерностей содержательно-тематического характера. Актуальным выглядит и целостный, тематический анализ различных сетевых СМИ и социальных медиа, позволяющий установить, какие темы среди новостного контента наиболее распространены в тех или иных интернет-изданиях, а также, какие темы, транслируемые СМИ, набирают наибольшую популярность среди многочисленной аудитории современных социальных медиа. Учитывая актуальность обозначенных направлений исследований, мы постараемся проанализировать содержание новостных повесток двух популярных в России сетевых интернет-изданий, а также - содержание новостной повестки дня социальных медиа.

2 Описание эмпирического метода

В качестве основного эмпирического метода для проведения исследования нами выбран ненаправленный качественно-количественный контент-анализ, так как его использование отвечает главным исследовательским задачам, поставленным в текущей работе. Информационный массив для проведения анализа составили новостные заголовки одних из наиболее популярных в России сетевых интернет-изданий «Газета.ru»¹ и «Lenta.ru»², а также - наиболее популярные новостные заголовки в социальных медиа (по данным новостного агрегатора MediaMetrics³). Выбор конкретных интернет-изданий для анализа заголовков новостей обусловлен степенью популярности данных СМИ: например, по данным системы аналитики социальных сетей и СМИ «Медиалогия»⁴ за период, с июня по ноябрь 2020 года (мониторинг новостных заголовков в рамках нашего исследования проводился в 2020 году) издание «Газета.Ru» занимало 3-4 места, а издание «Lenta.Ru» - 4-6 места - в ежемесячном рейтинге «Топ-30 самых цитируемых интернет-ресурсов» из числа федеральных СМИ, что подтверждает высокую степень популярности указанных интернет-СМИ. Подробные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1. Наиболее цитируемые интернет-ресурсы (по данным системы аналитики социальных сетей и СМИ «Медиалогия»)

Календарный месяц 2020 года	Позиция интернет-издания «Газета.Ru» в топ-30 самых цитируемых интернет-ресурсов	Позиция интернет-издания «Lenta.Ru» в топ-30 самых цитируемых интернет-ресурсов
Июнь ⁵	4	6
Июль ⁶	4	6
Август ⁷	3	5
Сентябрь ⁸	3	4

¹ Официальный сайт интернет-издания «Газета.ru» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/> (дата обращения: 27.06.2021)

² Официальный сайт интернет-издания «Lenta.ru» [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/> (дата обращения: 27.06.2021)

³ Официальный сайт «MediaMetrics» [Электронный ресурс]. URL: <https://mediametrics.ru/rating/ru/online.html> (дата обращения: 27.06.2021)

⁴ Официальный сайт системы аналитики социальных сетей и СМИ «Медиалогия» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения: 25.02.2022)

⁵ Федеральные СМИ: июнь 2020 / Официальный сайт системы аналитики социальных сетей и СМИ «Медиалогия» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/7578/> (дата обращения: 25.02.2022)

⁶ Федеральные СМИ: июль 2020 / Официальный сайт системы аналитики социальных сетей и СМИ «Медиалогия» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/7636/> (дата обращения: 25.02.2022)

⁷ Федеральные СМИ: август 2020 / Официальный сайт системы аналитики социальных сетей и СМИ «Медиалогия» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/10221/> (дата обращения: 25.02.2022)

⁸ Федеральные СМИ: сентябрь 2020 / Официальный сайт системы аналитики социальных сетей и СМИ «Медиалогия» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/10039/> (дата обращения: 25.02.2022)

Октябрь ⁹	4	6
Ноябрь ¹⁰	3	4

Добавим, что в качестве популярных в социальных медиа новостных заголовков рассматривались те из них, которые сперва размещались разными средствами массовой информации, а впоследствии - просматривались пользователями современных социальных медиа. Аналитической единицей проводимого в данном исследовании контент-анализа является тема, а единицей счета – новостные заголовки.

Мониторинг текстов новостных заголовков обозначенных средств массовой информации и социальных медиа осуществлялся в течение 60 дней, с 12 октября по 10 декабря 2020 года. Ежедневно (в течение всего мониторинга) после 21:00 (по нашему мнению, к данному времени новостная повестка дня является практически полностью сформированной) в таблице новостных заголовков указанных интернет-СМИ и социальных медиа фиксировались по 10 последних (по времени их размещения к моменту проведения наблюдения) заголовков новостей. В результате, общее количество текстов новостных заголовков, собранное за весь указанный период осуществления мониторинга, составило 1800. Временные рамки данного мониторинга выбраны произвольно и, на наш взгляд, продолжительность (60 дней) и глубина охвата выборки (1800 текстов) являются достаточными для проведения качественно-количественного типа контент-анализа.

Согласно использованной методике исследования, сперва из всего корпуса данных были выделены основные темы, затем каждый из новостных заголовков, входящих в общий информационный массив, распределялся по выделенным темам. Уточним, что один и тот же заголовок мог быть отнесен одновременно к разным тематикам, что обусловлено наличием нескольких тематических значений у различных заголовков. Впоследствии проводился общий подсчет количества новостных заголовков, отнесенных к той или иной теме, что позволило установить, какие темы наиболее распространены в новостных повестках рассматриваемых в работе интернет-СМИ и социальных медиа: чем больше новостных заголовков может быть отнесено к той или иной теме, тем более распространенной является данная тема в новостной повестке дня. Показатели популярности (по частоте встречаемости новостных заголовков) основных тематик разных интернет-СМИ и социальных медиа сравнивались между собой, а также – с показателями популярности данных тематик, полученных при проведении аналогичного мониторинга в 2019 году. Отметим при этом, что ввиду пилотного характера мониторинга, проведенного в 2019 году, его временные рамки (7 дней, с 16 по 23 мая 2019 года) намного более узкие, чем аналогичные характеристики исследования, проведенного в 2020 году (размер выборки мониторинга 2020 года также намного шире размера выборки исследования 2019 года). В этой связи, проводимый в 2020 году мониторинг текстовых заголовков является более основательным продолжением используемой методики, представленной в 2019 году.

Необходимо обратить внимание на проблему возможного смещения акцента на конкретную тему в рамках новостной повестки дня середины осени – начала зимы 2020 года, когда постепенно в новостном контенте стала набирать популярность тематика распространения в различных странах коронавирусной инфекции. Учитывая, что аналитической единицей исследования (в том числе – в целях сравнения новостных повесток между собой) выбрана тема, в данной работе ежедневно для анализа отбирались по 10 заголовков, относящихся к уникальным, неповторяющимся по своему содержанию новостным темам. Под «темами» в данном случае понимаются не выделенные, обобщенные темы в рамках нашего анализа, а конкретные по своему содержанию тематике новостей (например, в течение одного дня мониторинга к обобщенной тематике «Происшествие» могли быть отнесены новостные заголовки по теме разных происшествий). Это делает данную методику относительно не чувствительной к влиянию одной, отдельно взятой тематике новостей. В целом, указанная методика, на наш взгляд, отвечает поставленным в работе научно-исследовательским задачам.

3 Результаты исследования

⁹ Федеральные СМИ: октябрь 2020 / Официальный сайт системы аналитики социальных сетей и СМИ «Медиалогия» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/10225/> (дата обращения: 25.02.2022)

¹⁰ Федеральные СМИ: ноябрь 2020 / Официальный сайт системы аналитики социальных сетей и СМИ «Медиалогия» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/10229/> (дата обращения: 25.02.2022).

По итогам мониторинга новостных заголовков собраны и изучены 1800 текстовых заголовков, размещенных на интернет-страницах официальных сайтов «Lenta.Ru», «Газета.Ru» и в социальных медиа (по 600 новостных заголовков для каждого из данных субъектов формирования информационной повестки дня). На основе проведенного анализа установлены основные темы, встречающиеся в новостных заголовках СМИ и наиболее популярные заголовки новостей среди российской интернет-аудитории социальных медиа. В список выделенных тематик вошли следующие темы: «Происшествие», «Социальная сфера» (включающая новостные заголовки по темам образования, здравоохранения, строительства, ЖКХ и т.д.), «Мировая политика» (состоящая из заголовков новостей по теме политических событий, происходящих в зарубежных государствах и тематика межгосударственных отношений зарубежных стран), «Внешняя политика России» (тематика политических отношений России с зарубежными государствами), «Внутренняя политика России» (тема политических событий, которые происходят в российском обществе), «Искусство, культура» (включает в себя не только тематику искусства и культуры, но и тематику ценностей и бытовой культуры общества), «Спорт», «Экономика», «Наука и технологии», «Путешествия и туризм», «Военная безопасность», «История», «Музыка», «Экология», «Гражданская активность» (включает заголовки новостей по тематике участия граждан в общественных и политических мероприятиях), «Законодательство» (указанная тематика включает в себя новостные заголовки о готовящихся, рассматриваемых, обсуждаемых и принимаемых законопроектах), «Религия», «Погода». Статистические показатели частоты встречаемости новостных заголовков в рассматриваемых интернет-СМИ и социальных медиа по обозначенным темам отражены в табл. 2.

Таблица 2. Частота встречаемости новостных заголовков по темам в информационных повестках дня СМИ и социальных медиа, в абсолютных числовых значениях

СМИ/социальные медиа	«Газета.Ru»	«Lenta.Ru»	«MediaMetrics» (социальные медиа)
Темы			
Спорт	156	72	7
Мировая политика	139	107	33
Происшествие	98	141	336
Внешняя политика России	87	54	29
Социальная сфера	84	81	119
Военная безопасность	63	48	20
Экономика	49	40	32
Искусство, культура	28	103	74
Внутренняя политика России	20	29	33
Наука и технологии	25	32	9
Гражданская активность	21	12	3
История	7	11	8
Законодательство	7	5	17
Религия	5	11	5
Музыка	4	7	6
Экология	4	7	0
Путешествие и туризм	3	16	0
Погода	1	2	8

Для проведения сравнительного анализа содержания информационных повесток дня СМИ и социальных медиа в отдельной таблице (табл.2) представлены пять наиболее популярных (по

частоте встречаемости заголовков новостей) тем для каждого из указанных СМИ и социальных медиа. Среди представленных перечней наиболее популярных тематик дополнительно выделены три темы, которые входят в пять наиболее популярных тем повесток дня всех указанных СМИ и социальных медиа (темы: «Происшествие», «Социальная сфера» и «Внешняя политика»). Подробные результаты отражены в табл. 3.

Таблица 3. Наиболее популярные (по частоте встречаемости новостных заголовков) темы информационных повесток дня СМИ и социальных медиа

«Газета.Ru»	«Lenta.Ru»	«MediaMetrics» (социальные медиа)
Спорт	Происшествие	Происшествие
Мировая политика	Мировая политика	Социальная сфера
Происшествие	Искусство, культура	Искусство, культура
Внешняя политика России	Социальная сфера	Внутренняя политика России, Мировая политика
Социальная сфера	Спорт	

4 Обсуждение результатов

По итогам проведенного контент-анализа можно сделать ряд выводов. Во-первых, по частоте встречаемости заголовков новостей в повестке дня интернет-издания «Газета.Ru» наиболее популярной стала спортивная тематика, на втором месте (с немалым отставанием) – тема мировой политики, а далее (с существенным отставанием) расположились тематика «Происшествие», «Внешняя политика» и «Социальная сфера». По итогам аналогичного (но с меньшим объемом текстовой выборки) исследования, проведенного в 2019 году [1, 2019], установлено, что наиболее популярной (причем с более чем двукратным преимуществом по количеству новостных заголовков) была тема мировой политики, на втором месте – тема «Происшествие», далее (также с практически двукратным отставанием) – темы спорта, мировой политики и музыкальная тематика. Как видим, произошла смена доминирующих тем в новостной повестке данного интернет-издания, но при этом, обратим внимание на то, что сохранились 4 из 5 наиболее распространенных тем, хотя и изменен основной акцент в содержании повестки дня.

Во-вторых, наиболее распространенной темой новостной повестки интернет-издания «Lenta.Ru» с существенным отрывом от других стала тематика «Происшествие», на втором и третьем местах (с приблизительно, равными показателями) – темы «Мировая политика» и «Искусство, культура», на четвертом месте (также – с ощутимым отставанием) – тема «Социальная сфера», на пятом – спортивная тематика. Сравнивая обозначенные результаты с данными мониторинга 2019 года (когда по степени популярности новостные тематика расположились следующим образом: «Мировая политика», «Происшествие», «Экономика», «Социальная сфера», а также (с одинаковыми показателями частоты встречаемости новостных заголовков) – «Культура и искусство», «Музыка» и «Спорт»), отмечаем, что изменилась преобладающая тема (в 2020 году такой темой стала тема «Происшествие», причем с явным доминированием). Вместе с тем 3 из 4 наиболее распространенных тем новостной повестки не изменились.

В-третьих, переходя к новостным заголовкам, размещенным в СМИ, а затем получившим наибольшую популярность в социальных медиа, отмечаем явное господство одной темы – «Происшествие». На втором по популярности новостных заголовков месте (с огромным отставанием) расположилась тема «Социальная сфера», на третьем (также, с существенным отставанием от первых двух позиций) – тема «Искусство, культура», на четвертом и пятом местах (снова – с серьезным отставанием) – «Внутренняя политика России» и «Мировая политика». Необходимо напомнить, что к тематике «Искусство, культура» относились новостные заголовки, посвященные не только событиям в мире культуры и искусства, но и событиям, связанным с бытовой культурой, общественными нормами и ценностями. По данным мониторинга 2019 года, тема «Происшествие» также занимала доминирующее место по степени популярности новостных заголовков, на втором месте (с существенным отставанием) – тема мировой политики, на третьем и четвертом местах (с одинаковыми показателями) – темы внутренней политики России и экономики, а далее (также с одинаковыми показателями) – темы «Внешняя политика России» и «Социальная

сфера». В отличие от изменения лидирующих по частоте встречаемости тем в новостных повестках рассмотренных сетевых СМИ, согласно результатам мониторинга 2019 и 2020 гг., в новостной повестке дня социальных медиа доминирующей темой осталась та же тематика, что и в 2019 году. Причем преобладание показателей популярности данной темы по отношению к показателям других тем стало ещё более отчётливым. Более популярными по сравнению с показателями 2019 года среди аудитории социальных медиа стали темы «Социальная политика» и «Искусство, культура», а тематика мировой политики, наоборот, стала менее популярной (хотя и сохранила своё присутствие в пятерке наиболее популярных тем). В результате 4 из 6 наиболее популярных в социальных медиа тем сохранили своё присутствие в этом списке и в 2020 году, но произошли серьезные изменения в порядке их расположения (не считая только доминирующей темы).

В-четвертых, отталкиваясь от данных, представленных в табл.1 и табл.2, сравним содержание новостных повесток двух сетевых СМИ между собой. Обращает на себя внимание схожесть набора из пяти наиболее распространенных тем в новостных повестках данных интернет-СМИ: их объединяет наличие четырех общих тематик: «Спорт», «Мировая политика», «Происшествие» и «Социальная сфера». Но при этом присутствуют и определенные отличия, например, спортивная тематика, занимающая доминирующее положение по общим показателям в одном Интернет-издании («Газета.Ru»), занимает только пятое место по степени распространенности – в другом («Lenta.Ru»). Впрочем, другие, общие (из списка из пяти наиболее популярных) темы занимают примерно близкие позиции (расхождение составляет одну ступень).

В-пятых, сравнивая новостные повестки социальных медиа и рассмотренных в работе интернет-СМИ, необходимо обратить внимание, что с точки зрения набора тем наиболее близкой социальным медиа является новостная повестка интернет-издания «Lenta.Ru» (совпадают названия 4 из 5 наиболее популярных тем), причем доминирующее место в обеих повестках дня занимает тема «Происшествие» (в повестке дня социальных медиа данная тема занимает практически абсолютно доминирующую позицию). Применительно к сравнению новостных повесток социальных медиа и интернет-издания «Газета.Ru» отметим, что в них из пяти наиболее распространенных тем совпадают три, но при этом, наиболее распространенная в данном интернет-СМИ тематика спорта не попала в пять наиболее популярных тем в социальных медиа. В свою очередь, практически абсолютно доминирующая тема в новостной повестке социальных медиа в повестке дня «Газета.Ru» занимает третье место (с существенным отставанием от первых двух тем).

Сформулированные выводы позволяют сделать ряд обобщений. Перечень основных тематик, новостные заголовки по которым наиболее распространены в повестках дня двух рассмотренных сетевых СМИ, претерпели не слишком серьезные изменения в 2020 году по сравнению с 2019 годом, но при этом произошли определенные изменения с точки зрения главного акцента (наиболее распространенной темы). Главный акцент в новостной тематике наиболее популярных заголовков в социальных медиа за рассмотренный период времени не изменился, но при этом серьезно изменились позиции ряда других тем, например, тематик «Социальная сфера», «Мировая политика», «Искусство, культура». Набор основных тем новостных повесток дня (по данным мониторинга 2020 года) рассмотренных интернет-СМИ и социальных медиа имеет немало пересечений, что говорит об относительной близости содержания новостных повесток дня рассмотренных субъектов, хотя, безусловно, существуют и определенные отличия.

Заключение

В условиях информатизации современного публичного пространства происходят существенные изменения в процессах создания, распространения и потребления новостного контента. Это находит свое отражение в действиях медийных, общественных и политических субъектов формирующих так называемую информационную повестку дня, на содержательно-смысловом уровне которой проецируется, в том числе и специфика сетевизации современного общества (и происходящих в нем изменений). В проведенном исследовании представлена попытка анализа содержания информационной повестки дня популярных в России интернет-СМИ и социальных медиа (повестка дня которых, учитывая популярность самих социальных медиа, отражает новостные интересы значительной части современного российского общества). Кроме того, в работе проведен сравнительный, ретроспективный анализ новостных повесток сетевых СМИ и социальных медиа, осуществлено сравнение повесток дня интернет-СМИ и социальных медиа. По результатам сравнительного анализа результатов мониторинга новостных заголовков двух сетевых

СМИ («Газета.Ru» и «Lenta.Ru») 2019 и 2020 г.г. установлено, что в указанных СМИ наблюдается относительно устойчивый перечень основных (по степени распространенности заголовков новостей) тем, но при этом в обоих СМИ произошло изменение главного акцента (смена лидирующей темы). В новостной повестке социальных медиа за рассмотренные в работе временные промежутки отчетливо просматривается несколько иная тенденция: основной акцент (доминирующая тема новостных заголовков) сохраняется, но при этом изменяются позиции других, популярных новостных тематик. Обращает на себя внимание и содержательно-тематическая близость новостных повесток дня (по данным мониторинга 2020 года) рассмотренных в работе сетевых СМИ и социальных медиа, при этом наиболее близким к содержанию повестки дня социальных медиа стало содержание новостной повестки интернет-издания «Lenta.Ru». Высокая степень соответствия новостной повестки СМИ и социальных медиа во многом свидетельствует о близости медийной и общественной повесток дня, так как популярность определенного новостного контента в социальных медиа является, своего рода, проекцией новостных интересов и запросов значительной части общества (пользователей социальных медиа).

На наш взгляд, в условиях активного участия общества и политических субъектов в процессах формирования и распространения новостного контента тема изучения информационной повестки дня, пересечения повесток дня общественных, политических и медийных субъектов будет становиться всё более актуальной и востребованной в научном сообществе. Проведенное в данной работе исследование (несмотря на ряд присутствующих в нем ограничений, например, небольшое число сетевых СМИ, новостной контент которых проанализирован в исследовании) и полученные по его итогам результаты могут стать важным дополнением к складывающейся системе знания в указанной предметной области.

Литература

1. Каминченко Д.И. Сравнительный анализ информационной повестки дня средств массовой информации и современных социальных медиа // Медиаскоп. 2019. № 4. С. 3.
2. Кулик А.Н. Между властью и обществом: к вопросу о роли публичных интеллектуалов в установлении повестки дня в современной России // Политическая наука. 2015. № 3. С. 71-90.
3. Лушанкин С.С. Категория "повестка дня" в структуре политического процесса: Понятие "политической повестки дня" и модели её формирования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1. № 4. С. 456-465.
4. Пономарев Н.Ф. Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 3 (9). С. 62-69.
5. Сизоненко А.Ю., Гнедаш А.А., Катермина В.В. 2021. Сетевой дискурс и российский мэр: Формирование цифровой социально-политической повестки дня в социальных сетях (опыт сетевого и лингводискурсивного анализа), Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 3(112). С. 100-111.
6. Сумская А.С., Сумской П.Ф. Моделирование теленовостей в контексте информационной политики телеканала // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. № 4. С. 581-598.
7. Arbaoui B., De Swert K., Van der Brug W. Sensationalism in news coverage: A comparative study in 14 television systems // Communication research. 2020. Vol. 47(2). P. 299-320.
8. Esrock S.L., Leichty C.B. Social responsibility and corporate Web pages: Self-presentation or agenda-setting? // Public Relations Review. 1998. № 24(3). P. 305-319.
9. Green-Pedersen Ch. Party-system development in Denmark: Agenda-setting dynamics and political change / Agenda setting, policies and political systems: A comparative approach. The University of Chicago Press. 2014. P. 69-85.
10. Green-Pedersen Ch., Walgrave S. Political agenda setting: An approach to studying political systems / Agenda setting, policies and political systems: A comparative approach. The University of Chicago Press. 2014. P. 1-16.
11. Lee S.Y., Riffe D. Who sets the corporate social responsibility agenda in the news media? Unveiling the agenda-building process of corporations and a monitoring group // Public Relations Review. 2017. № 43. P. 293-305.
12. McCombs M. Setting the agenda: The mass media and public opinion. The 2nd edition. Polity Press. 2015. 209 p.

13. Meraz Sh. Is There an elite hold? Traditional media to social media agenda setting influence in blog networks // Journal of Computer-Mediated Communication. 2009. Vol.14. №3. P.682-707 DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2009.01458.x>
14. Ng Yu.L., Zhao X. The human alarm system for sensational news, online news, online news headlines and associated generic digital footprints: A uses and gratifications approach // Communication research. 2020. Vol. 47(2). P. 251-275.
- Ohl C.M., Pincus J.D., Rimmer T., Harrison D. Agenda building role of news releases in corporate takeovers // Public Relations Review. 1995. № 21(2). P. 89-101.

ONLINE-MEDIA AND SOCIAL NETWORKING SITES AGENDA

Kaminchenko Dmitriy Igorevich

Candidate of political sciences

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Political science department, associate professor

Nizhny Novgorod, Russian Federation

dmitkam@inbox.ru

Abstract

There is a comparative and retrospective analysis of online-media and social networking sites (SNS) agendas in the paper. With the help of content analysis of news headlines, the author finds out the most popular topics in online-media agendas and social networking sites. Thanks to a comparative analysis of the results of monitoring news headlines conducted in 2020 and 2019, the author identifies some patterns in terms of the presence or absence of changes in the content of the news agendas of the two online-media and social networking sites. A comparative analysis of the results of monitoring news headlines in 2020 allowed to make a conclusions about the proximity degree of the agendas of the two online-media (including among themselves) and social networking sites

Keywords

agenda, media, Internet-media, social media, text

References

1. Kaminchenko D.I. Sravnitel'nyy analiz informatsionnoy povestki dnya sredstv massovoy informatsii i sovremennykh sotsial'nykh media // Mediaskop. 2019. № 4. S. 3
2. Kulik A.N. Mezhdru vlast'yu i obshchestvom: k voprosu o roli publichnykh intellektualov v ustanovlenii povestki dnya v sovremennoy Rossii // Politicheskaya nauka. 2015. № 3. S. 71-90.
3. Lushankin S.S. Kategoriya "povestka dnya" v strukture politicheskogo protsessa: Ponyatie "politicheskoy povestki dnya" i modeli ee formirovani // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 1. № 4. S. 456-465.
4. Ponomarev N.F. Freyming mediapovestki dnya i tipologiya mediafreymov // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2010. № 3 (9). S. 62-69.
5. Sizonenko A.Yu., Gnedash A.A., Katermina V.V. 2021. Setevoy diskurs i rossiyskiy mer: Formirovaniye tsifrovoy sotsial'no-politicheskoy povestki dnya v sotsial'nykh setyakh (opyt setevogo i lingvodiskursivnogo analiza), Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva. 2021. № 3(112). S. 100-111.
6. Sumskaya A.S., Sumskoy P.F. Modelirovaniye telenovostey v kontekste informatsionnoy politiki telekanala // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2018. № 4. S. 581-598.
7. Arbaoui B., De Swert K., Van der Brug W. Sensationalism in news coverage: A comparative study in 14 television systems // Communication research. 2020. Vol. 47(2). P. 299-320.
8. Esrock S.L., Leichty C.B. Social responsibility and corporate Web pages: Self-presentation or agenda-setting? // Public Relations Review. 1998. № 24(3). P. 305-319.
9. Green-Pedersen Ch. Party-system development in Denmark: Agenda-setting dynamics and political change / Agenda setting, policies and political systems: A comparative approach. The University of Chicago Press. 2014. P. 69-85.
10. Green-Pedersen Ch., Walgrave S. Political agenda setting: An approach to studying political systems / Agenda setting, policies and political systems: A comparative approach. The University of Chicago Press. 2014. P. 1-16.
11. Lee S.Y., Riffe D. Who sets the corporate social responsibility agenda in the news media? Unveiling the agenda-building process of corporations and a monitoring group // Public Relations Review. 2017. № 43. P. 293-305.
12. McCombs M. Setting the agenda: The mass media and public opinion. The 2nd edition. Polity Press. 2015. 209 p.
13. Meraz Sh. Is There an elite hold? Traditional media to social media agenda setting influence in blog networks // Journal of Computer-Mediated Communication. 2009. Vol.14. №3. P.682-707 DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2009.01458.x>

14. Ng Yu.L., Zhao X. The human alarm system for sensational news, online news, online news headlines and associated generic digital footprints: A uses and gratifications approach // Communication research. 2020. Vol. 47(2). P. 251-275.
15. Ohl C.M., Pincus J.D., Rimmer T., Harrison D. Agenda building role of news releases in corporate takeovers // Public Relations Review. 1995. № 21(2). P .89-101.

Информационное общество и СМИ

**КОНФЛИКТ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСЕНСУСА В УСЛОВИЯХ
ПОЛЕМИКИ О ТРАДИЦИОННОЙ МЕДИЦИНЕ В СЕТЕВОМ
СООБЩЕСТВЕ КИТАЯ**

Статья рекомендована к публикации главным редактором Т.В. Ершовой 18.04.2022.

Ма Кэ

МГУ имени М.В.Ломоносова, факультет журналистики, кафедра зарубежной журналистики и литературы, аспирант
Москва, Российская Федерация
intersoviets@gmail.com

Аннотация

В данной статье автором предпринята попытка раскрыть возможные факторы полемического конфликта формирования консенсуса при полемике о традиционной медицине в сетевом сообществе Китая. Материалы исследования основываются на полуструктурированных интервью активным участникам, избранным в самой качественной Интернет-платформе Китая в сфере вопросов и ответов «Zhihu». Выявлено, что 1) на разных позициях действуют разные когнитивные фреймы, связанные с философией науки, национальной историей и культурой, потребностью экономики, идеологией и эффективностью лечения; 2) полемика выходит за рамкой научного вопроса в сторону политкорректности; 3) Эффект литературного мнения ослаблен при формировании консенсуса.

Ключевые слова

полемический конфликт, формирование консенсуса, традиционная медицина, сетевое сообщество Китая

Введение

В настоящее время мы живем в эпоху разнообразных конфликтов, которые разворачиваются в цифровых медиа. В такой конфликтно-медиатизированной среде, как нормальное состояние в процессе национального и общественного развития, конфликты обычно возникают на разных стадиях динамической превратности, затрагивая практически все стороны социума и повседневной жизни. Как форма выражения социального конфликта полемика возникает не только в новостном дискурсе, но и, в большей степени, в социальной реальности. Она вовлекает людей к участию в диалоге и ее обсуждение неотделимо от сложной общественной, исторической и политической среды [1].

Появление и развитие новых средств информации в информационном обществе, таких как интернет и мобильные устройства, создало множество платформ и каналов для производства и распространения полемических вопросов. Кроме того, новые информационные средства создали особую среду, опорой которой стали скорость, беспрепятственность, интерактивность, анонимность, а также минимальные дисциплинарные риски. Эти особенности позволяют расширять традиционные границы обсуждения от ситуации с участием профессионалов до киберпространству, где серьезность может быть рассеяна. Из-за этого пользователи Интернета с разным уровнем знаний и интеллектуальной подготовкой также получают возможность участвовать в процессе обсуждения по разным мотивам.

Когда речь конкретно идет о современном Китае, мы можем увидеть, что он, с одной стороны, сталкивается с волной глобализации, с другой стороны, он также испытывает внутреннее общественное развитие, которое несет глубокие изменения в социальной структуре. Разные

© Ма Кэ, 2022.

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>
https://doi.org/10.52605/16059921_2022_04_88

концепции ценностей и идеологии сталкиваются друг с другом, некоторым прежним представлениям и нормам бросается вызов, и в обществе постепенно начинает появляться «тревога за консенсус». Рассматривая в социальной среде Китая, полемика о традиционной медицине началась во второй половине XIX века, и сегодня, особенно когда новая эпидемия вызывает всеобщее беспокойство правительства, медицинского сообщества и общественности, традиционная медицина была принята в качестве дополнительного средства современного лечения в практике профилактики эпидемий и добилась определенных ожидаемых эффектов, но в то же время данная практика повторно вызвала полемику касательно традиционной и современной медицины в Интернет-сообществе. С помощью социальных сетей онлайн-сообщества полемика о традиционной медицине сама по себе вышла за рамки простой позиции. Онлайн-пользователи с различными позициями постоянно обновляют свои аргументы, пытаясь в полемике убедить противоположную сторону в своей правоте. Одновременно с этим мы заметили, что эмоциональная поляризация и информационный шум усиливаются и они постепенно отдаляют обсуждение от его первоначальной цели. В таких условиях трудно достичь консенсуса и конструктивных выводов, более того, это оказывает негативное влияние на формирование и повышение научной и медийной грамотности общественности и в целом на здоровое функционирование медиапространства.

Таким образом, в данной статье проводится попытка раскрыть когнитивные фреймы о традиционной медицине, их взаимоотношения и особенности коммуникационного механизма в китайском сетевом сообществе для того, чтобы понять процесс формирования и брожения этого конфликта и найти возможные подходы к его разрешению.

1 Обзор научных исследований

1.1 Медиатизация конфликта

Несомненно, медиаисследования сталкиваются с проблемой в понимании того, стали ли и каким образом медиа встроены во все области нашей современной жизни, насыщенной медиатизированными явлениями [2]. Конфликты, разворачивающиеся в медийном пространстве, подчеркивают особенность противоречий как исследовательского объекта, который давно интересует ученых в области медиа, социальных и культурных исследований [3]. Медиа, как традиционные СМИ, так и социальные сети, в контексте усиливающегося процесса медиатизации приобретают все более самостоятельную роль, превращаясь в полноценных соучастников, со-конструкторов, со-организаторов, даже подстрекателей конфликта, в среду его существования. Эта особенность современной медиакоммуникации, которая сама становится пространством конфликта, превращает медиа не просто в инструмент информирования, но в полноправного субъекта конфликта, способного усиливать или ослаблять его развитие [4]. Конфликт со своей многоуровневостью и многоаспектностью в современном обществе – это уже не только война или вооруженное противостояние, освещаемое в СМИ, но и конфликты между противостоящими друг другу социальными группами и индивидами, их интересами и ценностями, находящими самое разное понимание в системе коммуникации современного общества [4][5]. Эти значения в медиатизированном мире действуют как вращающиеся рамки, которые кружатся внутри и вокруг конфликтов. Без провокационного разрыва не было бы связи и трансформации. Появление социальных движений и их медиатизированная борьба трансформируют статус-кво и разрушают гегемонистские властные структуры, предлагая возможности видеть и действовать по-другому [6].

1.2 Функционирования социальной сети в коммуникации конфликта

Изучение сложной природы взаимосвязей медиа и конфликта становится перспективной областью современных медиаисследований, интегрирующей анализ этих взаимосвязей в актуальную исследовательскую повестку социальных наук [7]. При этом изучение особенностей медийного участия в публичном выявлении, презентации и разрешении конфликтов может быть в перспективе выделено в отдельную область научной рефлексии – медиаконфликтологию [8]. В последние годы произошли глубокие изменения в медиаэкологии, во многом обусловленные развитием цифровых технологий и онлайн-социальной сферы [9]. Социальные медиа имеют значительные перспективы для анализа конфликтов они сигнализируют о дальнейшей интеграции и / или более широком внедрении цифровых медиатехнологий в социальной, профессиональной и общественной жизни [10]. Развитие платформ социальных сетей обеспечивают как новый импульс, так и задают новые задачи для реализации анализа конфликтов с помощью цифровых средств [3]. Одно из ключевых нововведений социальных сетей (по сравнению с традиционными

СМИ) заключается в том, что они предоставляют пользователям возможность искать информацию и делиться своим контентом в своих сетях. Сложные алгоритмы позволяют людям следить за контентом и рекомендовать его на основе своей сети [12]. Социальные сети все чаще играют более важную роль в конфликтах, и все используют их как инструмент для коммуникации. В то же время ученые обратились к социальным сетям как к источнику новых данных о конфликтах. Схема для понимания влияния социальных сетей на конфликт по четырем взаимосвязанным моментам: 1) социальные сети снижают себестоимость коммуникации; 2) увеличивают скорость распространения информации; 3) фокусируются на стратегическом взаимодействии и конкурентной адаптации участников в ответ на изменения коммуникационных технологий; (4) новые данные, которые предоставляют социальные сети, являются не только важным ресурсом, но и коренным образом изменяют информацию, доступную участникам конфликта, тем самым формируя сам конфликт [13]. Разнообразие медиаканалов и медиасодержания, медиаповесток в социальных медиа приводит к диверсификации медиаструктур, фрагментации аудитории, разнообразию практик медиапотребления и вариативности его социальных эффектов. Вследствие возросшей гетерогенности аудитории возникли конфликтующие, противоборствующие, конкурирующие типы медиапотребления, отразившие становление различных стилей жизни, ценностных убеждений, идеологических и политических взглядов [14].

2 Методика исследования

В данной работе в качестве платформы наблюдения для исследования была выбрана Интернет-платформа «Zhihu», являющаяся высококачественным китайским интернет-сообществом в сфере ответов на вопросы пользователей. На данной платформе был осуществлен поиск по ключевому слову «традиционная китайская медицина». Из полученных постов были отобраны респонденты в соответствии с тремя основными позициями по отношению к традиционной китайской медицине (поддержка; оппозиция; нейтралитет). После объяснения цели исследования и получения согласия от респондентов были определены 7 для проведения полуструктурированное интервью.

В целях защиты конфиденциальной информации респондентов в данном исследовании будет использоваться порядковый номер вместо их идентификаторов сети. Таким образом, на основе базовой информации, полученной от респондентов, нами была подготовлена следующая таблица:

Таблица 1. Основные характеристики респондентов

Номер респондента	Базовая позиция	Профессия	Пол	Возраст
A1	поддержка	Студент института традиционной китайской медицины	М	25
A2	поддержка	Сотрудник фармацевтической компании ТКМ	М	43
A3	поддержка	Студент финансового института (семья студента работает в области традиционной китайской медицины)	Ж	20
B1	оппозиция	Кандидат биологических наук	Ж	31
B2	оппозиция	Специалист в научно-технической отрасли (на протяжении длительного времени следит за некоторыми научными вопросами)	М	33
C1	нейтралитет	Пенсионер, бывший банковский работник	Ж	55
C2	нейтралитет	Самозанятый	М	48

С учетом особенностей исследуемого вопроса необходимо было уделить особое внимание таким аспектам, как актуальность, точность и расширяемость исследования, нами был составлен следующий конспект интервью:

Таблица 2. Конспект интервью

Q1: Есть ли у Вас или у членов Вашей семьи профессиональное образование, связанное с традиционной или современной медициной?
Q2: Как бы Вы сформировали свою основную позицию по традиционной китайской медицине?
Q3: Что Вы думаете по поводу полемики о традиционной китайской медицине в интернете?
Q4: Как Вы думаете, по каким причинам пользователи интернета не могут достичь консенсуса в полемике, касающейся традиционной китайской медицины?
Q5: Когда Вы участвуете в полемике в интернете по вопросам, связанным с традиционной китайской медициной, Вас не волнует, что Ваши взгляды подвергаются сомнению со стороны других пользователей?
Q6: На Ваши собственные взгляды оказывали ли влияние лидеры мнения?
Q7: Считаете ли Вы, что Ваше мнение может влиять на позицию и суждения других?
Q8: Как Вы думаете, Ваша позиция могут быть изменены под влиянием другого мнения?
Q9: Как вы думаете, какое положительное или отрицательное значение эта полемика будет означать для аудитории такой информации?

3 Основные результаты исследования:

3.1 Когнитивные фреймы в полемике

Согласно проведенному нами анализу результатов, полученных в ходе интервью, нами были выделены пять когнитивных фреймов в полемике о традиционной китайской медицине из трех основных позиций:

1) Научно-философский фрейм

Сторонники данного фрейма полагают, что именно наука стала наиболее эффективным инструментом познания в современном человечестве, особенно в сферах, связанных со здоровьем человека. По этой причине сторонники данного подхода считают, что методы традиционной и современной медицины в равной степени должны подвергаться строгой научной проверке, а научно обоснованные методы противоречат всем методам, основанным только на опыте и метафизике. Таким образом, все методы традиционной медицины и применения лекарств, которые не были подтверждены фармакологическими компонентами и двойными слепыми клиническими испытаниями, должны быть переоценены с научным скептицизмом и применяться с осторожностью. Кроме того, сторонники этой структуры также надеются передать научные идеи и методы большему количеству людей с помощью обширных дискуссий по научным полемическим вопросам, чтобы повысить научную грамотность всего общества.

2) Культурно-исторический фрейм

Сторонники данного фрейма считают, что традиционная китайская медицина сыграла важную роль в национальной истории. Благодаря вкладу традиционной китайской медицины китайская цивилизация сохранилась до настоящего момента. Традиционная китайская медицина не только являлась средством спасения жизней в прошлые эпохи, когда не существовало достижений современной науки, но и являлась интеллектуальным плодом бывших работников традиционной медицины, она уже стала неотъемлемой частью китайской национальной культуры. Именно по этим причинам, согласно мнению сторонников культурно-исторического фрейма, доказательство научности в традиционной китайской медицине не имеет большого практического значения.

3) Фрейм социально-экономических потребностей

Сторонники данного фрейма считают, что в настоящее время традиционная китайская медицина и ее смежные отрасли промышленности не только сохранились, но и продолжают развиваться. Данные отрасли уже превратились в колоссальную производственную цепочку, связанную со множеством других сфер, таких как налогообложение, трудоустройство и т.д. Таким образом, традиционная китайская медицина внесла и продолжает вносить существенный вклад в социально-экономическое развитие, а также поддерживает стабильность в данном аспекте. Поэтому ее существование и развитие следует поддерживать.

4) Идеологический фрейм

Согласно мнению респондентов, поддерживающих данный фрейм, современная наука, бесспорно, внесла значительный и незаменимый вклад в прогресс человеческой цивилизации, однако во всем этом доминируют и распространяют западные развитые страны, которые сами по себе имеют своего рода принуждение, и в контексте чередующегося сотрудничества и конкуренции с западным миром и тенденции девестернизации мы должны осторожно и даже консервативно относиться к «западному сознанию» и поддерживать все элементы, отражающие субъективность своего собственного национального государства, а китайская медицина является таким представительным элементом.

5) Фрейм, основанный на конкретном лечебном эффекте

Сторонники концепции представляют нейтральную позицию, утверждая, что для обычного пациента следует опробовать различные возможные варианты лечения, независимо от того, следует ли считать эффективными современные или традиционные лекарства и методы лечения, если они оказывают определенное эффект на себя, а полемика не способствует стремлению человека к конкретным лечебным целям.

3.2 Конфликтные отношения между когнитивными фреймами: полемика выходит за рамки научной сферы в сторону политкорректности

В процессе социальной модернизации общественность в целом приняла общий принцип ведения дел – находясь между идеальными концепциями и реальными потребностями, и склонна принимать ту сторону, которая может решать практические задачи. По этой причине в определенной степени данный прагматичный принцип также создает ситуацию, в которой различным точкам зрения трудно вести диалог и достигать консенсуса. С учетом особенностей китайского общества, а также с учетом того факта, что традиционная китайская медицина не только имеет глубокие исторические и культурные корни, но и по-прежнему вносит вклад в национальное здравоохранение и экономическое развитие, а также учитывая наличие активных споров на тему распространения и влияния западных ценностей и идей, полемика о традиционной китайской медицине уже вышла за рамки научного диалога и перешли в разряд обсуждения политкорректности.

Несмотря на то, что аргументы, приводящиеся в рамках научно-философского фрейма, тесно перекликаются с научными теориями и результатами научных экспериментов, они наталкиваются на неравномерность научной грамотности у целевой аудитории, а также создают противоречия у части аудитории, поскольку часто обозначают традиционную китайскую медицину как лженауку. Одновременно с этим данный фрейм также сталкивается с влиянием ряда других факторов, к числу которых относятся такие, как культурные, экономические, идеологические и т.д., что не позволяет данному фрейму найти широкую поддержку в обществе. Помимо этого, в результате проведенного исследования феномена эмоциональной поляризации в онлайн-обсуждениях, а также проведенным эмпирическим изысканиям нами было отмечено, что группы пользователей, подвергающие сомнению китайскую медицину, часто подвергаются резким нападкам в обществе и часто могут клеймиться как «пустословы», «предатели», «представители западной идеологии» или «рабы научного подхода» и т.д. Подобные конфликтные моменты увеличивают шум вне пределы самого ядра обсуждения и не позволяет формировать эффективный диалог между представителями разных точек зрения.

3.3 Механизмы влияния лидеров мнений в полемике

В эпоху новых медиа лидеры мнений активно участвуют в процессе коммуникации, выступая не только в качестве распространителей или получателей информации, но и задают повестку за счет своего социального статуса и профессиональных знаний, внося в общество те или иные идеи и мнения, пользуясь при этом своим положением и правом голоса для того, чтобы увеличить свое влияние среди аудитории.

По причине того, что респонденты, участвовавшие в рамках данного исследования, не являлись лидерами мнений интернет-сообщества по традиционной китайской медицине, однако будучи относительно активными участниками обсуждения, респонденты также обратили внимание на существование механизма влияния лидеров мнений. На основе полученных ответов в ходе интервью мы считаем, что по сравнению с другими тематиками, представляющими профессиональный интерес, но не предполагающими многосторонней дискуссии, влияние лидеров мнений в рамках данной тематики существует лишь при первичном контакте

заинтересованной группы людей, которая не слишком знакома с данной тематикой. Таким образом, когда данные группы постепенно начинают формировать собственное мнение, а также начинают принимать участие в обсуждении данной темы, изначальные лидеры мнений перестают быть единым центром, отстаивающими единую позицию, и превращаются в центр сбора комментариев, объединяющий мнения участников дискуссии, отстаивающих разные позиции. Помимо этого, роль и авторитет лидеров мнений при направлении общественного мнения и сплочении атмосферы могут постепенно ослабевать на фоне возникновения конфронтации по обсуждаемой тематике. Ослабление авторитета лидеров мнений также может стать одним из ключевых факторов, не позволяющим сторонникам разных когнитивных фреймов достичь консенсуса. Именно такое ослабление и недействительность этого опосредованного эффекта также стало важной причиной, по которой трудно сформировать консенсус в полемике о традиционной медицине.

4 Недостатки и перспективы исследования:

На основе предмета и объема проведенного нами исследования, а также имевшихся возможностей мы можем выделить следующие вопросы, требующие дальнейшего рассмотрения в будущих исследованиях: 1) Поскольку в данной работе респонденты не являются лидерами мнений по данной теме, наблюдение за действиями лидеров мнений требует проверки на надежность; 2) По вопросу влияния коммуникаций на аудиторию в сочетании с опросом небольшого числа респондентов не могут обеспечить должной репрезентативности, поэтому результаты данного исследования только могут быть использованы исключительно в качестве предварительного эмпирического наблюдения.

Вследствие этого позже будет проведено дополнительное корреляционное исследование в отношении вышеперечисленных ограничений, включая распознавание лидеров мнений по рассматриваемой теме, определение более широкой целевой аудитории, проведение опроса или интервью, анализ и интерпретация большего количества контента.

Заключение

Как конфликтная тема, связанная с наукой, историей и культурой, экономическим развитием, идеологией, здравоохранением, взгляды всех сторон вокруг полемики о традиционной китайской медицине не были сбалансированы в обсуждении сетевого сообщества. В основном это проявляется в том, что механизм влияния лидеров мнений не очевиден, феномен эмоциональной поляризации усугубляет закрепление позиций, усиливается шум ненаучных элементов и мешает формированию консенсуса. Но в то же время мы также видим, что коммуникация сетевого сообщества совершенно отличается от профессиональных и авторитетных СМИ тем, что она обладает высокой степенью централизации разных участников, идей и выражений в полемике. Такого рода особенность наводит на ключевой вопрос информационного общества: необходим ли консенсус, и если да, то как его достичь. С нашей точки зрения можно утверждать, что конфликт в информационном обществе может быть ожесточен, но в процессе также порождает возможность получения истинных знаний и содействия решению связанных с этим проблем. Конфликт общественных интересов и ценностей, замешанный в полемических событиях, требует обширных и рациональных консультаций между правительством, соответствующими заинтересованными сторонами, научным сообществом, СМИ и широкой общественностью. Одновременно с этим еще требуется пристальное внимание и глубокое исследование закономерностей и специфики коммуникации социальных медиа в информационном обществе, а также своевременное реагирование на разрешения соответствующих вопросов.

Литература

1. Crammer A. Controversy as News Discourse. Berlin: Springer, 2011. P.7
2. Couldry N. Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice. Cambridge: Polity Press, 2012.
3. Marres N., Moats D. Mapping Controversies with Social Media: The Case for Symmetry // Social Media + Society. 2015. July-December Pp. 1-17. DOI: 10.1177/2056305115604176

4. Вартанова Е.Л., Дунас Д.В., Гладкова А.А. Медиа и конфликты: исследование взаимовлияния в актуальном академическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 4. С. 3–32. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332
5. Ugwuoke J. C., Erubami J. A. Old War, New Battleground: Deconstructing the Potency of Social Media for Community Engagement in Nigeria's Human Rights Advocacy Efforts // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2021. № 2. Pp. 56–74. DOI: 10.30547/worldofmedia.2.2021.3
6. Betlemidze M. Mediatized Controversies of Feminist Protest: FEMEN and Bodies as Affective Events // Women's Studies in Communication. 2015. Vol.38, №4. Pp. 374–379. DOI: 10.1080/07491409.2015.1089103
7. Вартанова Е.Л. К вопросу о субъектности конфликта в медиакommunikационной среде // Медиаальманах. 2021. № 3. С. 8–18. DOI 10.30547/mediaalmanah.3.2021.818
8. Смирнова О.В., Шкондин М.В., Сивякова Е.В. Медийное измерение социальных противоречий как направление университетского научного дискурса // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 4. С. 585–596. DOI 10.17150/2308-6203.2021.10(4)
9. Ahmed S., Cho J., Jaidka K. Framing social conflicts in news coverage and social media: A multicountry comparative study // the International Communication Gazette. 2018. Vol.81, №4. Pp. 346–371. DOI: 10.1177/1748048518775000
10. Gerlitz C., Lury C. Social media and self-evaluating assemblages: On numbers, orderings and values // Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory. 2014. Vol.15, №2. Pp. 174–188. DOI: 10.1080/1600910X.2014.920267
11. Zeitzoff T. How Social Media Is Changing Conflict // Journal of Conflict Resolution. 2017. Vol.61, №9. Pp. 1970–1991. DOI:10.1177/0022002717721392
12. Дунас Д.В. Практики медиапотребления как проявления межпоколенческого конфликта // Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Я.Н. Засурского, Г.С. Филаткиной, О.Р. Алевизаки [и др.]. 2021. С. 310–312.

THE CONSENSUS FORMATION CONFLICT DURING THE DISPUTES ABOUT TRADITIONAL MEDICINE IN CHINA'S NETWORK COMMUNITY

Ma Ke

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of journalism, Department of foreign journalism and literature, postgraduate student
Moscow, Russian Federation
intersoviets@gmail.com*

Abstract

In this article, the author made an attempt to reveal the possible factors of the polemical conflict of consensus formation in the controversy about traditional medicine in the network community of China. The research materials are based on semi-structured interviews with active participants selected in China's highest quality Internet Q&A platform, Zhihu. It was revealed that 1) different cognitive frames operate in different positions, related to the philosophy of science, national history and culture, the needs of the economy, ideology and the effectiveness of treatment; 2) the controversy goes beyond the scientific question towards political correctness; 3) The effect of opinion letters is weakened in the formation of consensus.

Keywords

polemical conflict, consensus building, traditional medicine, China's online community

References

1. Crammer A. Controversy as News Discourse. Berlin: Springer, 2011. P.7
2. Couldry N. Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice. Cambridge: Polity Press, 2012.
3. Marres N., Moats D. Mapping Controversies with Social Media: The Case for Symmetry // Social Media + Society. 2015. July-December Pp. 1-17. DOI: 10.1177/2056305115604176
4. Vartanova E.L., Dunas D.V., Gladkova A.A. Media i konflikty: issledovanie vzaimovliyaniya v aktual'nom akademicheskom diskurse // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2021. № 4. S. 3–32. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332
5. Ugwuoke J. C., Erubami J. A. Old War, New Battleground: Deconstructing the Potency of Social Media for Community Engagement in Nigeria's Human Rights Advocacy Efforts // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2021. № 2. Pp. 56–74. DOI: 10.30547/worldofmedia.2.2021.3
6. Betlemidze M. Mediatized Controversies of Feminist Protest: FEMEN and Bodies as Affective Events // Women's Studies in Communication. 2015. Vol.38, №4. Pp. 374-379. DOI: 10.1080/07491409.2015.1089103
7. Vartanova E.L. K voprosu o sub"ektnosti konflikta v mediakommunikacionnoj srede // Mediaal'manah. 2021. № 3. S. 8–18. DOI 10.30547/mediaalmanah.3.2021.818
8. Smirnova O.V., SHkondin M.V., Sivyakova E.V. Medijnoe izmerenie social'nyh protivorechij kak napravlenie universitetskogo nauchnogo diskursa // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2021. T. 10, № 4. S. 585–596. DOI 10.17150/2308-6203.2021.10(4)
9. Ahmed S., Cho J., Jaidka K. Framing social conflicts in news coverage and social media: A multicountry comparative study // the International Communication Gazette. 2018. Vol.81, №4. Pp. 346-371. DOI: 10.1177/1748048518775000
10. Gerlitz C., Lury C. Social media and self-evaluating assemblages: On numbers, orderings and values // Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory. 2014. Vol.15, №2. Pp. 174–188. DOI: 10.1080/1600910X.2014.920267
11. Zeitzoff T. How Social Media Is Changing Conflict // Journal of Conflict Resolution. 2017. Vol.61, №9. Pp. 1970–1991. DOI:10.1177/0022002717721392
12. Dunas D.V. Praktiki mediapotrebleniya kak proyavleniya mezhpokolencheskogo konflikta // Zhurnalistika v 2020 godu: tvorcestvo, professiya, industriya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. YA.N. Zasurskogo, G.S. Filatkinoy, O.R. Alevizaki [i dr.]. 2021. S. 310–312.

Зарубежный опыт. Международной сотрудничество

СПЕЦИФИКА СОТРУДНИЧЕСТВА РФ И КНР В ОБЛАСТИ ИКТ

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета А.А. Стрельцовым 25.04.2022.

Малчинова Айсура Эжеровна

Магистр

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет глобальных процессов

Москва, Российская Федерация

aysura.malchinova@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается понятие международной информационной безопасности, а также специфика киберугроз. Поднимается вопрос актуальности обеспечения глобальной информационной безопасности. Изучается подход Российской Федерации и Китайской Народной Республики к проблеме защищенности информационного пространства. Автором рассмотрено взаимодействие двух стран в вопросе обеспечения кибербезопасности, выявлена специфика сотрудничества.

Ключевые слова

кибербезопасность; киберугрозы; международная информационная безопасность; информационно-коммуникационные технологии; информационное пространство; Российская Федерация Китайская Народная Республика; Организация Объединенных Наций; многосторонность; коллективная безопасность

Возникновение и активное развитие цифровизации уже стало отличительной чертой XXI века. С появлением современных технологий общество переходит на новый этап своего развития – информационный [1]. С этого времени информационные технологии интегрируются в мировое развитие, закрепляя существование информационного общества. Процессы цифровизации с каждым годом оказывают все большее влияние на жизнь людей, отдельные домохозяйства и мировую экономику. Вместе с огромными возможностями, предоставляемыми цифровыми данными и технологиями, современное общество сталкивается с угрозами нового порядка. К ним можно отнести: проблему неравенства доходов в развитых и развивающихся государствах, отсутствие единой основы в сфере регулирования цифровых услуг и киберугрозы, представляющие опасность как государству, так и личности. Интернет-пользователи заинтересованы в безопасном пользовании глобальной сети, защите от кибератак и различных видов киберпреступности. Всесторонняя информатизация общества также обостряет уязвимость государств перед угрозами информационных атак. Информационный ресурс является мощным оружием в руках государств, способное оказать значительное влияние на геополитические процессы и воздействовать на ситуацию в других государствах. На сегодняшний день, информационное пространство – необходимое условие для развития государства и платформа политического противостояния. Таким образом, обеспечение информационной безопасности становится одним из приоритетных направлений деятельности государств современного миропорядка.

Международная информационная безопасность - состояние глобального информационного пространства, при котором на основе общепризнанных принципов и норм международного права и на условиях равноправного партнерства обеспечивается поддержание международного мира, безопасности и стабильности [2]. В Организации Объединенных Наций под данным термином подразумевается состояние защищенности глобальной информационной системы от террористических, преступных и военно-политических угроз [3].

© Малчинова А.Э., 2022.

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2022_04_96

Отличительной чертой проблемы информационной безопасности является ее многоаспектность. Она включает в себя не только информационную составляющую, но также экономическую, коммуникационную, политическую, энергетическую, военную и т.д. Более того, транснациональность – характеристика проблемы обеспечения безопасности в киберпространстве. Обеспечение информационной безопасности достигается путем технической и юридической деятельности. Природа информационных угроз одинакова для всего мирового сообщества, в связи с этим механизмы регулирования в сфере киберпространства также требуют унификации. Следует отметить, что в вопросе выработки единых принципов регулирования Интернет-пространства, не следует допускать навязывания правил одним государством или группой стран, необходимо одобрение мирового сообщества. В противном случае, будет это может негативно сказаться на информационном пространстве.

Упорядочивание процессов в Интернете усложняется влиянием общемировой обстановки. Нормы регулирования киберпространства вырабатываются как на национальном, так и на региональном уровне. Развитые государства в последние годы ведут активную работу над созданием технической и юридической защиты от киберугроз: создание систем распознавания, предупреждения и уничтожения попыток информационных атак и развитие регулирования информационного пространства на законодательном уровне. Тем не менее, в силу глобальности мировой сети Интернет, необходимость в многостороннем взаимодействии при решении проблем киберугроз становится все более очевидной. Государства-союзники работают над созданием совместных программ по противодействию информационным угрозам, развивают сотрудничество в сфере информационно-коммуникационных технологий. Активная деятельность в сфере обеспечения информационной безопасности ведется на площадке ООН, Европейского союза, БРИКС, ШОС, ЕАЭС, СНГ и т.д.

«Развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия» - один из пунктов национальных интересов и стратегических национальных приоритетов России согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 [4]. Таким образом, вопрос обеспечения информационной безопасности – неотъемлемый элемент системы национальной безопасности нашего государства.

Противодействие угрозам информационной безопасности на национальном уровне в России рассматриваются в Доктрине информационной безопасности [5]. Самостоятельность государства в международном информационном сообществе и независимость в выборе источников информации – основа борьбы с дезинформационными атаками. Информационная безопасность нации состоит из нескольких компонентов. Информация является главным фактором поддержания государства в политической, социальной, экономической и военной сферах.

Информационную безопасность в Российской Федерации, как известно, поддерживают следующие службы: Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК), Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, а также различные ведомственные и межведомственные подразделения.

Россия активно содействует расширению сотрудничества в сфере кибербезопасности на международном уровне. Реализация государственной политики в обеспечении международной информационной безопасности предполагается на площадке Организации Объединенных Наций как площадки для многостороннего диалога и выработки Конвенции. Кроме того, обсуждение и сотрудничество по данному вопросу проходит в рамках других межгосударственных организаций: СНГ, БРИКС, ОДКБ, ШОС, АСЕАН и т.д [6].

Говоря о вкладе России в сфере развития международной безопасности, следует отметить инициативу российских дипломатов в 1998 году. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций была принята резолюция «Достижение в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности». Принятия данного документа означало постановку вопроса международной информационной безопасности на глобальном уровне. С этого момента мировое сообщество обратило свое внимание на существование информационных угроз и начало вырабатывать единый механизм регулирования для обеспечения и укрепления системы безопасности от атак на информационном пространстве.

Рассмотрим систему информационной безопасности Китая. Глобальная сеть появилась в Китае в 1987 году, массовое пользование Интернетом началось после 1995 года. С конца 1990-х годов начались массовые кибератаки на информационную сеть Китайской Народной Республики. Серьезный ущерб информационной безопасности Китая в 1999 году нанес вирус, созданный на Тайване. Он повредил около полумиллиона компьютеров, треть которых находились на материковом Китае. В начале 2000-х годов под удар информационных атак попали правительственные сайты страны.

Начиная с 1991 года Китайская Народная Республика начала активную работу по выработке нормативно-правовых актов, регулирующих информационное пространство. К первым документам в сфере информационного регулирования относятся: «Общегосударственный регламент организации труда по информационным компьютерным системам и противодействию интернет-вирусам» 1991 г., «Временные положения администрирования компьютерно-информационных систем и международной сети Интернет» 1996 г. и др [7].

В настоящее время в Китае киберпространство регламентируется следующими документами:

1. Закон о кибербезопасности 2017 года. Принятие данного закона привело к усилению государственного контроля над информационной деятельностью компаний в Интернет пространстве. Закон определяет операции серверов с пользовательскими данными, специфику обеспечения информационной безопасности в стратегически важных отраслях.

2. Национальная стратегия по безопасности в киберпространстве. В Стратегии отмечается, что для обеспечения информационной безопасности в стране необходимо предотвращать любые вмешательства во внутреннюю жизнь государства: в политическую, социальную и культурную сферы. В Стратегии указывается главный проект кибербезопасности Китая – «Золотой щит» – система фильтрации интернет-контента.

3. Стратегия международного сотрудничества в киберпространстве 2017 года. Первый официальный нормативно-правовой акт, закрепляющий вопросы участия Китая в международном сотрудничестве в сфере обеспечения международной информационной безопасности.

Деятельность в области обеспечения международной информационной безопасности Китая осуществляется на площадке Организации Объединенных Наций, Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС.

Высшим органом системы обеспечения кибербезопасности Китая является Центральный военный совет. Полномочиями по реализации системы информационной безопасности обладают: Бюро общественной информации и надзора за сетевой безопасностью, Министерство государственной безопасности, Министерства науки и технологий и др.

Отличительной особенностью регулирования информационного пространства Китайской Народной Республики является влияние Коммунистической партии Китая. В целях координации обеспечения кибербезопасности создана Центральная комиссия по киберпространству, в состав которой входит высшее руководство страны и руководители профильных ведомств.

Большую роль в разграничении контента играет Государственное управление по делам радиовещания, кинематографии и телевидения. Оно ответственно за блокировку нежелательной информации в китайском Интернете. Значительный вклад в обеспечение кибербезопасности вносит Народно-освободительная армия Китая. В обязанности китайских военных структур входит разведывательная деятельность в Интернете, поиск уязвимостей в национальной системе защиты информационной безопасности, а также выработка комплекса мер по предотвращению кибератак.

Сущность китайской системы обеспечения безопасности в информационном пространстве заключается в совокупности технических мер по поддержанию защитной системы устройств и контроле национальной инфраструктуры сети Интернет. Особое внимание уделяется государственному суверенитету в сфере информационной безопасности. Согласно закону о кибербезопасности, интернет-провайдеры обязаны хранить персональные данные пользователей на территории КНР.

Китайская Народная Республика заявляет об открытости к международному сотрудничеству в сфере информационного противоборства. В 2019-2020 гг. Китай испытал сильные атаки на предлагаемые им технологии: облачные хранилища, технологии 5G [8]. Вопрос развития информационно-коммуникационных технологий для Китая связан с насущными вопросами обеспечения глобальной информационной безопасности.

Взаимодействие Китая и России в данной сфере на сегодняшний день является одним из самых продвинутых в сравнении с другими странами. И Китай, и Россия предпринимают действия по усилению национальных систем защит от киберугроз и созданию суверенного Интернета. Рассмотрим взаимодействие РФ и КНР в области информационно-коммуникационных технологий в ретроспективе.

В 2002 году была создана Российско-китайская рабочая группа по сотрудничеству в области СМИ, ее первое заседание проводилось в Пекине. Это положило начало для взаимного сотрудничества стран в сфере телевидения, радио, информационных служб. Страны обменивались опытом, техническими достижениями, начал складываться фундамент для создания договорно-правовой базы сотрудничества. В 2008 году данный формат сотрудничества был преобразован в Подкомиссию по сотрудничеству в области СМИ Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству.

В 2015 году в Санкт-Петербурге был проведен российско-китайский медиа-форум. В ходе обсуждений затрагивались вопросы освещения СМИ стратегических проектов, сотрудничество сетевых СМИ, совместное освещение международных вопросов. Кульминацией развития сотрудничества двух стран в области информационно-коммуникационных технологий стало Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, главами внешнеполитических ведомств России и Китая в 2015 году [9]. Целью соглашения была также провозглашена совместная деятельность по обеспечению национальной и международной информационной безопасности. Два государства обязались сотрудничать в противостоянии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. В 2016-2017 годах в России и Китае были проведены «Годы китайских и российских СМИ».

Китай и Россия – единомышленники в вопросе создания системы обеспечения международной информационной безопасности. Более двадцати лет государства совместно продвигают внедрение систем многостороннего регулирования Интернета в Организации Объединенных Наций. Обе страны негативно оценивали систему ICANN, которая предоставляла США возможность быть монополистом в управлении глобальной сети.

В 2011 году Китай и Россия выступили с инициативой концепции Конвенции «Об обеспечении международной информационной безопасности». Российско-китайское предложение включало в себя правила поведения государств при взаимодействии в киберпространстве в целях обеспечения информационной безопасности. Однако данная инициатива не получила должной реакции у стран Запада, привела к противостоянию взглядов на проблему международной информационной безопасности: западная модель с монополизацией безопасности и альтернативный российско-китайский подход с коллективной системой международной безопасности. После дела Эдварда Сноудена в 2013 году в информационном сообществе начался процесс демополизации системы безопасности.

Два государства ведут сотрудничество по вопросам международной информационной безопасности в региональных форматах. Так в 2011 году в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества было подписано соглашение между правительствами государств-членов в области обеспечения кибербезопасности [10]. В 2020 году Совет глав государств-членов ШОС в Московской декларации подчеркнул необходимость разработки единых стандартов на основе норм международного права. В рамках БРИКС вопрос информационной безопасности затрагивается в Форталезской и Уфимской декларациях [11].

Сотрудничество Китая и России в сфере информационно-коммуникационных технологий обусловлено тем фактом, что обе страны считаются киберугрозами для стран Запада. В последнее время оба государства все чаще придерживаются конфронтационных отношений с Западом в информационной области: критика действий Запада, отрицание критики своей страны западным блоком, продвижение собственного видения на международном инфополе. Отдельно отмечается сходство инструментов Китая и России, используемых в целях критики западного режима. Некоторые исследователи утверждают, что соглашения между странами в области информационно-коммуникационных технологий носят символический характер. Несмотря на общность целей Китая и России в информационном пространстве, а к ним относят противостояние Западу, защита собственных политических режимов, продвижение идей и тезисов, выгодных России и Китая, на пути достижения этих целей два государства действуют параллельно, не организовывая единый фронт [12].

Рассмотрим на общности позиций двух государств. Во-первых, единое понимание и представления природы информационных атак и угроз. Во-вторых, работа над созданием суверенного и защищенного интернета. законодательства, регулирующие информационную сферу, обоих государств являются одними из самых жестких в мире. В-третьих, готовность к взаимодействию в области информационно-коммуникационных технологий не только на международном уровне, но и на региональных площадках (ШОС, БРИКС).

Однако существуют и препятствия для более тесной совместной деятельности в данном направлении. Несмотря на подписанные соглашения по сотрудничеству, СМИ государств, информационные службы всегда ставят интересы собственного государства превыше других. Необходимо учитывать данный фактор при дальнейшем развитии российско-китайского взаимодействия в информационном пространстве.

Более того, стоит обратить внимание, на курс внешней политики Китайской Народной Республики. Декларируя открытость к сотрудничеству со всем миром, Китай все же остается крайне прагматичным: каждому партнеру отводится определенная роль. В случае с взаимодействием с Россией в области информационно-коммуникационных технологий, заинтересованность Китая заключается в политическом и пропагандистском аспектах [13].

Стоит отметить, что сотрудничество государств в области масс-медиа осуществляется при поддержке правительств двух стран, с использованием административного ресурса. Данный подход обеспечивает общность информационной повестки при освещении международных вопросов, так и внутригосударственных. Однако при таком методе невозможно полное информационное согласие.

Отличительной чертой позиции России и Китая по вопросу обеспечения международной безопасности является многосторонность. Страны призывают к разработке универсальных принципов безопасности в информационном пространстве. Принцип коллективности в аспектах, связанных с обеспечением глобальной безопасности, прослеживается в позициях стран по другим международным вопросам.

Литература

1. Науменко Т.В. Информационное общество и глобализация проблемы идентификации. // Информационное общество. 2017. №6. С.4-10.
2. Указ Президента РФ от 12.04.2021 N 213 "Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381999/ (дата обращения: 04.03.2022).
3. Зиновьева Е.С. Международная информационная безопасность // МГИМО Университет, 2014. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/256505/> (дата обращения: 04.03.2022).
4. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=8&rangeSize=1> (дата обращения: 04.03.2022).
5. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 04.03.2022).
6. Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 "Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400473497/> (дата обращения: 04.03.2022).
7. Исаев А.С. Российско-китайское взаимодействие по вопросам обеспечения информационной безопасности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2018. №23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskoe-vzaimodeystvie-po-voprosam-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 07.03.2022).

8. Маслов А. Перспективы и вызовы цифровому будущему // Специальный проект RG.RU Digital, 2021. URL: <https://rg.ru/2021/07/15/pozicii-rossii-i-kitaia-po-voprosam-kiberbezopasnosti-vo-mnogom-sovpali.html> (дата обращения 07.03.2022)
9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 8 мая 2015 года (вступило в силу 10 августа 2016 года). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201608100001?rangeSize=1> (дата обращения: 07.03.2022).
10. Соглашение между правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (дата обращения: 07.03.2021).
11. Уфимская декларация. VII саммит БРИКС (Уфа, 9 июля 2015 г.) URL: <https://base.garant.ru/71480256/> (дата обращения: 07.03.2022).
12. Габуев А., Ковачич Л. Товарищи по твитам: становятся ли Россия и Китай партнерами в информационной сфере? // Московский центр Карнеги, 2021. URL: <https://carnegie.ru/2021/06/11/ru-pub-84741> (дата обращения: 07.03.2022).
13. Исаев А.С. Институты формирования общественного сознания КНР и вопросы сотрудничества СМИ России и Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2016. №21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-formirovaniya-obschestvennogo-soznaniya-knr-i-voprosy-sotrudnichestva-smi-rossii-i-kitaya> (дата обращения: 08.03.2022).

SPECIFICS OF COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND CHINA IN THE FIELD OF ICT

Malchinova Aysura Ezherovna

Master

Lomonosov Moscow State University, Faculty of global studies

Moscow, Russian Federation

Aysura.malchinova@gmail.com

Abstract

The article discusses the concept of international information security, as well as the specifics of cyber threats. The question of the relevance of ensuring global information security is raised. The approach of the Russian Federation and the People's Republic of China to the problem of information space security is being studied. The author considers the interaction of the two countries in the issue of ensuring cybersecurity, reveals the specifics of cooperation.

Keywords

cyber security; cyber threats; international information security; information and communication technologies; information space; Russian Federation, People's Republic of China; United Nations; versatility; collective security

References

1. Naumenko T.V. Informacionnoe obshchestvo i globalizaciya problemy identifikacii. // Informacionnoe obshchestvo. 2017. №6. P.4-10.
2. Ukaz Prezidenta RF ot 12.04.2021 N 213 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381999/ (data obrashcheniya: 04.03.2022).
3. Zinov'eva E.S. Mezhdunarodnaya informacionnaya bezopasnost' // MGIMO Universitet, 2014. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/256505/> (data obrashcheniya: 04.03.2022).
4. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400 "O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=8&rangeSize=1> (data obrashcheniya: 04.03.2022).
5. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.12.2016 № 646 "Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002?index=0&rangeSize=1> (data obrashcheniya: 04.03.2022).
6. Ukaz Prezidenta RF ot 12 aprelya 2021 g. № 213 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400473497/> (data obrashcheniya: 04.03.2022).
7. Isaev A.S. Rossijsko-kitajskoe vzaimodejstvie po voprosam obespecheniya informacionnoj bezopasnosti // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost', 2018. №23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijsko-kitayskoe-vzaimodeystvie-po-voprosam-obespecheniya-informatsionnoj-bezopasnosti> (data obrashcheniya: 07.03.2022).
8. Maslov A. Perspektivy i vyzovy cifrovomu budushchemu // Special'nyj proekt RG.RU Digital, 2021. URL: <https://rg.ru/2021/07/15/pozicii-rossii-i-kitaia-po-voprosam-kiberbezopasnosti-vo-mnogom-sovpali.html> (data obrashcheniya 07.03.2022).
9. Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Kitajskoj Narodnoj Respubliki o sotrudnichestve v oblasti obespecheniya mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti ot 8 maya 2015 goda (vstupilo v silu 10 avgusta 2016 goda). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201608100001?rangeSize=1> (data obrashcheniya: 07.03.2022).

10. Soglasenie mezhdu pravitel'stvami gosudarstv - chlenov Shankhajskoj organizacii sotrudnichestva o sotrudnichestve v oblasti obespecheniya mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902289626> (data obrashcheniya: 07.03.2021).
11. Ufinskaya deklaraciya. VII sammit BRIKS (Ufa. 9 iyulya 2015 g.) URL: <https://base.garant.ru/71480256/> (data obrashcheniya: 07.03.2022).
12. Gabuev A., Kovachich L. Tovarishchi po tvitam: stanovyatsya li Rossiya i Kitaj partnerami v informacionnoj sfere? // Moskovskij centr Karnegi, 2021. URL: <https://carnegie.ru/2021/06/11/ru-pub-84741> (data obrashcheniya: 07.03.2022).
13. Isaev A.S. Instituty formirovaniya obshchestvennogo soznaniya KNR i voprosy sotrudnichestva SMI Rossii i Kitaya // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost', 2016. №21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-formirovaniya-obshchestvennogo-soznaniya-knr-i-voprosy-sotrudnichestva-smi-rossii-i-kitaya> (data obrashcheniya: 08.03.2022).